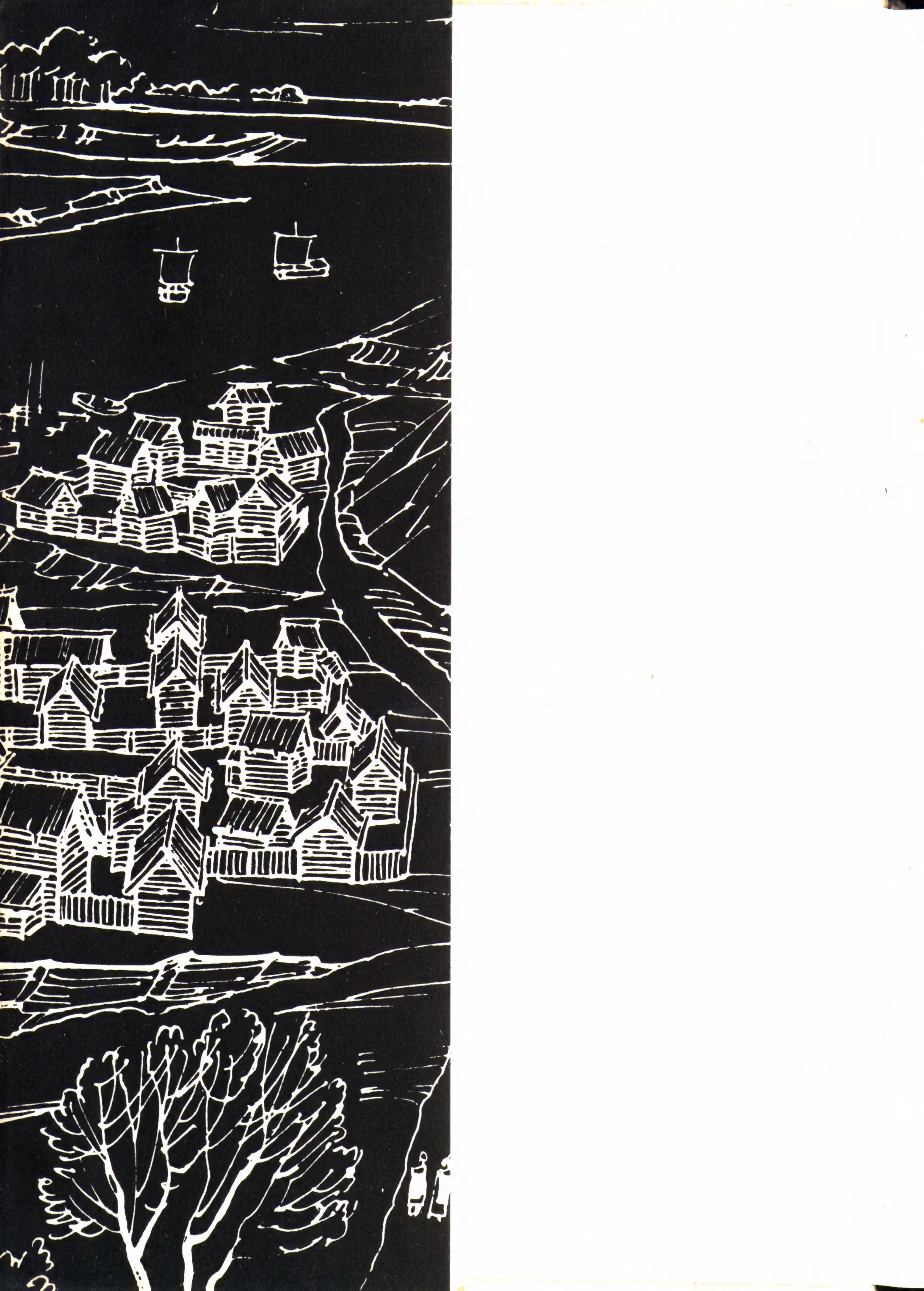

В.П. ДАРКЕВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РЯЗАНЬ

В. П. Даркевич

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РЯЗАНЬ

В. П. ДАРКЕВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РЯЗАНЬ

В. П. ДАРКЕВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РЯЗАНЬ

ЗАПИСКИ АРХЕОЛОГА

«Новое время»
Рязань, 1993

С благодарностью посвящаю
своим друзьям-археологам
и всем участникам
Старорязанской экспедиции

63.4 (2 Ряз)
Д20

Художник В. ГУСЕЙНОВ

Даркевич В. П.
Д20

Путешествие в древнюю Рязань: Записки археолога.— Рязань: «Новое время», 1993.

Рязань — один из древнейших городов, столица Рязанского княжества XI—XIII вв. Автор, доктор исторических наук, более десяти лет возглавлявший Старорязанскую археологическую экспедицию, воссоздает историю возникновения и развития этого замечательного русского города. Книга посвящена 900-летию Рязани, которое исполняется в 1995 г. В книгу включены главы о найденных археологами интереснейших кладах, героической обороне Рязани, разрушенной войсками Батыя в 1237 г. Значительное место отведено проблемам экологии, демографии, социальной психологии жителей древней столицы.

Адресована широкому кругу читателей.

0504000000-003

Д ─────────────

Ш76(03)—93

ISBN 5-85432-008-8

ВВЕДЕНИЕ

НАУКА, ВООРУЖЕННАЯ НОЖОМ И ЛОПАТОЙ

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

Что может быть увлекательнее путешествия на «машине времени»! Нам предстоит перенестись на восемьсот лет назад, в эпоху Древней Руси, когда в городах расцвела блестящая культура: здесь творили гениальные философы и писатели, зодчие и живописцы, искусные оружейники и золотых дел мастера. То была пора, когда наш первый историк Нестор создавал летописный свод, чтобы ответить на вопрос — «откуда есть пошла Русская земля», когда безвестный автор «Слова о полку Игореве» обратился к русским князьям с горячим патриотическим призывом к единству, а при впадении реки Нерли в Клязьму воздвигнули удивительный храм Покрова, до сих пор поражающий своим совершенством. Все мы — наследники этой постоянно развивающейся культуры, носительницы общечеловеческих духовных ценностей.

Люди того далекого времени знали и умели очень многое, именно они закладывали основы нашей цивилизации. Как показал печальный, если не сказать трагический, опыт XX в., отрицательное отношение к достижениям прошлого, истребление памятников древнерусской культуры, национальных святынь, запечатлевших думы и чаяния наших предков, приводят к духовной деградации нации, к потере ею исторической перспективы. Вот почему во все времена общественного возрождения и обновления в широких слоях народа возрастает интерес к родной истории, желание узнать и понять — откуда мы и куда идем. Настает время «собирать камни».

Панорама Рязани со стороны Оки в первой трети XIII в. Слева направо: Соколиная гора и Засеребрянье, р. Серебрянка, Водяные и Серебряные ворота, Кром и Средний город, Межградие, Спасский собор, Оковские ворота, Успенский и Борисоглебский соборы, Борисоглебские ворота. Под крепостными стенами обширный подол, приспособленный к пересеченному рельефу местности. Все архитектурные реконструкции выполнены Г. В. Борисевичем

Мы совершим необычное путешествие в мертвый город трудной и многострадальной судьбы, столицу княжества Рязанского, стертую с лица земли полчищами Батыя. В огне пожаров исчезли рязанские летописи и архивы, но на помощь пришла археология — «история, вооруженная лопатой». Задача этой науки — реконструкция исторического прошлого по вещественным источникам, погребенным в земле, — потенциально неисчерпаемым. Познавательные возможности археологии огромны: она восстанавливает условия и обстоятельства жизни людей и окружавший их предметный мир, позволяя целостно воссоздать эпоху и конкретизировать представления о ее культурно-бытовом фоне, слабо отраженном в памятниках письменности. Она помогает объемно увидеть, казалось бы, навсегда канувшие в Лету реалии прошлого со всей подлинностью и выразительностью деталей: труд землепашца и ремесленника, скитания купца и паломника, обстановку мастерской металлурга и ювелира, стеклодела и формовщика кирпичей. Бездушные на первый взгляд предметы, даже самые скромные, вроде тысяч обломков глиняных сосудов, в исследовательской работе археолога представляют ценность, несут важную информацию о повседневной деятельности некогда живших людей. И тогда на арену выступают не только знатные лица, известные по летописным сведениям,— князья, бояре, сановники церкви, но и простые люди Древней Руси во всей сложности их верований, социальной психологии, со своей системой ценностей, вкусами и формами жизненной ориентации.

Непременное условие успеха путешествия в Рязань XI—XIII вв., один из крупнейших экономических, политических и культурных центров Руси,— это искусство «одушевления» вещей, немых соучастников прошлого. Сумев заставить их внятно «заговорить», мы освоим и тот микромир, который окружал человека Древней Руси. В совокупности они создают целостную картину жизни древнерусского города, позволяют вписать ее в контекст культуры всей Руси. Предметом истории становится человек былых времен во всей неоднозначности и противоречивости своего бытия.

АРХЕОЛОГИ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

Современная Рязань в древности называлась Переяславлем-Рязанским. Сведения о его заложении около церкви Николы Старого относятся к 1095 г. А в 65 км к юго-

востоку от нее, на обрывистом правом берегу Оки, напротив города Спасска-Рязанского, раскинулось обширное городище — запустевшее укрепленное поселение. Именно здесь находился славный и богатый град Рязань, столица Рязанского княжества. Лишь кольцо величественных валов указывает ныне на место мертвого города, и требуется живое воображение, чтобы представить его облик во времена расцвета[1].

Миновав современную Рязань, оставив позади кремль с пятиглавой громадой бухвостовского Успенского собора и высокой ампирной колокольней, проехав мост через особенно широкую в этом месте Оку с песчаными отмелями, наша экспедиционная машина поворачивает к Спасску, на дорогу, приподнятую над бескрайними заливными лугами, и через час езды с песчаного берега, омываемого «Спасским озером», открывается панорама городища, у подножия которого примостилась маленькая деревушка и церковь с шатровой колокольней. Это и есть Старая Рязань — «место, освященное славными событиями отечественной истории», как писали в начале прошлого века.

После монгольского разорения Рязань так и не смогла оправиться. В XIV в. столицу княжества перенесли в Переяславль. Прикрытый лесами и меньше страдавший от нападений с юга, он быстро рос и приобрел роль главного центра в Рязанской земле. В 1503 г. Старая Рязань, по традиции называемая городом, была передана удельным князем Федором Васильевичем великому князю московскому Ивану III. В «Книге Большому чертежу» 1627 г. Старая Рязань уже не именуется городом, а в окладных книгах 1676 г. значится селом. С XVII в. возле сохранившейся церкви существовал Благовещенский мужской монастырь, упраздненный при Екатерине II. К тому же веку относятся и несколько усадеб, раскопанных на городище нашей экспедицией, и белокаменные надгробия. В конце XVIII Павел 1 подарил Старую Рязань князю А. Б. Куракину, который вскоре продал ее другому помещику, а тот — полковнику Стерлигову. «Теперь на гробах праотцов пашут землю,— и время, вместе с невежеством, истребляет следы их существований»,— сетует К. Ф. Калайдович, член-корреспондент Петербургской академии наук, после сенсационной находки в 1822 г. так называемых рязанских барм.

Найденное сокровище привлекло к Старорязанскому

---

[1] В дальнейшем изложении Старую Рязань, название, известное с XVI в., я именую Рязанью, как это было в XI—XIII вв.

городищу внимание местных любителей древности. Но русская археология как особая наука со своими методами полевой и лабораторной работы сложилась только к середине прошлого века. На смену кладоискателю, роющемуся в земле в поисках редкостей, приходит знаток вещественных исторических источников. Анализируя их, он получает объективную картину далекого прошлого. Видные историки начинают осознавать значение археологических исследований. Дмитрий Иванович Иловайский, автор «Истории Рязанского княжества» (1858), утверждал, что многие вопросы останутся нерешенными, «пока русская археология и филология не приведет в известность и не объяснит хотя бы наиболее замечательных памятников рязанской письменности, а равно и памятников искусства, принадлежащих рязанскому краю».

А пока на городище продолжают хозяйничать дилетанты, чудаки-антиквары, одержимые коллекционеры всевозможных раритетов. «Кости, металлы, камни, даже изделия (?! — *В.Д.*)... чудесно в чем-нибудь и каким бы то ни было образом чрез многие века спасенные, всегда останавливают на себе внимание каждого любителя почтенной древности. Самомалейшая черта любопытства рождает тысячи исследований, тысячи догадок, которые, и весьма не редко, в свою очередь открывают величайшие сокровища для опытности как историка, так и литератора», — писал журналист М. Н. Макаров в «Краткой записке о некоторых достопамятностях Резанских и Пронских» в 1819 г.

В самом деле, при зарождении любой науки ей не обойтись без дотошных собирателей и регистраторов фактов — архивариусов знания. Критикуя предшественников за недостаточно квалифицированные раскопки, к примеру, купеческого сына, местного любителя старины Дмитрия Тихомирова, нашедшего остатки княжеского Борисоглебского собора, следует, однако, учитывать и состояние науки того времени: ведь обвинить всегда легче, чем понять. И странно было бы требовать от наших предшественников знания современной техники раскопок: археология в те времена не выделилась из других наук, а археологические памятники еще не стали полноправными историческими источниками.

Даже после создания в 1884 г. Рязанской ученой архивной комиссии, когда начинается организованное изучение городища, плохо документированные раскопки на нем оказались ближе к любительству краеведов, чем к исследованиям профессиональных археологов. Алексей Васильевич

Селиванов, правитель дел комиссии и редактор ее «Трудов», один из создателей исторического музея в Рязани, раскопал развалины второго храма на городище— Спасского. Характерно, что кроме археологии ученый всерьез занимался зоологией беспозвоночных, сравнительной анатомией и статистикой.

Широтой интересов отличался и его преемник Алексей Иванович Черепнин, выпускник Петровской земледельческой академии. Увлекаясь нумизматикой, он собрал ценную коллекцию монет и медалей, с 1903 г. состоял председателем Рязанской ученой архивной комиссии и хранителем ее музея. К сожалению, раскопки на Старорязанском городище А. И. Черепнин вел не широкими площадями, а траншеями, и потому опубликованные им отчеты и дневники крайне схематичны, в них отсутствует регистрация вещевых находок.

Первые открытия и успехи археологов в Старой Рязани лишь приоткрыли завесу над прошлым, погребенный в земле город по-прежнему окутан тайной. Но самоотверженные энтузиасты, «поощряемые единственно любовью к родному краю и уважением к науке», как писали тогда, не ограничиваются поисками эффектных вещей. Они старались следовать научным правилам, выработанным императорской археологической комиссией. Ее инструкции гласят: «Все раскопки на городище непременно должны быть доводимы до материковой целины и в точности обозначаемы на общем плане его... Всему ходу работ необходимо вести самый подробный дневник с приложением к нему, где окажется нужным, чертежей и планов. К находимым вещам прилагать особые ярлычки под теми же нумерами, под которыми они будут значиться в общей описи находок».

Члены комиссии делают все возможное для охраны памятника: они отвергают ходатайство спасского купца Смирнова о выдаче разрешения на «право производства раскопок и исследования на его счет существующего, по его мнению, подземного хода в пределах Старорязанского городища», обязывают помещика Стерлигова предотвратить распашку древних валов.

...В 1926 г. в газете «Известия» появилась следующая заметка: «Археологическая наука как бы стремится наверстать время, потерянное в мировую и гражданскую войны... Большой интерес представляет исследование «Старой

Рязани»— столицы Рязанского княжества, сожженной Батыем в XIII веке...». Речь шла об экспедиции Василия Алексеевича Городцова, классика отечественной археологии, учителя и воспитателя нескольких поколений исследователей, которые вспоминают о нем как о человеке редкой душевной отзывчивости.

Сын священника из села Дубровичи Рязанского уезда, Городцов был отдан для обучения в Рязанскую духовную семинарию, но не захотел пойти по стопам отца. Он окончил офицерское училище и более четверти века, до 1906 г., прослужил в армии, где и обрел пригодившиеся впоследствии знания по топографии, картографии, геодезии. Василия Алексеевича еще с молодости, когда он открыл неолитические стоянки возле родного села, увлекли поиски древностей. Изучение археологических памятников разных эпох в бассейне Средней Оки — одна из крупнейших заслуг его, опытного полевого исследователя, наблюдательного и трудолюбивого музейного работника, много сделавшего для систематизации древностей России, собранных в московском Историческом музее. Уже в возрасте 79 лет для изучения своеобразной культуры окских финнов ученый провел раскопки Борковского могильника и Канищевского городища под Рязанью.

Учеников Василия Алексеевича привлекали его честность в науке, самостоятельность суждений, недоверие к преждевременным обобщениям. Работал он с полной самоотдачей и в самых суровых условиях военного времени. В своей промерзшей квартире, когда немцы рвались к Москве, он читал лекции по археологии единственной в ту пору студентке. Это была Татьяна Васильевна Николаева, впоследствии известная исследовательница древнерусского искусства.

Но вернемся в 1926 год. В. А. Городцов выступает не в роли пассивного регистратора фактов, а исследователем, прокладывающие новые пути. Он ставит прошлому вопросы, подлежащие выяснению. В своем дневнике Василий Алексеевич впервые высказал соображения о внешнем виде древней Рязани. Эскизный рисунок на одной из его страниц воспроизводит часть застройки: вдоль улицы стоят рубленые одноэтажные дома с узкими окнами и двускатными кровлями; за заборами усадеб видны стога сена. Два дома объединены общими воротами, ведущими в узкие дворы. На заднем плане возвышается каменная церковь. Подчеркнута однотипность застройки и ее теснота. Василий Алексеевич писал: «Мне кажется, общий вид города XIII в. должен быть

сходен с видом современной богатой деревни, не успевшей перестроиться в кирпичные дома. Крыши соломенные, стены бревенчатые, ворота тесовые, окна волоковые, незатейливые украшения подзоров крыш, вот и общий вид. Только церкви каменные да, может быть, княжеский дом да дома высших бояр выделялись своею красотою из общей серой массы окружающих построек». Упорная работа в сочетании с интуицией позволили В. А. Городцову нарисовать картину весьма близкую, хотя и не вполне тождественную, современным представлениям.

В. А. Городцовым открыто около 50 построек, что позволило ему предложить реконструкцию рядового наземного жилища, слегка углубленного в материк. По его мнению, все дома «оказались деревянными, просторными, с дощатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами. В 17 исследованных домах находились глинобитные печи, поставленные не в углу, как это делается в современных избах, а посредине пола. В двух домах, из которых один представляется самым богатым, стояли и кирпичные печи, занимавшие места в углу. В домах особенно хорошо сохранились подпольные ямы. Обыкновенно их было по две». Реконструкция Городцова в общем подтверждается для одного из типов жилищ Рязани. Ошибочным оказался лишь вывод о расположении печи посредине избы.

Рекогносцировочный характер работ и их быстрый темп обусловили далеко не совершенную методику. В. А. Городцов прорезал культурный слой узкими траншеями, следы которых до сих пор видны в наиболее древней северной части городища. При тесноте древней застройки траншеи неминуемо разрушали перекрывавшие друг друга разновременные сооружения, что ускользало от внимания исследователя. При современных раскопках древнерусских городов принято вскрывать широкие площади, а траншеи и шурфы закладывают только для разведок, для выявления наиболее выигрышных в научном отношении участков.

Со смертью Василия Алексеевича Городцова в 1945 г. окончилась целая эпоха в археологической науке. Работы Городцова положили начало подлинно научному изучению домонгольской Рязани, воссозданию целостной историко-бытовой среды, окружавшей горожан.

Планомерные раскопки Старой Рязани возобновились после второй мировой войны. Работы велись в 1945—1950 гг. и, после длительного перерыва, в 1966—1970 гг. экспедицией Института археологии АН СССР в сотрудничестве

с Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником. Исследованиями руководил Александр Львович Монгайт, крупный специалист в области славяно-русской археологии, ученый с широким кругозором, высокой гуманитарной культурой, острым критическим умом. «Порядочная доля скептицизма полезна представителям науки»— эти слова Дарвина в полной мере можно отнести и к Александру Львовичу. Он умел избегать ошибок, свойственных выводам многих археологов, замечал уязвимые места в, казалось бы, стройных исторических концепциях, выдаваемых за истину в последней инстанции. Я проработал в Старой Рязани с Александром Львовичем четыре года и помню его как человека трезвого ума, трудолюбивого, жизнерадостного и общительного, которому не было чуждо ничто человеческое.

Экспедицией А. Л. Монгайта в результате систематических раскопок были вскрыты важные участки территории древней Рязани, изучены топография и укрепления города, обнаружены наземные и полуземляночные жилища, ремесленные мастерские. Расчищен и третий каменный храм. Получены разнообразные вещевые материалы, рассказавшие о культуре городского населения. Истории Рязанского княжества и его столицы посвящены капитальные труды А. Л. Монгайта— «Старая Рязань» (1955) и «Рязанская земля» (1961). Обе книги, не утратившие научного значения до сих пор, стали библиографической редкостью.

Крупномасштабные археологические работы в Старой Рязани продолжались и в 1971—1980 гг. под руководством автора этой книги. Они велись по заранее разработанному плану, ибо требовалось решить конкретные вопросы, оставшиеся неизученными.

Следовало выяснить время основания города и первоначальный состав населения, в связи с чем были проведены обширные раскопки грунтового могильника на городище. Для воссоздания планировки и застройки древней Рязани мы перешли к методике исследований большими площадями, что изменило представления о ее внешнем облике: в деревянной архитектуре господствовали наземные дома, а не землянки. Впервые провели работы на неукрепленном подоле, вскрыли братские могилы жертв монгольского нашествия. Оказалось, что горестные строки летописца о страшной судьбе города и поголовном уничтожении его жителей не были преувеличением. И наконец, экспедиция приступила к изучению сельскохозяйственной округи

столичного града, провела разведки и пробные раскопки деревень в его окрестностях.

Полученные результаты—плод дружного и самоотверженного труда всех участников экспедиции. Успех в таких случаях всегда зависит от опыта профессиональных археологов — начальников раскопов, ответственных за полноту и точность дневниковых описаний, чертежей и фотографий, от трудолюбия и сосредоточенности рабочих-землекопов, перебирающих вручную каждый комочек грунта, от добросовестности шофера и «пробивной способности» сотрудников, занимающихся хозяйственными делами.

С благодарностью я вспоминаю Владимира Петровича Фролова, преподавателя Рязанского педагогического института, любимца студентов-историков, ежегодно работавших под его руководством в Старой Рязани. Владимир Петрович вел раскопки неторопливо, с такой основательностью, что ни одна деталь не ускользала от его пристального внимания.

Кроме рязанских, в работах нашей экспедиции принимали участие студенты и школьники из Москвы, Орла, Саранска и других городов. Многие из них, увлеченные романтикой познания старины, возвращались сюда вновь и вновь.

Нельзя не помянуть добрым словом и Александру Яковлевну Курганову —«тетю Шуру», в избе которой многие годы размещался «штаб» нашей экспедиции. Простая русская крестьянка с нелегкой судьбой, хранительница «преданий старины глубокой», она обладала ясным природным умом, добротой и отзывчивостью, но если требовали обстоятельства—была порой резка и остра на язык. По-своему она привязалась к нам: ее радовало появление шумного студенческого люда, нарушавшего тишину деревни, а мне она всегда преподносила сюрприз — собранные на своем огороде древние вещи: шиферные пряслица для веретен, железные ножи и даже украшенные эмалью нательные крестики. Каким-то внутренним чутьем отличала она старинные изделия от современных.

С легкой руки журналистов, как правило пишущих только о сенсационных находках, весьма распространено ложное представление об археологии как о близком кладоискательству занятии, где счастливцев ждут сплошные триумфы и необыкновенные открытия. На самом же деле полевая работа и последующая лабораторная обработка материалов — это зачастую весьма прозаический, тяжелый и упорный труд. Получаемые результаты чаще всего прямо пропорциональны затраченным усилиям и времени. «Чело-

век науки должен обладать терпением дюжины Иовов»,— считал великий английский физик Эрнест Резерфорд.

По опыту знаю, что многие новички, впервые попавшие на раскопки, бывают обескуражены. Вместо золотых и серебряных россыпей из-под земли извлекаются глиняные черепки, гвозди, какие-то бесформенные железные предметы. Но дело постепенно движется и напряжение нарастает: каждый миг обещает встречу с неизведанным. Уже перелопачены тонны земли, множатся находки интересных вещей, и на фоне материковой глины отчетливо проступают темные пятна заглубленных в землю построек и хозяйственных ям. И когда начинается их расчистка, интерес к раскопкам становится всеобщим.

Никакая музейная экспозиция, покоящаяся в витринах под искусственным светом, не может заменить этого удивительного ощущения сопричастности с ожившей историей. Мне навсегда запомнились слова профессора Артемия Владимировича Арциховского, яркого ученого-энциклопедиста, обращенные к нам, тогдашним студентам кафедры, археологии МГУ: «Вы будете страдать от жары и холода, мокнуть под дождем, должны быть готовы к неудачам, но в конце концов вас ждет ни с чем не сравнимая радость — радость научного открытия».

Какими качествами должен обладать идеальный археолог? У него не должны опускаться руки при неизбежных срывах и неудачах. Ведь для построения стройной исторической картины подчас не хватает материала, данные фрагментарны, и тогда чистая логика перестает работать: на первый план выступают заполняющие лакуны фантазия, интуиция, достаточно сильное, основанное на знании, воображение, расцвечивающее историю живыми красками. Вновь полученные сведения неизбежно вносят свои поправки. По-иному решаются старые проблемы и возникают другие: историческая мысль постоянно развивается.

Увлеченный вещеведением археолог, занятый лишь филигранной классификацией и систематизацией своего материала — необходимого, но первоначального этапа исследования,— как бы отчуждает произведения человеческого труда от их создателей. Археология — один из отделов истории, а предмет истории — человек.

Извлекаемые из земли повседневные вещи рассказывают о прошлом и месте человека в нем, помогая вжиться в историю. Они повествуют об экономических отношениях, уровне культуры, обычаях и верованиях наших далеких предков. Как это ни сложно, археолог пытается взглянуть на

мир их глазами. Способность к такому сопереживанию, стремление понять человека давно минувших времен — благородная задача историка-археолога.

Хотелось бы вкратце ответить на некоторые вопросы. Именно их чаще всего задают на докладах и лекциях.

1. Что такое культурный слой и как он образуется?

В руководствах по полевой археологии он определяется как «исторически сложившаяся система напластований, состоящая в основном из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека». Культурный слой со скоплениями вещей возникал только там, где жили люди: из жилищ выметали мусор, выкидывали кухонные отбросы, битую посуду, испорченные предметы домашнего обихода, а из мастерских — отходы производства. Все это постепенно перемешивалось с землей, с прослойками щепы, глиной от разрушенных печей, отложениями угля и золы от сгоревших строений. На месте уничтоженных зданий появлялись новые — так незаметно для глаза уровень земли с каждым годом повышался. В городах, подобных Рязани, где шло оживленное строительство, развивались ремесла, отходы от которых никуда не вывозили, где бушевали опустошительные пожары, культурный слой рос особенно интенсивно.

Этот слой, более темный, чем окружающая его земля, насыщенная угольками, костями животных и предметами, сделанными человеком, и исследуют археологи. Его изучение — наиболее сложная и ответственная задача при раскопках. Без понимания происхождения культурного слоя, его стратиграфии (от латинского слова «стратум» — слой и греческого «графо» — пишу), то есть чередования различных по составу, цвету и структуре напластований и прослоек, обозначаемых на миллиметровке стандартными условными знаками, научные реконструкции невозможны. Археолог с большим опытом по следам древесного тлена скажет вам — когда построен или отремонтирован дом, а по угольно-зольной прослойке заключит, что он сгорел, и даже, привлекая сообщения летописей, назовет дату пожара. Вычленив отдельные слои со своими неповторимыми формами вещей, он сумеет убедительно воссоздать каждый этап жизни города. Разумеется, археолог должен обладать навыками художника, чертежника, фотографа.

Культурный слой Старорязанского городища редко достигает толщины более 60 см, за исключением углубленных в материк сооружений. На всей площади он подвергался распашке на глубину до 30 см, что привело к уничтоже-

нию остатков наземных домов и развитию в прошлом веке кладоискательского промысла. Местные крестьяне сбывали находки—серебряные, а иногда и золотые предметы московским антикварам и на переплавку золотых дел мастерам. Многие из этих находок попадали на Сухаревский рынок.

В сухом культурном слое городища почти не сохраняется дерево: наземные постройки мы прослеживаем по остаткам печей, следам обгоревших бревен, ямам от столбов, а также глубоким подпольям.

2. Откуда вам известно, где нужно копать? Как вы определяете места раскопов?

Валы и рвы древней Рязани настолько впечатляющи, что не оставляют сомнения в ее местонахождении. При выборе участков постоянных работ решающую роль играют разведочные данные. Обследование начинается со сбора подъемного материала, то есть лежащих на поверхности черепков глиняной посуды и других часто встречаемых вещей — ножей, обломков стеклянных браслетов. Поиски лучше вести весной, когда почва промыта полыми водами и травы еще не поднялись, когда отчетливо видны пятна обожженной глины от разрушенных печей, кусочки извести и скопления обломков кирпичей — следы распаханных построек. Обилие подъемного материала — свидетельство густой заселенности изучаемого участка. Закладывая подобные уколам шурфы типа геологических буровых проб или небольшие раскопы 10х10 м, археологи выявляют места с мощным и наиболее перспективным культурным слоем. Для получения его профиля, который фиксирует характер и порядок напластований, вертикальные стенки раскопов тщательно зачищаются. На приведенном плане исследованных участков ясно видно, что они тяготеют к прибрежной зоне городища, так как разведки показали: «набережная» Рязани была застроена наиболее плотно. Здесь располагались каменные храмы и боярские усадьбы, образующие парадный фасад города.

3. Как вы определяете время изготовления находимых вещей, отличаете их от более поздних?

В славяно-русской археологии существуют разные, дополняющие друг друга методы датировок. Приведу несколько примеров. Так, при раскопках в Новгороде открыто 28 настилов деревянных мостовых. Мостовые вместе с прилегавшими к ним постройками делят культурный слой на четкие хронологические этапы. Предметы, обнаруженные в одном строительном ярусе, одновременны. Их датировка уточняется с помощью дендрохронологии —

установления возраста находок на основе учения о закономерностях образования годичных колец древесных пород. Так была создана точная временная шкала русских древностей, применимая и к Рязани.

При уточнении хронологии вещей археолог учитывает весь материал, но особенно надежны для проверки монеты, печати, «опорные» предметы с твердыми датами — отдельные виды бус, металлических украшений. Монеты, найденные в могилах, — ключ к датировке керамики и других положенных с покойником изделий.

Определение временного соотношения находок требует их скрупулезной регистрации: каждая вещь наносится на план раскопа и зарисовывается в дневнике. К ней прикрепляют этикетку с указанием названия и года экспедиции, номера раскопа и пласта, глубины залегания и номера находки.

И последнее, о чем хотелось бы сказать во вступлении. Развитие современной археологии невозможно без самой тесной связи с другими гуманитарными и естественными науками. Привлекая письменные источники — летописи, акты, археолог способен решать проблемы первостепенного значения. Но круг интересов летописца избирателен: как человека средневековья его поражает все необычное — явления комет или солнечные затмения, а обыденное выпадает из хроники. Между тем в недрах этой обыденности и происходит постепенный процесс развития общества. Умолчания летописей преодолеваются средствами археологии в союзе с такими направлениями науки, как, например, историческая демография или общественная психология.

Без реликтовых явлений в современной этнографии трудно осмыслить многие черты быта, материальной и духовной культуры Древней Руси. На основе древнего краниологического материала (краниология—раздел антропологии, изучающий черепа) разрабатываются вопросы этнической истории Восточной Европы, в частности— восточных славян. Нумизматика важна для изучения монетного дела и денежного обращения, древнерусской экономики. Сфрагистика—историческая дисциплина, изучающая печати,— первоклассный источник для исследования дипломатии и государственных учреждений. Так, анализ печатей из раскопок позволил выработать подробную периодизацию республиканского развития древнего Новгорода. Изучение надписей на древних предметах — эпиграфика — важно для истории языка, письменности на Руси и свидетельствует о распространении грамотности в ее

Так выглядела Рязань перед нашествием Батыя в первой трети XIII в. Вид с севера

городах. Изменения начертаний букв во времени помогают датировать надписи на вещах из раскопок. Археология смыкается и с историей архитектуры: крупные архитектурно-археологические работы проведены на Старорязанском городище, где не уцелел ни один памятник домонгольского зодчества.

Огромные перспективы открывает применение в археологии методов естественных наук. Проникновение в структуру вещей и определение химического состава средствами спектрографии и металлографии исключительно плодотворны для исследования техники ремесла. Агробиологический анализ зерен культурных растений и сорняков, остеологическое изучение костных остатков животных характеризуют хозяйственную деятельность древнего населения.

Большинство старинных вещей, извлеченных из земли, находятся в плачевном состоянии. Они получают вторую жизнь благодаря кропотливому труду реставраторов. Из груды черепков реставраторы склеивают целый сосуд, придают первоначальный вид изделиям из металла, очищая их от коррозии и окислов. Казалось бы, навсегда потерянные драгоценные украшения из кладов вдруг предстают перед нами в своей первозданной красоте.

Древняя Русь до ее разорения монголами была не замкнутой провинцией, а достойной и полноправной частью евразийского мира. Мы увидим это на примере Рязанского княжества и его столицы, культура которых неотъемлема от общерусской культуры. XII век — эпоха расцвета Рязани — связан с коренными преобразованиями в экономике и общественной жизни, религиозной сфере и искусстве, с расцветом философии и литературы во всеевропейском масштабе.

Недаром некоторые западные историки называют этот период «ренессансом XII века».

То была пора, когда египетский султан Салах ад-Дин (Саладин) отвоевал у крестоносцев Иерусалим, вслед за чем последовало грандиозное предприятие — Третий крестовый поход, во главе которого стояли три могущественнейших государя Европы: император Священной Римской Империи Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце. При дворе грузинской царицы Тамары творил Шота Руставели, в Азербайджане писал свои великие поэмы Низами, а во Франции «владыка в области диалектики» Абеляр вел богословские диспуты со страстным мистиком Бернаром Клервоским. В монгольских степях Тэмуджин (Чингисхан) уже лелеял планы далеких завоевательных походов.

В истории все взаимосвязано. Глубоко неверно представлять классическое средневековье как эпоху изоляционизма. Все происходившее в мире находило отзвук на Руси, в том числе и в Рязани. Мир XII в. связывала сеть торговых коммуникаций. От Китая до Восточного Средиземноморья протянулся Великий шелковый путь, по которому не только шли товары, но переносились верования и моды, произведения искусства и памятники письменности. Одно из его ответвлений — путь вверх по Волге и ее притокам — Каме и Оке. Из таежных лесов севера в страны ислама поступали драгоценные меха. Век крестовых походов породил глубокий интерес к издавна влекшему своими легендарными богатствами таинственному Востоку. После взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 г. «золотые виденья» обернулись конкретной реальностью. Ширится паломническое движение русских через Афон и Константинополь в Палестину. В числе «калик перехожих», отправлявшихся поклониться Гробу Господню, странствовали, наверное, и выходцы из Рязани. В ее храмовом строительстве появились белокаменные резные орнаменты, типичные для архитектуры Западной Европы, что говорит о культурных контактах с «латинянами».

В отличие от северных русских центров, Рязань — город-страж, живший в постоянном ожидании половецких набегов. Здесь всегда ощущали горячее дыхание Великой степи.

ГЛАВА I
НА ПОРУБЕЖЬЕ

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными... Всем ты преисполнена, земля Русская!..

Слово о погибели Русской земли (XIII в.)

В этом мирном пейзаже, с его особой, чисто русской красотой, нет величественных и броских форм. Но тот, кто побывал в Старой Рязани и ее окрестностях, никогда не забудет чащи Мещеры и отливающую золотом на закате спокойно-величавую Оку, красочные цветочные ковры луговых трав, желтые поля с убегающими вдаль проселками, белую церквушку с шатровой колокольней, вокруг которой стремительно кружат ласточки, и потемневшие от времени домики с резными наличниками в заросших подорожником старых переулках.

С высоты городища, будто с птичьего полета, можно бесконечно смотреть в необозримые приокские дали: небесный купол сливается на горизонте с голубоватой кромкой лесов, внизу зеркало Оки с рыжими откосами высокого берега и за ней, насколько хватает глаз, заливные луга с рассыпанными серебристыми озерами и далекими дубравами... Что-то былинное, вещее, изначальное есть в этом проникновенном пейзаже, словно он восходит к далеким, туманным временам.

Некогда вплотную к городу подступали хищные кочевники. В обитателях безграничных степей оседлые земле-

дельцы усматривали «тьму внешнюю». Неупорядоченные хаотические пространства грозили постоянной опасностью. Здесь многое напоминает о диком раздолье «земли незнаемой»: и знойный ветер, и застилающее горизонт марево, и шелест сухих выжженных трав на склонах оврагов, и терпкий запах полыни и чебреца, и заросли колючего татарника в человеческий рост. В теплые летние сумерки над валами городища встает огромная красная луна и словно катится по их гребню, постепенно бледнея, чтобы тихо проплыть по небосводу. И тогда по реке вытягивается длинная серебристая дорожка...

Жизнь древнего города невозможно понять вне окружавшего его ландшафта, внешней среды обитания человека, неотделимого от природы и активно взаимодействующего с ней.

Рязань была основана на крайнем юго-востоке Руси в «контактной зоне» на границе леса и степи, что наложило отпечаток на занятия и культуру населения. Естественная граница между северной Мещерской и южной лесостепной сторонами Рязанской земли проходила по Оке.

ОКА-РЕКА

Рязань возвышалась на правом нагорном берегу «славянской реки», как называли Оку арабские путешественники. Действительно, если не по величине, то по значению Ока — одна из великих русских рек, без которых нельзя представить становление мощи и силы Русского государства. Эта причудливо извивающаяся река бывает то тихой и безмятежной, то злой и бурной под северным ветром, когда ее воды становятся темно-синими и по ним бегут белые пенистые гребни. Прекрасны погожие, веющие безмятежным спокойствием летние вечера после заката, когда зеркало воды приобретает перламутровый оттенок, а над темнеющими лугами стелются полупрозрачные туманы.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

В гениальных строках А. Блока («На поле Куликовом») образ реки неотделим от истории народа, связывая давно ушедшие и ныне живущие поколения. В своем непрерывном движении река словно воплощала извечное течение жизни.

Ока пересекала с запада на восток Рязанское княжество от Коломны до Мурома. Как и другие реки Восточной Европы, Ока с притоками, входившая в систему Великого волжского пути, служила важной транспортной магистралью. Водные артерии, перерезавшие Русь во всех направлениях, были дешевле, удобнее и безопаснее сухопутных дорог, которые обычно примыкали к речным системам. Рано сложившаяся система коммуникаций в бассейне Оки и верхней Волги связывала Рязанскую землю с ближними и дальними краями. Эта сложная гидрографическая сеть благоприятствовала внутренней и внешней торговле, культурным контактам. Подобно кровеносным сосудам, реки несли жизнь в самые глухие уголки Руси, определяя подвижность населения, маршруты мощных колонизационных потоков. Плыли не только по многоводным рекам, но и по небольшим и совсем маленьким речкам, ныне обмелевшим из-за вырубки лесов.

На Оке в районе Рязани, благодаря географическим условиям, счастливо сочетались разные типы хозяйства — земледельческого и промыслового. Не случайно главные города Рязанской земли возникли в пределах окской речной системы. Рязань была выгодно расположена на Оке в районе ее правых судоходных притоков — Прони и Пары. Плывя по ней вверх, достигали Переяславля-Рязанского и Коломны, а спускаясь вниз по течению, попадали в Муром и Нижний Новгород.

Велика и разнообразна «историческая служба» реки, ее роль в судьбе русского человека. Прекрасно написал об этом Василий Осипович Ключевский: «На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов,— и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоёмном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только вовремя поворачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты... Река воспитывала дух предпри-

имчивости, привычку к совместному, артельному действию... сближала разбросанные части населения».

Веря в плодородящую силу воды, славяне приносили жертвы рекам, озерам, источникам; сказочники рассказывали о молочных реках с кисельными берегами. Народное воображение населяло водные глубины фантастическими существами: русалками с распущенными зелеными волосами, которые то посылают благодатный дождь на поля, а то, как в русальную неделю, следующую за Троицей, могут до смерти защекотать неосторожного путника. Чтобы задобрить водяного — опутанного тиной безобразного старика, утаскивавшего людей на дно, ему приносили в жертву черного петуха.

В районе Старой Рязани Ока течет в широкой и глубокой долине. По правую сторону видны крутые склоны до 40—50 м над рекой, с уступами оползней и прихотливо ветвящимися, похожими на дикие ущелья оврагами. Около деревни Чевкино, южнее городища, изрезанные глубокими трещинами обрывы принимают причудливые формы пирамидальных башен каких-то фантастических городов или гигантских скульптур, изваянных рукой природы.

Вешние воды и грозовые ливни постепенно размывают скаты берега. От промоин по водостокам образуются колоссальные овраги, обнажающие самую «плоть земли», и уже давно разъедают они Старорязанское городище, особенно с юга, где сильно разрушили валы. Окрестности Старой Рязани — это «страна источников», дающих начало впадающим в Оку мелким речкам и ручьям. Многие из них наполняются водой лишь во время короткого весеннего половодья, а летом почти пересыхают. Скрытый среди осоки на дне глубокого лога ключ с удивительно вкусной ледяной и, наверное, даже целебной водой — исток речки Серебрянки, в устье которой и был основан город. Земледельцы, выбирая место поселения, ориентировались на берега средней высоты с четкой кромкой. От устья Прони до села Исады большинство деревень, как и в древности, расположено вдоль нагорного берега, отделяясь друг от друга глубокими балками. Древнерусские поселения с пашнями и лугами жались близко к реке, следуя изгибам надпойменной террасы.

Говоря о ближайших окрестностях Старой Рязани, нельзя не упомянуть о знаменитых обнажениях верхнеюрских глин, богатых окаменелостями. У кромки берега можно собрать целую коллекцию ископаемых моллюсков: спирально закрученных аммонитов, сигарообразных белемнитов, из-

Речная галька с резным рисунком. Возможно, прочерчен схематичный план Оки в районе Рязани

вестных под названием «чертовых пальцев». Мы неоднократно находили белемниты при раскопках на городище. Когда-то верили, что эти «громовые стрелки», якобы образующиеся от удара молнии, защищают от грозы и пожаров; громовые стрелки клали в воду, предназначенную для омовения больного. А однажды ребята из нашей экспедиции с торжеством привезли на лошади в телеге бивень мамонта — в старину находки гигантских костей давали пищу для преданий об огнедышащих чудищах-драконах, побежденных могучими богатырями.

На левом низинном берегу — царство тучных заливных лугов, пахучее разнотравье с дивными цветочными узорами. Пойменная долина около Спасска, достигающая в ширину 12 км, изобилует озерами; сохранились липняки, местами с примесью вяза. В древности окскую долину покрывали целые массивы липо-дубрав, а пронско-спасские луговые угодья считались одними из лучших. Здесь кормилась «животина» Рязани и окрестных поселений. Судя по остаткам костей домашних животных, обнаруженным при раскопках, в этих местах паслись табуны коренастых, сильных коней, стада коров, уступающих по размерам современным приокским. Во времена Древней Руси среди пастбищ еще простирались леса, болота и топи. Крупный рогатый скот, содержавшийся в условиях нехватки кормов, не отличался от нынешнего мещерского.

Жизнь древнеславянского поселения: рыбаки и охотники; один из обитателей поселка выдалбливает челн из цельного древесного ствола. Рисунок из книги: Ваня З. Мир древних славян. Прага, 1983

«По траве шелковой» гуляла княжеская охота с ловчими птицами — соколами, ястребами, кречетами, бившими гусей и уток, цапель и лебедей, чье мясо считалось деликатесом. Без этих «утех» и «забав молодецких» жизнь казалась неполной.

В предпечной яме одного из раскопанных жилищ найдена речная галька с вырезанным на ней загадочным рисунком. Можно предположить, что изображен схематичный план Оки в районе Рязани, но зеркально перевернутый. Показано главное русло реки, которая при впадении Прони круто поворачивает на север. Проня обозначена тонкой двойной линией с короткими черточками — ручьями. Условно представлены мелкие речки и ручьи — правые притоки Оки. Посередине речной петли древний «картограф» прочертил старицу Оки, на песчаном берегу которой ныне расположен Спасск. Местные жители называют ее «Озером». Географы считают, что задолго до основания Рязани Проня впадала в Оку в районе Спасского затона.

Благотворные для луговодства полноводные вешние разливы определяли расположение городов и поселений на возвышенных берегах. Величественны апрельские половодья после снежных зим, образующие «Спасское море». Свежий ветер гонит на берег мутные волны с белыми барашками, глухо ударяют они о борта дебаркадера. По жухлой прошлогодней траве крутого откоса, где в промоинах еще лежит грязный снег, поднимемся на гребень городища и взглянем вдаль. Светлое море простерлось до самого горизонта, где оно почти сливается с белесым небом. Лишь отдельные островки да прибрежные кустарники выступают из воды. Тишину нарушают только пронзительные крики чаек, низко реющих над водой, и хриплый гвалт грачей со стороны старого помещичьего сада.

Время от времени случались катастрофические наводнения: вода поднималась настолько высоко, что затопляла деревенские избы. О годах, когда «вода была большая», по выражению летописей, напоминают прослойки речного песка, выявленные при раскопках на подоле древней Рязани. Здесь строили только наземные дома, вероятно, приподнятые на подклетах.

В средневековье рыбные богатства Оки с ее притоками и озерных водоемов казались неисчерпаемыми. Анализ костных остатков и рыбьей чешуи из раскопок показал, что основными промысловыми рыбами были лещ, карась, стерлядь, окунь, щука и карповые — голавль, язь, плотва. По данным палеоихтиологов, ловили и таких крупных рыб,

как жерех, сазан, судак, налим, а также осетров, заходивших на нерест в Оку, Мокшу и Цну. Исчезнувшие ныне осетры высоко ценились и в Древней Руси. Судя по смешанному составу рыб, лов производили неводом или сетями. В культурном слое обнаружены костяные иглы для вязания сетей, глиняные и каменные грузила, приспособления для вытаскивания запутавшихся снастей в виде двухконечных железных крючьев-кошек. Кованые железные крючки предназначались для лова мелкой рыбы на удочку и для добычи крупных речных хищников с помощью жерлиц и донок. Часто встречаются крупные массивные крючки: ведь некоторые экземпляры щук и сомов достигали 2 м в длину. Эффективный промысел на «рыбных ловищах» продолжался круглый год и требовал большой затраты сил. При изобилии ихтиофауны река кормила людей, особенно в голодные неурожайные годы. В XII—XIII вв. появляются профессиональные рыболовы, поставляющие улов на рынок. В Рязани раскопаны их жилища с рыболовными принадлежностями, огромным количеством рыбьей чешуи и костей.

БОР ВЕЛИК

Средневековая цивилизация развивалась в тени лесов, огромные массивы которых занимали бескрайние пространства Восточной и Западной Европы. Лесной океан покрывал почти всю нечерноземную полосу Древней Руси; рубеж между лесом и степью проходил по северной границе распространения чернозема. Даже Киев и Чернигов окружали дремучие дебри.

Лесной ландшафт господствовал и в Рязанской земле, где земледельцы осваивали только приречные территории. Центр Среднерусской области занят низменностью, разделенной меридиональной Касимовской грядой на две части: западную — Мещерскую сторону и восточную — Мокшинскую низменность по правобережью нижнего течения Мокши. К северу от Старой Рязани, где на дерново-подзолистых почвах низменного левобережья Оки ныне раскинулись сельскохозяйственные угодья, во времена Древней Руси шумели широколиственно-сосновые леса. А за рекой Прой начинается знаменитая Мещера — почти таежный край глухих сосновых боров на влажных песках и затерянных в лесной глуши озер с заболоченными берегами и заросшими протоками между ними. Это царство обширных,

местами непроходимых моховых болот, называемых мшарами.

По представлениям славян, именно в таких дремучих лесах скрывались таинственные, враждебные силы. Что-то недоброе, зловещее чудилось в завалах из громадных полусгнивших елей, вывороченных корнях и обглоданных озерными волнами, мертвых побелевших стволах, в ядовитых болотных испарениях, невнятных, загадочных звуках, в уханье филина. В словно зачарованных непроходимых чащах стирались границы между реальным и фантастическим. Ключевский писал, что русский человек «никогда не любил своего леса»: «Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвиденной опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа-озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения».

По представлениям восточных славян, бор, вплотную подступающий к городам и весям, жил своей непостижимой угрюмо-колдовской жизнью, в его сказочном царстве вновь и вновь оживали языческие поверья: в скрипучих деревьях мучились человеческие души, в чащобах хохотали лешие и свистели «соловьи-разбойники», стояла покосившаяся избушка бабы-яги и таились всякие лихие люди. Особенно боялись превращенных в волков людей-оборотней, уходящих из любого капкана, знаками почитания окружали медведя, хозяина лесных зверей, существо божественного происхождения, одаренное разумом.

Медведь поражал воображение охотника громадной силой и сообразительностью, умением ходить на задних лапах, что наводило на мысль о родстве человека и «бурого», «любителя меда». Кроме костей медведя на Старорязанском городище найдены амулеты из медвежьих клыков.

Жители Рязани поклонялись и вековым заповедным дубам — священному древу великого бога грозы Перуна, совершали жертвоприношения в пронизанных светом березовых рощах, ибо верили в целебную жизненную силу этого мифологического дерева, связывая с березой победу весны.

Лес не только разделял, служил естественной границей между островками оседлого населения (например, Рязань от Владимира и Суздаля отделяли сплошные дебри), но с

появлением кочевников надежно защищал от врага. В представлении местных жителей лес — отнюдь не однородное пространство, исключительно враждебное, но сложный организм, состоящий из отдельных точно опознаваемых урочищ, дорог и троп. В самую глухомань проникали лесорубы, углежоги, охотники, собиратели воска и меда диких пчел, коры для дубления кож, целебных кореньев и трав, грибов и ягод — клюквы, брусники, черники, голубики.

В хозяйственной жизни русского человека роль леса огромна. Дерево — основное поделочное сырье и строительный материал. Оборонительные сооружения Рязани рубили из дуба, жилые, производственные и хозяйственные постройки — из сосновых и еловых бревен. Судя по раскопкам в Новгороде, где благодаря влажности слоя прекрасно сохраняется деревянная утварь, ее вырезали из сосны, ели, лиственницы, березы, яблони. Всем требованиям художественной резьбы удовлетворяла древесина липы. Многовековой опыт помогал разумно использовать свойства различных древесных пород.

Русские летописи заполнены сообщениями о жестоких недородах («глад был велик»), вызванных суровыми зимами, беспросветными летними дождями, сгноившими и сено и хлеб или, наоборот, засухами — «жарами велицыми», когда горели не только леса, но и болота, о нашествиях полчищ саранчи. В экстремальных условиях, когда, как в 1161 г., «пригоре всякое жито и всякое обилие», а затем мороз «уби всю ярь» и голод охватил Русь, охота на лесного зверя — «ловитва»— спасала от голодной смерти.

Определение костных остатков из раскопок Рязани показало, что «зверина» и «дичина» занимала важное место в рационе наших предков. Охотились на бурых медведей, диких кабанов, лосей, оленей, косуль, лисиц и зайцев. Основная часть добычи «ловы деющих»— характерные представители фауны лесной полосы Восточной Европы. Среди них на первом месте лось, а следом бобр — также довольно обычное блюдо. Ценнейший мех бобра шел на обшивку рукавов и на воротники. Специальная статья в своде законов — «Русской Правде» гласила: «Аже кто украдеть бобр, то 12 гривен»— такой же штраф, как за убийство холопа. Для ловли бобров сооружали запруды на реке или озере, где селились их колонии. В рязанских погребениях XI—XII вв. встречены и привески-амулеты из астрагалов (позвонков) бобра. Рязанская земля славилась «седыми бобрами», «черными соболями», «белыми горностаями», упоминаемыми в былинах. Для добычи лося вырывали тщательно замаски-

рованные ямы-ловушки. На крупных и опасных зверей — медведей, вепрей ходили с рогатинами, копьями, топорами — оружием, не отличавшимся от военного. Беспощадную борьбу вели с волками, грозой стад, — ночными хищниками, пробегавшими в поисках добычи большие пространства.

К доходным лесным угодьям относились борти — естественные пасеки в дуплах старых деревьев на нетронутых земледельцем полянах. Центральная часть междуречья Оки и Волги изобиловала «бортными ухожаями». Медом и воском диких пчел уплачивали дань, в огромных количествах эти продукты вывозили на международные торжища. О развитии бортничества в Рязани говорят медорезки — орудия в виде железной лопаточки с коленчатой рукояткой для извлечения меда. Из «Повести о Петре и Февронии Муромских» (XV в.) узнаем, что и отец и брат Февронии, крестьяне из села Ласкова Рязанской земли, промышляли бортничеством: «...яко отец мой и брат мой древолазцы суть, в лесе бо мед от древия емлют».

«ДИКОЕ ПОЛЕ»

Рязань — форпост русских земель на юго-востоке, где столкнулись лесная и степная стихии, существовала в жестоком мире междоусобных войн — «ненависти братьев к братьям» — и половецких набегов, опустошавших южные пределы княжества и оставлявших за собой пепелища пожарищ. И особенно актуально для рязанцев прозвучала речь Владимира Мономаха перед князьями и дружиной, записанная в летописи под 1103 г.: «Вот начнет пахать смерд и, приехав, половец ударит его стрелою, и лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену и его детей, и все имущество». Земли южнее Пронска уже воспринимались русичами как граница между своим, праведным, находящимся под защитой добрых сил, и чужим, грешным «диким полем», откуда появляются «поганые» (т.е. язычники) половцы, «скорые на кровопролитье». Южные открытые рубежи Рязанщины — та грань, которая незримо отделяла безопасное от опасного, возделанные поля от зыбкого, текучего мира, где господствует словно слившийся с конем беспощадный лучник.

«Человечный» и «разумный» образ жизни, с его служением земле, которую надо ежегодно обихаживать, противостоял полудикому существованию кочевников, подвижных, как морской прибой. С опаской смотрели земледель-

Набег кочевников на славянский поселок. Рисунок из книги: Ваня З. Мир древних славян...

цы и ремесленники в сторону «чистого поля», грозящего неисчислимыми бедами. Вместе с тем поле половецкое — место подвигов былинных и реальных богатырей, дружинников князя, стоявших на «заставах богатырских».

Противостояние и взаимодействие двух типов культуры во многом определило и историю Рязанской земли. С одной стороны — оседлая цивилизация с ее городами, окруженными крепостными стенами, дорогами, с государственным аппаратом и дружинниками — «рыцарями», с щедрыми дарами землепашества. С другой — сильная племенная и межплеменная организация тюркских кочевников, преобладание скотоводческого хозяйства с постоянными территориями кочевания каждой орды или рода, подвижность «иноплеменников», войско которых состояло из конных воинов, превосходно владевших луком, неизменное состояние агрессивной войны-нашествия с целью захвата добычи — превращаемых в рабов пленных, скота, драгоценностей. Мир азиатских кочевников казался жестоким и коварным, погрязшим в заблуждениях шаманских культов.

Ныне к югу от Старой Рязани на возвышенном правобережье Оки, за валами, раскинулись обширные пашни, но в эпоху Древней Руси ландшафт был иной. Вплоть до XVII в. полоса лиственных лесов на так называемом северном сером черноземе ограничивалась с юга верховьями Оки, Тульской засекой, верхним течением Дона, Сапожковским водоразделом, Пензой. В 1388 г. митрополит Пимен, спускавшийся на судах по Дону до Азова, чтобы проследовать в Царьград, так описал местность между истоком Дона и устьем Быстрой Сосны: «нигде бо видети человека, точию пустыни велия, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы: орлы, гуси, лебеди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыни великия».

Как видим, здесь обосновались и обитатели северных лесов, а степные животные проникали далеко на север: при раскопках в Рязани обнаружены кости сайги — типичного обитателя пустынно-степных пространств. В начале XVI в. бывавший в России немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн писал о Рязанской земле: «Эта область плодороднее всех прочих областей Московии; говорят, здесь из каждого зерна вырастают два, а иногда и больше колосьев; стебли их растут так густо, что ни лошади пройти через них, ни перепела вылететь из них не могут без извест-

ного труда. Там великое изобилие меду, рыб, птиц и зверей, а древесные плоды гораздо превосходнее московских; народ там в высшей степени смелый и воинственный». Другой немецкий путешественник Адам Олеарий (30-е годы XYII в.) отмечает в районе Оки ниже слияния ее с Москвой-рекой «такое количество дубрав, какое мы нигде в России не видели», указывая и на близость сухой степной местности.

К югу и юго-востоку от Рязани лежала дубово-березовая лесостепь. «Дубровы великия» и лесные острова шли полосами по рекам бассейна Дона — Воронежу, Битюгу, Медведице, Хопру и Вороне. Это были непролазные лиственные чащи с подлеском из кустарников и папоротников, лощины, заросшие веселым орешником, гигантские сосны и дубы. Хищническая вырубка лесов в XYIII и особенно в XIX в. и сплошная распашка степей привели к уничтожению богатейшего животного мира, к обмелению рек. Еще в XYI в. непрерывный водный путь связывал Старую Рязань с Доном. Он проходил вверх по Проне, Ранове и Хупте к волоку в районе Рясского поля и затем по Лесному Воронежу — притоку Дона.

В древности между лесными массивами южнее Рязани сохранялись обширные степные острова. Низменное открытое пространство за Пронском называли Половецким полем. Сюда доходили летние кочевья половцев, откуда они отправлялись зимовать в южную часть воронежско-донского междуречья. Половцы постоянно тревожили рязанскую «украину», южная граница которой, определяемая лишь приблизительно, в середине XII в. проходила через верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Мокшей до города Кадома. Небольшие группки степняков кочевали между правыми притоками Дона — Непрядвой (Куликово поле), Красивой Мечей, Быстрой Сосной. На южных склонах Куликова и Рясского полей, обширной поляны в бассейне Рясы — притока Воронежа уже серебрился волнующийся под жарким ветром ковыль, а еще южнее степь решительно оттесняла лес в лощины, балки и речные долины. Отсюда начиналось «дикое поле», «земля незнаемая», куда славянские поселения проникали лишь отдельными языками вдоль рек. То была девственная степь, усеянная то «яругами»— оврагами, то «шеломеньми»— холмами или курганами, увенчанными каменными изваяниями половецких вождей. Образное впечатление о ней прекрасно передают строки Ивана Алексеевича Бунина:

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синеет слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

Весною черноземная степь покрывалась цветами и травами, пахучей полынью и седым ковылем. Травы питали скот кочевников — коней, овец, верблюдов, их топтали «вежи» (от глагола «везти»)— половецкие повозки с кибитками. Искони степные «поля широкие» пересекались протоаренными караванными путями и «неготовыми дорогами».

Для рязанцев почти необжитые степные просторы таили в себе постоянную угрозу внезапного нападения кочевников. Этому бедствию предшествовали необычайные небесные явления, отмечаемые летописцем: «В си же времена (1064 г.—*В. Д.*) бысть знаменье на западе, звезда превелика луче имущи акы кровавы, восходящи с вечера по заходе солнечнемь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобице многы и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье».

Тюркская племенная группа половцев, как называли их русские, господствовала в причерноморских степях с половины XI в. и вплоть до нашествия монголов. Их византийское имя «команы», тюркское — «кыпчак»— общее самоназвание половецких орд. Орды с огромными стадами занимали тучные пастбища, слабозаселенные земли, пока их не вытеснял более сильный противник. Таборный способ кочевания половцев, высокая подвижность затрудняли борьбу с ними. У кочевников войско не отделялось от народа, грабительские войны были неразрывно связаны с их общественным строем. Раскопанные археологами подкурганные погребения половецких воинов содержат сабли (перенятые у кочевников русскими), луки и колчаны, кожаные и железные шлемы полусферической формы, копья, кольчуги. К бытовым предметам относятся ножики, кресала для высекания огня, ножницы. При захоронении воина приносили в жертву взнузданного и оседланного боевого коня.

Каменные статуи дают представление о внешности половцев, хорошо знакомой рязанцам. Мужчины носили косы, выбритую часть головы покрывали островерхими баш-

лыками или шапочками. Они брили бороды и носили длинные отвислые усы. К поясам кафтанов привешивали ножи, гребни, кошельки. Сапоги снабжали специальными ремнями и пряжками.

В «Похвале роду рязанских князей» читаем: «А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали... И ласкою своею многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали». Брали «аманатов»—заложников из детей знатных ханских родов для предотвращения разорительных набегов и выполнения «неверными» условий мирных договоров.

Между русскими и половцами устанавливались сложные и неоднозначные отношения. Они были не только откровенно враждебными. Изнурительная борьба диктовала необходимость и спорадических мирных контактов, политического сближения, когда ханы становились союзниками русских князей в их междоусобных войнах. В период непрочных договоров о дружбе и взаимопомощи, о торговых связях кочевники беспрепятственно пропускали русских купцов через свои владения. В пограничных зонах, подобных Рязанской земле, укреплялось кровное родство местных князей и ханов, а также их подданых. «Династические» браки, увод в плен женщин и детей во время обоюдных набегов вели к этническому смешению.

Летописные известия о борьбе Рязани с половцами относятся к XII в., когда кочевья приблизились к границам Рязанской земли. Степняки нападали на Русь только летом, что позволяло проникать дальше на север. Часто половцам удавались их внезапные набеги, но как только рязанские князья собирали войско, они немедленно скрывались в степях.

В преследовании поганых русские дружины углублялись в половецкие земли. Так, в 1131 г. «князи Рязанстии и Пронстии и Муромстии много половец побиша», а в 1150 г. нанесли им поражение на реке Великой Вороне. По сообщению Никоновской летописи под 1156 г., «приходиша половцы на Рязань, на Быструю Сосну и многих пленивше поидоша восвоа; и не дошедше им своих, оплошишася, погоня же за ними прииде на спящих и полон отполони и их изби». Особенно успешно закончился поход 1205 г., когда рязанский князь Роман с «братиею» «избиша множество половець, а иных множество к собе приведоша и коний, и волов, и овец, а христиан немало отполониша, и пустиша

их во свояси». В этом сражении были взяты штурмом половецкие вежи— водруженные на повозки кибитки, составленные в круг или каре. Под прикрытием веж кочевники шли в наступление. В случае обороны внутри этого подвижного укрепления помещали семьи воинов, отбивавших приступ. Страшных потерь стоило разбить телеги, сокрушить «таборную защиту» и проникнуть внутрь лагеря.

Немало половецких пленников томилось в Рязани. Там принял крещение некий половецкий князь Амурат, там же убили «в загоне» печенежского богатыря Темирхози. Конечно, то был половчанин, как и те невольники, которых побил в Рязани тысяцкий Константин. Любопытнейшая находка, связанная с кыпчаками, обнаружена в землянке под фундаментами Спасского собора. Бронзовый четырехликий идольчик был прикреплен к деревянному столбу, перед которым обнаружены следы жертвоприношений — горшок, остатки пищи. Судя по аналогичным статуэткам, найденным в лесостепной полосе Среднего Поволжья и в бассейне Донца, обе половинки фигурки соединялись при помощи конической шапки, как на половецких каменных изваяниях. На ее женской груди изображено лицо младенца. Археологи полагают, что такие статуэтки-«уродцы» связаны с культом предков, с мифической генеалогией тюркских племен и почитались в семейных языческих святилищах.

Половцы своекорыстно использовали распри князей, препятствуя объединению земель Руси, снижая их обороноспособность. Они отваживались нападать даже на русские города, если князь и его дружина отсутствовали и не могли защищать их. Так, в 1187 г. половцы «воевали Рязань» в тот момент, когда войска рязанских князей были отвлечены на борьбу с владимирским князем Всеволодом. Но они не умели брать крупные города, редко их осаждали, ограничиваясь разорением малых городков и сельских поселений. Рязань оказалась для них неприступной твердыней.

Близость «чистого поля» как рубежа, пограничья, земли, где хозяйничали хитрые и коварные «нехристи», необходимость быть в постоянной боевой готовности, жить с оружием в руках формировали независимый характер рязанцев — удалых воинов, неоглядно храбрых в схватке— либо пан, либо пропал. Их отличали ратный дух и не чуждый авантюре беспокойный темперамент: летописи отмечали в обычаях рязанцев «буюю речь» и «непокорство». Дружинники — профессиональные конные ратники, чья

Древнерусская рать. Рисунок С. М. Харламова

судьба не более чем «игралище случайностей»,—вполне под стать своевольным и «резвым» на походы князьям. Степное раздолье — естественная среда уже «младых лет», мир, открытый для подвигов, пределы знакомой земли. В плоть и кровь рязанцев вошла война, как у курской дружины «Слова о полку Игореве»: «А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути их ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Рязанцы не уступали кочевникам в молниеносности военных операций. Стремительные кавалерийские атаки заставали противника врасплох. В борьбе со степняками пехотные ополчения играли второстепенную роль. От пограничной стражи, рыскавшей в поле, не укрывались передвижения половецких отрядов, ей были ведомы все степные пути и овраги.

Иногда отпор поганым давал и руководимый тысяцкими вооруженный народ, на время оставлявший работы в

поле и ремесленные труды. Чрезвычайно боеспособными являлись «бродники»— русские изгои, вольные люди, прообраз позднейшего казачества, селившиеся на нейтральном русско-половецком пограничье, в облесенных участках речных долин. Их поселения, обнаруженные археологами на Дону и Битюге, не имеют укреплений, что свидетельствует о мирных отношениях со степняками. Кроме того, археологическими исследованиями последних лет выявлены русские селения XII—XIII вв. в районе Куликова поля. Открыты и сторожевые крепости в опасной пограничной зоне на южных подступах к Рязанской земле, к примеру, Семилукское городище на Дону в Воронежской области. Их основывали пришельцы с востока Черниговской земли. Бродники, эти закаленные бойцы, вовлекались и половцами и русскими князьями в междоусобные столкновения.

Воинственным рязанцам покровительствовали и «военные святые»— «ратники господа»: Георгий, Борис и Глеб, даровавшие победу в боях с иноверцами.

МЕЩЕРА, МОРДВА, МУРОМА

Славянские поселенцы в районе Средней Оки размещались на территориях, уже обжитых местными «чудскими» племенами финно-угорской языковой группы. Эти племена, населявшие обширные лесные пространства, век за веком отступали под натиском славян, были частично ассимилированы ими и постепенно растворились в массиве пришельцев. «А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу,— мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке»,— повествует летописец, прекрасно знавший географию Восточной Европы. На языках финно-угорской группы говорят и ныне живущие в нашей стране мордва-эрзя и мордва-мокша, коми-зыряне и коми-пермяки, марийцы и удмурты, карелы и эстонцы.

К поволжским финнам, занимавшим с середины I тысячелетия до н.э. рязанское и муромское течение Оки, бассейны рек Цны и Мокши, относились племена городецкой культуры. Она впервые открыта В. А. Городцовым и названа по городищу у села Городец. В 1966—1967 гг. наша экспедиция произвела раскопки на северном мысе Старорязанского городища, неподалеку от современного кладбища. В результате удалось обнаружить городецкое поселение с валом и рвом с напольной стороны, вероятно, в те времена

Племена и народы Восточной Европы IX-X вв. Стрелками показаны торговые пути

окруженное частоколом. Судя по находкам гладкостенной и лощеной лепной посуды, оно просуществовало до V в. н.э. В VI—VIII столетиях на этом месте воздвигли языческое святилище: вокруг центрального идола было вырыто семь (священное число) овальных жертвенных ям, каждая в кольце оградки из столбов. В ямах, где в праздничные дни горели ритуальные костры, найдены остатки обильных жертвоприношений: обугленные зерна злаков, расколотые кости домашних животных, намеренно разбитые горшки и сковороды, миниатюрные сосудики, жертвенные ножи, пряслица и разнообразные украшения.

Интересно, что на плане Старорязанского городища первой половины XIX в. существование изолированного холма северного мыса поясняется легендой: «Высокий бугор Древняго идольскаго жречища оставшагось от язычества». Воспоминания и сказы о древнем культовом месте могли сохраняться у местного населения в течение многих веков. Не случайно вершину холма заняли христианским кладбищем, а у подножия в XVIII в. возвели Спасо-Преображенскую церковь: на Руси православные храмы часто строили на месте разрушенных языческих капищ.

Археологи высказали гипотезу о происхождении мордвы, мещеры и муромы от племен городецкой культуры и генетически связанного с ней населения, оставившего рязанско-окские могильники V—VII вв. Они открыты в среднем течении Оки от устья Москвы-реки до Касимовской возвышенности. Отрядом нашей экспедиции исследован Шатрищенский могильник (по имени соседнего села Шатрищи) за юго-восточными валами Старорязанского городища, в верховьях урочища Черной речки. Покойных, обернутых лубом, клали в прямоугольные ямы, обнесенные оградками из колышков. Над могилами разводили ритуальные костры: огонь почитали очистительной благодатной стихией. Поражает изобилие украшений в женских погребениях, особенно характерны для племен Среднего Поволжья «шумящие» привески: они входили в состав ожерелий, нагрудных, головных и поясных наборов. На головное покрывало надевали венчик, застегнутый круглыми пряжками-сюльгамами. На височные кольца нанизывали подвески в форме гусиных лапок, колокольчиков, трапециевидных бляшек. Девушки заплетали волосы в длинные косы с накосниками и бронзовыми колокольцами. Судя по остаткам тканей, женщины носили подпоясанную рубаху ниже колен, иногда с верхней шерстяной кофтой. На шее красовались ожерелья из красных пастовых бус и бронзовые обру-

чи-гривны, на груди — дисковидные бляхи. Мягкие кожаные туфли расшивали рядами бронзовых витушек. Точная фиксация местоположения украшений в погребении дает основания для реконструкции древнего костюма.

Мужские погребения изобилуют оружием: встречены однолезвийные мечи в деревянных ножнах, наконечники копий и дротиков, втульчатые топоры-кельты, железные стрелы. К поясам с серебряными накладными бляшками привешивали ножи, шилья, кремни для высекания огня. В некоторые захоронения клали конскую сбрую. У головы или в ногах умерших ставили глиняные сосуды с пищей.

Судя по расположению рязанских могильников на луговых пространствах у рек и инвентарю мужских могил, население, оставившее их, было воинственными конными пастухами. В течение столетий они обитали на одном и том же месте в общинных поселках, пока не открытых археологами. Вот почему каждый могильник включает огромное количество погребений.

Муромо-Рязанское княжение объединило в своих границах племена мещеры, муромы и частично мордвы. Относительно быстро растворились в культурной среде славянских переселенцев финские племена мещеры и муромы, оставив по себе память лишь в нерусских названиях городов, сел, рек и урочищ Рязанщины. Название Оки — обрусевшая форма финского «йоки», что значит «река» вообще. От финно-угорского этнонима (наименования народа) «мурома» происходит название города, первые сведения о котором появляются в летописи под 862 г. в рассказе о расселении славян и соседних племен: «А перьвии насельници... в Муроме мурома». Существуют две версии объяснения названия Рязань: одни ученые считают, что оно произошло от мордовского племенного имени эрзи «эрзянь», другие — от диалектного славянского «ряса»: топкое место.

Мещера обитала среди лесов и болот в междуречье Клязьмы, Москвы и Средней Оки. Грунтовые могильники XI—XII вв. с характерными женскими украшениями — «арочными» шумящими подвесками, видимо, принадлежат славянизированной мещере. Как давно установлено археологами, племенные отличия наиболее ярко выявляются в женском наряде: так, для украшения муромы, окончательно утратившей этническую самостоятельность к XII в., типичны затейливые дугообразные жгуты, возвышавшиеся над головой, кожаные пояса с длинными боковыми ремнями, бахромы из бутылковидных привесок, пришитых к по-

Реконструкция женских костюмов по материалам погребений. Слева направо: костюм женщины, захороненной в Шатрищенском могильнике; костюм муромки; костюм мордовской женщины. По книге: Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987

долу рубахи. Ноги от щиколотки до середины голени плотно обматывали ремнем, покрытым бронзовыми обоймами. Металлические украшения покрывали женский костюм с головы до ног. Для коренного финноязычного населения Поволжья показательно обилие шумящих привесок, амулетов в виде животных и птиц, призванных отпугивать злых духов. В муромских могильниках расчищены погребения мастериц-литейщиц, создательниц шедевров ювелирного дела. Другая замечательная черта погребального обряда муромы — ритуальные захоронения коней.

Славяно-финские связи были неоднозначны. Патриархальные племена мещеры и муромы, общества равных

свободных общинников, оказавшись на магистральных путях славянской колонизации, растворились в среде формировавшейся русской народности и исчезли с исторической арены. Происходило мирное заселение, а не завоевание и порабощение чуди, как в Древней Руси называли все финские племена.

В отличие от рано обрусевшей муромы, родственные ей мордовские племена в междуречье Оки, Волги, Цны и Суры оказались тесно связанными с историей Рязанского княжества и частично вошли в его состав. В постоянной борьбе с лесом они развивали пашенное земледелие и скотоводство. В минуты опасности население укрывалось в укрепленных валами и рвами убежищах—«твердях». Мордовские племенные союзы во главе с князьями долго сохраняли культурную самобытность и политическую автономию. Археологические материалы IX—XI вв. вполне соответствуют описанию мордвы у Герберштейна: «К востоку и югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордва, имеющий особый язык... По одним сведениям, они идолопоклонники, по другим — магометане. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и медом, богаты драгоценными мехами. Это очень сильные люди, ибо зачастую храбро отражают даже набеги татар; почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытностью в стрельбе». Если в XII в. летописи не упоминают о серьезных столкновениях Рязани с мордвой, то в следующем столетии по инициативе владимиро-суздальских князей рязанские и муромские дружины участвовали в военных экспедициях в богатые драгоценной пушниной мордовские земли.

Гораздо напряженнее складывались отношения Рязани с Волжской Булгарией. Это феодальное государство в районе слияния Волги с Камой было образовано в X в. тюркоязычными племенами булгар — переселенцев из предкавказских, приазовских и донских степей. Волжско-камские булгары играли важную посредническую роль в торговле славян со странами Азии; в случае неурожаев в Северо-Восточной Руси они ввозили туда зерно. «Был большой город и смущение в стране Суздальской, так что некоторые люди по Волге в Булгарскую землю ездили и оттуда хлеб привозили» (1124 г.).

Нарушение торговых договоров и нападения рязанцев на булгарские купеческие караваны вели к взаимным столкновениям. После того как на Волге и Оке разбойники побили булгарских торговцев, войска пострадавших «великое

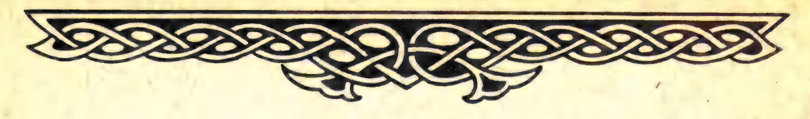
разорение учинили»: разграбили Муром и пожгли окрестные села. В 1155 г. булгары снова напали на муромские и рязанские владения. В грандиозном походе на булгар 1183 г. под началом суздальского князя Всеволода III приняли участие четверо рязанских князей. Отряды коалиции углубились в пределы Волжской Булгарии, осадили Великий город (Булгар) и, сильно потрепав противника, захватили много пленных и добычи.

Историческое ландшафтоведение, палеоэкология помогают воссоздать не только хозяйственную жизнь, но и мировосприятие человека Древней Руси. Он стоял лицом к лицу с лесом, рекой и степью — основными стихиями русской природы, то ласковой, то гневной. Она задавала ему все новые вопросы, и решать их приходилось, рассчитывая только на свои силы и сноровку. Люди средневековья стояли гораздо ближе, чем мы, к девственной, неупорядоченной природе. Они видели в ней источник жизни, но хорошо сознавали, что ее неукротимые силы таят в себе постоянную угрозу. «Хищные звери, ныне встречающиеся лишь в нянюшкиных сказках, медведи и особенно волки, бродили по всем пустошам и даже по возделанным полям. Охота была спортом, но также необходимым средством защиты и составляла почти столь же необходимое дополнение к столу. Сбор диких плодов и меда практиковался широко, как и на заре человечества. Инвентарь изготовлялся в основном из дерева. При слабом тогдашнем освещении ночи были более темными, холод, даже в замковых залах,— более суровым». Так рисует борьбу за выживание в те времена французский историк Марк Блок.

Но отношение человека к природе не было чисто потребительским: плотское, радостное восприятие окружающего мира, присущее язычеству, чувство красоты одушевляемой природы не чуждо и христианской культуре. Мифологические представления людей, чья жизнь еще сохраняла колорит сказки, вера в духов, связанных с плодородием матушки-земли, с сумрачными лесными чащами и таинственными речными глубинами, мирно уживались с христианским пониманием «божественности» созданного всевышним земного мира. Этот жизнерадостный взгляд на вселенную нашел отражение в «Поучении» Владимира Мономаха, призвавшего сыновей укреплять единство Руси: «Велик ты, господи, и чудны дела твои... Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на

водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, господи!.. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость». Образное народно-поэтическое чувство, вдохновляемое задушевностью среднерусской природы, рождало «узорочье» старинных песен, наигрышей и хороводов, проявлялось в красочной стихии художественного творчества: декоративности домостроительства, тканей, одежды, домашнего интерьера.

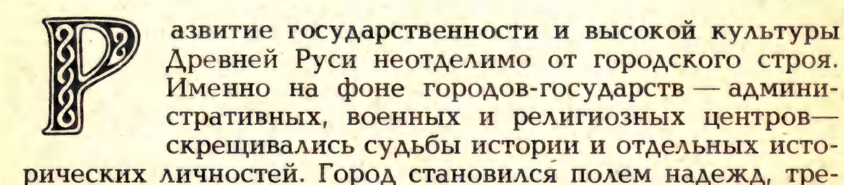
Своеобразие положения окраинного Рязанского края: близость к степному пограничью, тесные связи славян с аборигенными финно-угорскими племенами и Булгарским государством — наложило отпечаток на историю и культуру будущего города. Благоприятные условия для лесного, промыслового и особенно земледельческого хозяйства, для расцвета торгово-ремесленной деятельности, необходимость стратегического центра, выдвинутого в поле половецкое, и предопределили возникновение Рязани.

ГЛАВА 2
ГОРОД

Доселева Рязань она селом слыла,
А ныне Рязань словет городом.

Русская былина

Развитие государственности и высокой культуры Древней Руси неотделимо от городского строя. Именно на фоне городов-государств — административных, военных и религиозных центров— скрещивались судьбы истории и отдельных исторических личностей. Город становился полем надежд, тревог и драм средневековой цивилизации.

Среди еще не обжитой бесконечной земли, в мире непроходимых лесов и нераспаханных равнин возвышающийся на берегу реки город с крепкими стенами и монументальными храмами производил на приближавшихся путников впечатление чуда. Природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное пространство, упорядоченный и «одомашненный» мир, где человеку не грозит опасность, где он всегда среди своих. Естественное окружение контрастировало с преобразованным людьми местом, которое становилось для них дружественным и спасительным жилищем.

Город начинался с оборонительной стены, его «пояса»; с ее разрушением он переставал существовать. При непрерывных междоусобных войнах и набегах кочевников стены, вместе с каменным зодчеством определявшие «лицо города»,— не романтическая деталь, а суровая необходимость. Древнерусский город — прежде всего неприступное, замкнутое пространство. В литературе Руси первона-

чальное значение слова «город» — «ограда», «забор», «стена», то есть огороженное место. Условно изображенные стены и башни с воротами — непременный «знак» города в древнерусской книжной миниатюре и иконописи. Защищенная стенами территория символизировала господство права и порядка.

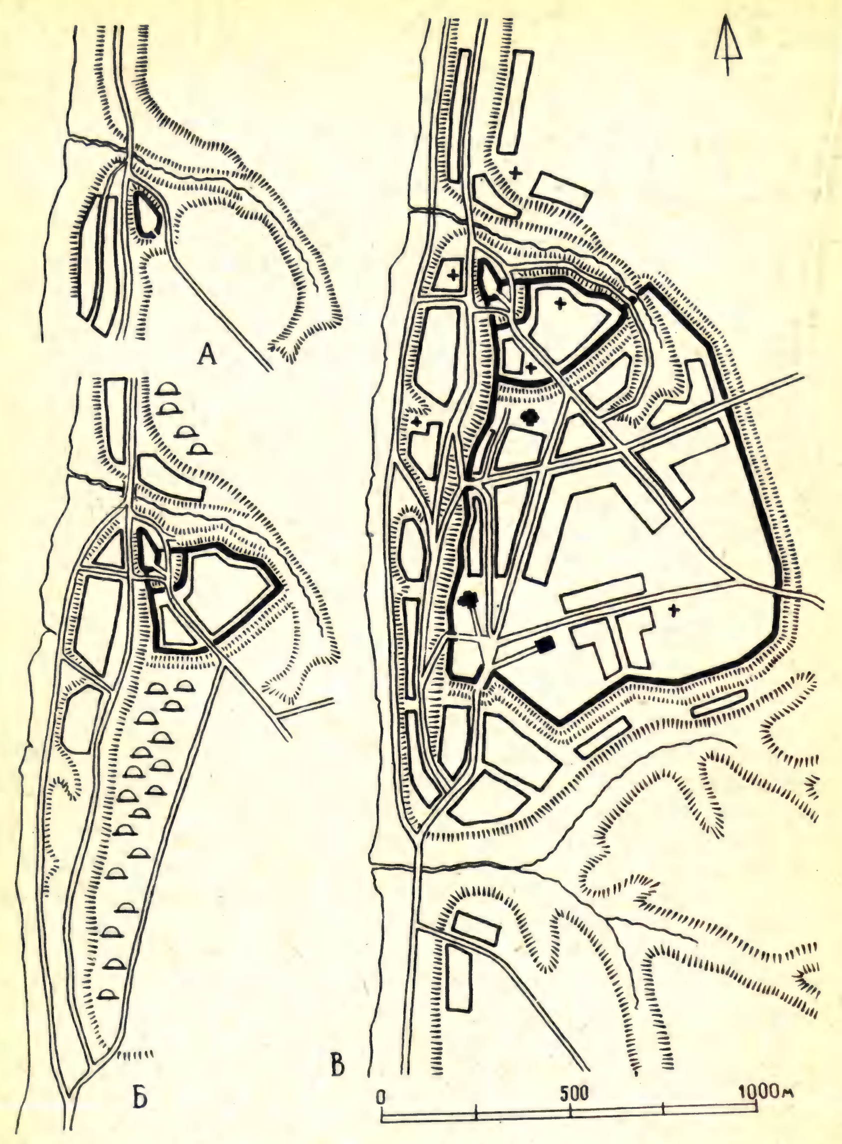
По сравнению с сельскими жителями горожане выступали людьми более высокой культуры, много «путешествовавши, видевши и знавши». Им присущи гордость за свой город, стремление возвыситься над другими городами. В его границах концентрируются разнообразные виды деятельности — ремесленной, торговой, административной, религиозной и в меньшей степени — связанной с обработкой земли.

С XI—XII вв. на Руси, как и в Западной Европе, вместе с возрождением ремесла и торгового обмена происходит стремительный рост урбанизации. Взлет градостроительства в эпоху Ярослава Мудрого и его сыновей не мог не поражать воображения русских людей. Тогда же славянскими переселенцами в районе плодородных земель и в центре пересечения речных и сухопутных дорог была основана Рязань.

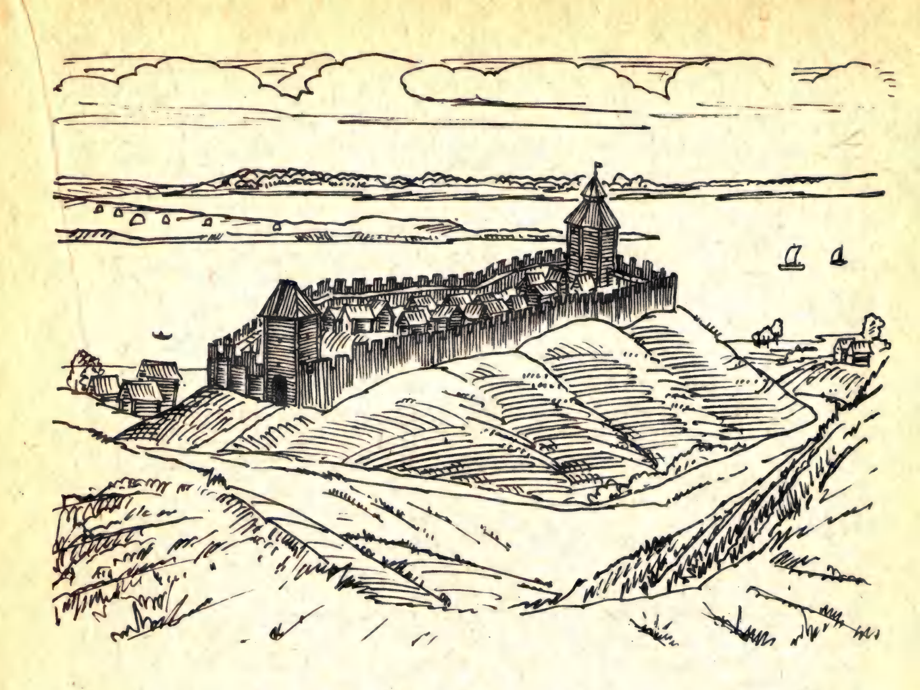
НАЧАЛО

Первое упоминание о Рязани находим в Лаврентьевской летописи под 1096 г., когда изгнанный из Чернигова князь Олег Святославич пошел к Смоленску, «и не прияша его смолняне и иде к Рязаню». Боровшийся с ним сын Владимира Мономаха Изяслав «пришед, створи мир с рязанци». Уже в то время с рязанцами приходится считаться как с реальной политической силой. Естественно, город, входивший в состав Муромской земли, где находился старейший престол, основан ранее первой летописной даты, предположительство в 50—60-е гг. XI в. при черниговском князе Святославе Ярославиче, что подтверждают и археологические материалы. По свидетельству летописца, Святослав получил «всю страну восточную и до Мурома», вошедшую в состав черниговской епископии.

Древнейший город, основанный на высоком северном мысе на месте городища городецкой культуры и языческого святилища, стал средоточием пришлого люда, центром политической и хозяйственной активности в окружающем аграрном мире. Возникновение укрепленного поселения на

Рост территории Рязани в ее историческом развитии. А — Северный мыс («Кром») — с середины XI в.; Б — «Кром» и Северное городище (Средний город) — с середины XI в. по 1237 г. С этой ранней частью города связан обширный курганный могильник; В — Южное городище (Столичный город) — с середины XII в. по 1237 г. Вдоль главных улиц и на подоле обозначены участки наиболее интенсивной застройки

Древнюю Рязань построили на мысу при впадении в Оку речки Серебрянки

далекой юго-восточной окраине Древнерусского государства вполне закономерно: это и обращенный в сторону степей военный форпост, и крепость, призванная обезопасить окско-волжский путь, который вел в сказочно богатые страны Востока, это и «погост» — место стоянки «гостей» — именитых купцов, ведущих торговлю с чужими странами, и вместе с тем стан для князей и сборщиков дани. Сюда стекались подати пушниной с подвластных финно-угорских племен. При слабости внутреннего обмена ремесленники выполняли заказы самих горожан и проезжих торговцев-воинов.

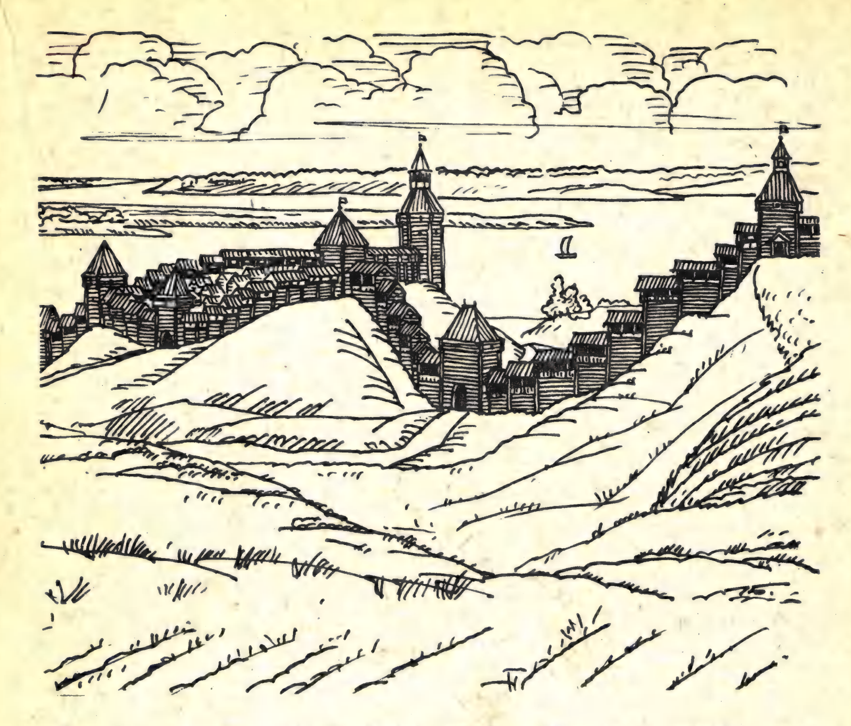
Состав населения первоначального города был пестрым: наряду с представителями княжеской администрации за «стеной городовой» искали убежища ремесленники и сельскохозяйственные работники. Все насущные дела территориальной городской общины решало вече — собрание свободных граждан, на которое сходились «вси рязанци». Возникновение маленького рядового городка стало мощным стимулом дальнейшей колонизации в крупных масштабах. Недостаток земли в старопахотных районах толкал массы

людей на поиски свободных угодий: Рязань стала опорным пунктом освоения обширной сельской округи. Разведками нашей экспедиции выявлена сплошная цепь русских поселений XII—XIII вв. у современных прибрежных деревень Шатрищи, Чевкино, Климентовское и Никитино при впадении Прони в Оку, а вниз по течению от Старой Рязани — возле Фатьяновки и напротив села Исады в 7 км восточнее городища — на Облачинской дюне среди пойменных лугов. Границы освоенных земель определялись формулой: «куда топор, соха и коса ходили». Отсюда поступали в город продукты питания и сырье для ремесленников. При низкой производительности земледелия жизнеспособность центра с тремя тысячами горожан зависела от его зоны снабжения — близлежащих селищ.

Нарисованная картина первоначального славянского поселения городского типа — это во многом мысленная конструкция. Северный мыс городища почти недоступен для археологического исследования — его культурный слой сильно перекопан. Поскольку возникновение каждого древнерусского города имело местные особенности, воссоздание его начальной поры не будет бесспорным. Здесь археолог встает на трудный путь, но нельзя уйти от попытки оживить сохранившиеся обломки, придать им смысл, заставить говорить.

Почти ничего не сохранилось и от оборонительных сооружений древнейшей Рязани, но, бесспорно, они воздвигались с учетом защитных свойств местности. Маленькое мысовое городище занимало изолированный холм-останец овальной формы размером 100х50 м. Со стороны Оки и текущей по дну глубокого оврага речки Серебрянки оно ограничено крутыми склонами. С южной напольной стороны, где естественных препятствий не было, вырыли ров и насыпали вал, от которого уцелело еле заметное всхолмление. Поселение, по-видимому, ограждал простой деревянный частокол из вертикально вкопанных заостренных бревен.

Развивающейся Рязани, вокруг которой начинает сплачиваться областная территория, стал необходим свой князь. Возможно, им стал Ярослав Святославич. Русский историк и государственный деятель XYIII в., Василий Никитич Татищев в своей «Истории Российской с древнейших времен» сообщает под 1103 г.: «Ярослав Святославич рязанский ходил на мордву». После его смерти в 1129 г. Муромо-Рязанская земля оставалась владением его потомков. В Рязани сели его сыновья Ростислав и Святослав: произошло фак-

Появление укреплений Среднего города. Маленький городок на мысу уже не может вместить возрастающее население

тическое отделение ее от Мурома. Прекращается зависимость рязанских земель и от Чернигова. И хотя главный стол еще находился в Муроме, но появление в Рязани собственных князей предвещало ее обособление в самостоятельный город-государство. С усилением Рязани связан рост городской территории и возведение нового пояса укреплений. Как былинный град, она отныне стоит «широкими рвами окопавшися, земляным валом огородившися».

Треугольный в плане город площадью около 10 га со стороны поля был защищен дугообразно изогнутым валом из желтой материковой глины, концы которого направлены к берегам Оки и Серебрянки. Перед ним хорошо сохранился ров. Деревянные конструкции в самом валу не прослежены, но на гребне насыпи могли возвышаться срубные стены с боевыми площадками-заборолами. Такая же стена шла по всему периметру города над естественными, почти отвесными склонами. Труднодоступная крепость

могла выдержать организованную осаду. В то время укрепления брали или «изъездом» — неожиданным захватом, когда защитники не успевали приготовиться к обороне, или же «облежанием» — пассивной осадой. Она продолжалась до тех пор, пока осажденные не сдавались, измученные голодом и жаждой. Прямой штурм укреплений применяли редко — только в тех случаях, когда они были заведомо слабыми.

На месте проезда в валу, через который проходит современная дорога, стояла деревянная башня-вежа со «Спасскими» воротами в нижней части. Перед ней через ров был перекинут узкий мост, уничтожавшийся в момент опасности. Вторая воротная башня, к которой уступами спускались стены, находилась значительно ниже — у северного въезда со стороны Оки («Серебряные» или «Золотые» ворота).

Нынешняя дорога, пересекающая городище, проходит по трассе древней улицы. Археологи назвали первичное ядро города Северным городищем, на чертеже первой половины XIX в. оно обозначено как «Площадь малой крепости». За минувшие века края высокого берега пострадали от оползней, так что остатки укреплений осыпались. Высота расплывшегося вала не превышает 3,5 м при длине 235 м. Но по сохранившимся следам укреплений и рельефу местности можно судить о системе обороны Рязани до середины XII в.

Между городскими стенами и Окой ближе к воде уже вырос «подол» — неукрепленное предградье, расположенное на первой надпойменной террасе. Подол простирался от слобод «Задола» и «Пешей» у подножия Северного городища до места современного парома под Соколиной горой, где в XIX—начале XX в. стояла усадьба помещиков Стерлиговых. У места впадения Серебрянки открыта древняя пристань: дубовые сваи и настилы причала залегали на глубине свыше метра и тянулись вдоль берега примерно на 30 м. Некогда к «пристанищу» причаливали суда, приспособленные как для боевых действий, так и для перевозки товаров: караваны ладей с весельным ходом и квадратным парусом-ветрилом на мачте, вмещавших до 40 «мужей», «насады»—ладьи с высокими надставными бортами, перекрытые палубой для защиты гребцов от стрел, плоскодонные парусные корабли с грузоподъемностью до 40 т. Реку бороздили рыбацкие челны-однодеревки, выдолбленные из стволов толстых деревьев и поверху обшитые досками-нашвами. Рязанцы встречали и флотилии маневренных бо-

евых судов, подобных «длинным кораблям» древних скандинавов-норманнов. Эти скоростные ладьи с развитым килем, приспособленные и для морских плаваний, длиной более 40 м и с экипажем до 80 человек, украшали великолепной резьбой. На носу возвышалась устрашавшая неприятеля голова дракона, о чем сохранили воспоминание русские былины:

Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.

Одновременно с основанием Рязани возвели и деревянную церковь. Она могла находиться на месте храма XVIII в. у подножия Северного городища и относиться к простейшему типу клетских церквей — от слова «клеть», обозначающего прямоугольный сруб с двускатной крышей. От обычной избы клетская церковь отличалась высоким скатом кровли и луковичной главкой на небольшом возвышении-барабане. На восточном торце клети прирубали алтарь, а на западном сооружали крыльцо или колокольню.

При раскопках на Северном городище мы столкнулись с большими трудностями. Дело в том, что здесь несколько строительных горизонтов расположены друг над другом, причем наиболее ранние постройки XI — начала XII в. почти не сохранились. В XII—XIII вв. на их месте возводили новые дома. Стратиграфия, то есть фиксируемая на стенках и бровках раскопа последовательность залегания слоев и связанных с ними предметов, в древнейшей части города особенно сложна. Постепенно разбирая слой за слоем, объясняя образование каждого из них, археолог восстанавливает историю того или иного участка. И хотя в самых нижних предматериковых слоях мало что осталось от ранних строений, связанные с ними вещи достаточно многочисленны.

К их числу относятся обломки глиняной посуды, подковообразные застежки-фибулы с многогранными, маковидными или закрученными в спираль концами, которыми застегивали верхнюю одежду у ворота, а также принадлежности поясов: пряжки лировидной формы, ременной разделитель, украшенный головками животных в стиле скандинавской «звериной» орнаментики, поясные накладки с растительными узорами. XI—первой половиной XII в. датируются топоры с широким лезвием и выемом у шейки, ножи с клиновидным в сечении лезвием, некоторые двусторонние костяные гребни. На Северном городище найдено несколько сотен шиферных пряслиц, которые изготав-

Средний город. Его пересекала улица, идущая к Спасским воротам, южнее располагался небольшой посад. Водяные ворота и часть стены (внизу) более поздней постройки. Вид с юго-востока

ливали в окрестностях города Овруча на Волыни. Большинство из них относятся к раннему периоду истории города.

Итак, в XI в. и первой половине XII в. Рязань сравнительно небольшой город, созданный в ходе вольной внутренней колонизации, освоения новых плодородных земель. На юге простирались тучные нивы, в пойме Оки — обширные пастбища с озерными водоемами. На этих просторах возникали безопасные островки — окруженные стенами города и крепости с тяготеющими к ним поселениями.

Гигантский цивилизаторский труд был обусловлен ростом народонаселения на Руси, обгонявшим развитие сельского хозяйства. Отвоеванные у леса земли вновь зарастали, подвергались наводнениям. Поля забрасывались, их плодородие быстро истощалось из-за нехватки удобрений и несовершенства агротехники. Первоначальная Рязань — еще полуаграрный город, но в него уже стекаются ремесленники. На Северном городище обнаружены следы кузнечного, бронзолитейного, гончарного, костеобрабатывающего производств. Переселенческое движение бросающих землю крестьян и миграция из других городов активного

ремесленного люда — источник формирования населения новых городских центров. Через Рязань проходила караванная торговля продуктами промыслов, предметами роскоши, рабами. Но в отличие от рыночного места, колонии «бродячих» купцов, Рязань уже обладает устойчиво-стабильным населением, сконцентрированным под защитой укреплений. Не дальняя торговля, но рынок, базар, где осуществлялся натуральный товарообмен между городскими и сельскими жителями, постепенно превращает Рязань в центр хозяйственной жизни округи.

ПИОНЕРЫ

Для выявления направлений миграции славянских поселенцев в район Рязани большое значение имеет впервые исследованный нашей экспедицией огромный курганный могильник, оставленный обитателями раннего города. Некрополь тянется широкой — до 200 м — полосой на протяжении почти 800 м южнее Северного городища, вдоль кромки высокого берега Оки. С середины XII в. его место занял разросшийся город. Раскопки показали, что на 100 кв. м некрополя приходится около пяти погребений, следовательно, их общее число доходило до 8 тыс. Начиная с полевого сезона 1966 г. изучено свыше 200 погребений, но многие разрушены позднейшими постройками, а захоронения маленьких детей часто не сохранялись из-за хрупкости костей.

Попробуем произвести некоторые демографические подсчеты. Если исходить из средней площади усадьбы-домохозяйства в 200 кв. м и характерного для средневековья размера семьи в 4—6 человек, то в пределах Северного городища могло одновременно жить до 1500 человек. Вместе с населением подола количество жителей Рязани к середине XII в. могло достигать 2 тыс. человек. Известно, что в X—XY вв. средняя продолжительность жизни равнялась примерно 25, а в демографически благоприятные периоды — 30—35 годам. Таким образом, за первое столетие существования Рязани сменилось 4—5 поколений.

Новые археологические и антропологические изыскания подтверждают эти расчеты.

Очень высокая рождаемость в средневековом городе сопровождалась неслыханно высокой детской смертностью. Особенно велика была смертность среди младенцев в первые недели жизни. По подсчетам некоторых ученых из

10 родившихся лишь один достигал зрелого возраста. Если ребенок не умирал в первые дни жизни, то в дальнейшем становился жертвой инфекционных заболеваний — оспы, дизентерии, скарлатины, кори: уровень медицины того времени был крайне низок. Детей в семье редко было больше двух. Половозрастной состав погребенных следующий: мужчин 35 проц., женщин 20 проц., детей от 6 до 13 лет 20 проц., остальные неопределенные.

Молодые женщины часто умирали во время родов, средний женский возраст был на четверть короче мужского: многие мужчины переживали двух-трех жен. Молодые люди массами погибали в результате сильно распространенного рахитизма, антисанитарии, плохого питания.

Среди изученных антропологами рязанских материалов мало старческих черепов. Лишь немногие доживали до 50—60 лет, а этот возраст в ту эпоху считали уже весьма преклонным — старость начиналась очень рано, с нашего зрелого возраста. Миром правили молодые: Александр Невский и его сын, московский князь Даниил, умерли в 43 года, Дмитрий Донской — в 39 лет. Большинство черепов из могильника Рязани принадлежат лицам возраста 20—35 лет, причем мужских исследовано гораздо больше, ввиду их лучшей сохранности.

К множеству преждевременных смертей в городах и весях Руси вели массовые эпидемии, а у бедняков — голодовки, косившие десятки тысяч людей и приводившие к голодному тифу и другим болезням. О хрупкости человека перед лицом стихийных сил природы говорят наши летописцы. Над людьми господствовал «аграрный календарь»: чередование хороших, менее хороших и плохих урожаев.

Летописцы рассматривали природу как действующее лицо истории: она активно вторгается в жизнь Русской земли, принося ее жителям то изобилие «плодов всяческих», то страшные бедствия, сопровождаемые небесными предзнаменованиями. «В те же времена (1092 г.—*В. Д.*) было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота... В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши». Всего в XI в. в русских летописях отмечены восемь засух, одно дождливое лето, одна ураганная буря, четыре суровые зимы, одно высокое наводнение и одно землетря-

сение. «Мор на людей во всей Русской земле» отмечен в 1083 г.

Одна из причин переселенческого движения — бегство от голода. Когда в 1128 г. в Новгородской земле погибли все хлеба и умершие лежали прямо на улицах сел и городов, все, кто только мог, разбрелись по чужим землям.

Экстремальные климатические явления: «бездожие», нашествия саранчи, необычайные снегопады—не миновали и плодородных суздальских и рязанских областей. 1223 год: «Было очень жарко... мгла как будто прилегла к земле, так что и птицы по воздуху не могли летать, но падали на землю и умирали, и звери всякие дикие в города и в села к людям приходили не видя, и страх и ужас обуял всех» (Суздальская летопись). 1228 год: «Поход на мордву не состоялся... Дожди шли день и ночь... В этом году рожь не родила по всей нашей земле, и дорог был хлеб». (Там же). В 1230 г. почти перед монгольским нашествием Русь потеряла от голода и эпидемий значительную часть населения, многие города обезлюдели. Только в Смоленске в братских могилах похоронили 32 тыс. человек. Согласно Псковской летописи, «иные простые люди резали живых людей и ели». К массовой смертности, особенно среди скученного городского населения, приводили эпидемии чумы и холеры, этой «многоглавой гидры»; были распространены малярия, туберкулез, проказа. Налицо слабая сопротивляемость плохо питающегося и плохо защищенного от холода населения. Люди гибли в войнах с внешними врагами и междоусобных распрях. Выдающийся голландский историк Й. Хёйзинга писал об условиях жизни в средневековье: «Бедствиям и обездоленности неоткуда было ждать облегчения, в ту пору они были куда мучительнее и страшнее. Болезнь и здоровье рознились намного сильнее, пугающий мрак и суровая стужа зимою представляли собой настоящее зло... Современному городу едва ли ведомы непроглядная темень, мертвая тишина, впечатляющее воздействие одинокого огонька или одиночного далекого крика». Высокая детская смертность притупляла чувства, привыкшие к нескончаемому трауру. Постоянная угроза вражеского нашествия и разбоя, чумы, пожара и голода, удивительная восприимчивость к «сверхъестественным» явлениям, гнетущий страх перед кознями дьявола и адскими муками рождали в народе ощущение тревоги и беззащитности, придавали существованию непреходящий привкус бренности.

Поскольку смертность в городе была выше рождаемости, население пополнялось непрерывным притоком извне. Состав рязанцев постоянно менялся за счет групп переселенцев из ближних, но чаще — дальних деревень. Хлебородные земли по Средней Оке стали тем магнитом, тягу к которому не смогла преодолеть половецкая угроза. Немаловажную роль сыграло богатство края легкодоступными луговыми и болотными железными рудами, высококачественными гончарными глинами для изготовления посуды.

Возникновение новых городов, где смешивалось пришлое население, сопровождалось заменой древних родоплеменных связей территориальными. Славянское заселение Муромской и Рязанской земель происходило мирным путем и небольшими группами из разных районов Руси. По рекам и реже — по сухопутным дорогам двигались отдельные семьи из двух-трех поколений, во главе которых могли стоять родные братья. Под защитой городских стен родственные коллективы при свободе выдела женатых сыновей легко делились на малые семьи. Исследование могильника и дворов-усадеб Рязани свидетельствует о преобладании в городе автономных малых семей, ведущих индивидуальное хозяйство. Имуществом распоряжался глава семьи, наследниками становились дети и жена. На Руси XI—XIII вв. у князей и бояр, свободных горожан и земледельцев, у несвободных холопов письменные источники отмечают лишь малые супружеские семьи. Основной единицей налогообложения стало домохозяйство-«очаг». В Древней Руси значение слова «дом» — это и хозяйство, а значит, имущество и богатство, родной кров со всеми припасами и одновременно — семья, домашние: те, кто живет вместе. Хорошо написал об этом ленинградский филолог В. В. Колесов: «Дом»— тот свет в окошке, за которым проглядывает уже «весь свет». «Дом» материализует идею родства по месту «сидения», вообще по месту, которое отныне становится столь же важным во взаимных отношениях между людьми, как прежде род».

В рязанском могильнике легко выделяются семейные погребения: в одной яме нередко хоронили двух человек — женщину (чаще) или мужчину с ребенком или подростком. В одном случае, судя по положению костей, отец

Славянские переселенцы. Колонизация новых земель шла по рекам и сухопутным дорогам сообществами из отдельных семей. С собой забирали все имущество, гнали домашний скот. Караваны охранялись вооруженными мужчинами. Рисунок из книги: Ваня З. Мир древних славян...

как бы обнимал сына. Встречены захоронения супружеской пары, а также двух детей. Такие картины свидетельствуют об одновременности наступившей смерти. К «участкам» одной семьи относятся могилы внутри круглых оградок — взрослого и ребенка. Как погребения близких родственников можно рассматривать расположенные в ряд могилы с минимальными интервалами и одинаковой ориентировкой. Среди них расчищены парные (мужчина и женщина, женщина и ребенок) или из трех-четырех человек, например, мужчина, женщина и ребенок, причем он похоронен в ногах родителей — отсюда необычная ориентировка головой к северу. В других группах лежали рядом родители и двое детей, а также четверо детей, видимо, погибших в одно время. С массовой смертностью в результате эпидемий или голодовок можно связать и некоторые скопления бессистемно расположенных могил. Одиночные захоронения в стороне от других подтверждают известный тезис об обилии среди первопоселенцев холостых мужчин.

Средневековый город — это мир не столько кровных родственников, сколько соседей. Непременным условием их выживания были взаимопомощь и солидарность при решении общих насущных задач. Скорее всего, до середины XII в. Рязань представляла собой суверенную городскую общину из лично свободных людей, вчерашних отважных пионеров-колонистов. Их и их потомков еще ждал повседневный созидательный труд. Верховную власть в Рязани могло осуществлять народное собрание-вече, где решали вопросы войны и мира, определяли внутреннюю и внешнюю политику, выбирали авторитетных вождей.

ЗА ПЛУГОМ ИДУЩИЕ

В ходе колонизации неведомых просторов и их освоения мирными земледельцами «чужое» становилось «своим». «Впереди мужика, за плугом идущего, нет никого,— пишет Колесов.— Он открывает мир, неоглядный и странный в своей красоте и силе. И если, вступая в поле, купец и воин сражаются с черной силой и между собой, пахарь в труде покоряет землю, оставляя за своей спиной города и веси, и всю эту русскую землю, сделав ее своей».

Из каких областей Руси и по каким путям шло первоначальное переселенческое движение в район Рязани, где со второй половины XI в. возникают города и со временем завязывается прочный народнохозяйственный узел?

Височные кольца: браслетообразное, перстнеобразные с заходящими концами, ромбощитковое, семилучевое, семилопастное, спиралеобразное, перстнеобразные с загнутыми в спираль концами

Только археология способна дать ответ на эти вопросы, так как письменные источники хранят молчание.

Наша начальная летопись «Повесть временных лет» открывается рассказом о том, как размещались славянские племена, кто где «сидел»: поляне обитали по среднему течению Днепра, древляне занимали Полесье от Припяти до самого Киева, их соседями с севера были дреговичи, жившие между Припятью и Западной Двиной, радимичи населяли болотистые районы по Сожу, вятичи — верховья Десны и Оки. Северо-запад занимали полочане, новгородские словене и кривичи, которые распространились далеко на восток.

Племя как объединение людей, связанных родовыми отношениями, общим языком и территорией, свойственно эпохе доклассового общества. В «Повести временных лет», которая приобрела окончательный вид только в первой четверти XII в., речь идет не о племенах в социологическом значении этого слова, а об историко-этнографических областях, отделяемых друг от друга дремучими лесами и реками. Этнографические группы с общим диалектом чрезвычайно долго сохраняли общие черты в своей культуре: своеобразные обычаи, обряды, традиционные одежды и украшения женского костюма.

Последний признак для нас особенно важен. Дело в том, что еще в конце прошлого столетия выдающийся русский археолог Александр Андреевич Спицын доказал, что местные различия находимых преимущественно в курганах женских украшений далеко не случайны. У каждого племени существовал свой излюбленный набор украшений, надеваемых в праздничные дни. Особенно показательны так называемые височные кольца — привески из бронзы или низкопробного серебра с примесью меди, которые нашивали на головной убор, вплетали в волосы, продевали в мочки ушей. Разные формы височных колец из женских погребений рязанского могильника свидетельствуют о миграционных потоках из разных восточнославянских земель.

В нескольких могилах по сторонам черепа найдены типичные для радимичей и вятичей височные кольца — серебряные пластинки с дужкой наверху и семью лучами или лопастями, отходящими по полукружию внизу. Вятические курганы XI—начала XII в. известны вдоль Оки до впадения в нее Москвы-реки.

Для убора смоленско-полоцких кривичей характерны проволочные браслетообразные кольца с завязанными концами. Их прикрепляли кожаными ремешками по нескольку штук у каждого виска к головному убору типа русской кички с твердой основой. Браслетообразные кольца получили распространение в смоленской части Днепровского бассейна, в верховьях Западной Двины и Волги. К древностям кривичей относятся нагрудные привески в виде конька или собачки. Кривичские женщины любили ожерелья из стеклянных позолоченных бус цилиндрической формы, частые в рязанском некрополе.

Судя по вещам, обнаруженным в погребениях и при раскопках в Рязани, кривичская миграция происходила из Волго-Клязьминского междуречья, Ростово-Суздальской земли. Выходцы из Смоленщины в XI в. пересекли Клязьму, заселили часть мещерско-муромских земель и с севера достигли рязанских пределов. «Узелковые» височные кольца с тремя бусинами, сплетенными из крученой проволоки, обычные в северо-восточных областях Руси, встречаются во владимирских курганах. Для погребальных инвентарей потомков смоленских кривичей типичны и плетенные из нескольких рядов проволоки браслеты с завязанными концами.

О северном и северо-западном направлениях колонизации Рязанской земли мы можем судить и по особенностям глиняной посуды, встреченной в погребениях и на Север-

ном городище. Горшки и крышки их покрыты разнообразными узорами, нанесенными при помощи зубчато-гребенчатых штампов. Сделанная на гончарном круге керамика со штампованным орнаментом обнаружена археологами на селищах возле Углича.

Кривичи, сыгравшие важную роль в формировании населения Волго-Окского междуречья, жили совместно с финно-угорским племенем меря, постепенно его славянизируя. О «чудском» наследии в культуре славян позволяют говорить найденные в Рязани зооморфные подвески: изображения водоплавающей птицы с шумящими привесками в форме перепончатых птичьих лапок, полые объемные фигурки уточек. Изготовленные во Владимиро-Суздальской Руси, эти амулеты отражали древние мифологические представления финно-угров: так, карелы почитали утку прародительницей всего сущего на земле, отводили ей роль творца природы.

Итак, Рязанщина осваивалась переселенцами со смоленского запада, тесные связи с которым сохранялись и позднее. Одновременно по маршруту верхняя Волга—Нерль—Клязьма—Ока шло продвижение крестьян-земледельцев с плотно освоенных плодородных ополий Волго-Окского междуречья — Ростовского, Суздальского, Юрьевского — на его периферийные муромские и рязанские территории. Другой колонизационный поток шел из земли радимичей и вятичей. Потомки кривичей и их южных соседей — вятичей образовали впоследствии ядро великорусской народности.

Историками давно отмечено, что в Рязанской земле получили распространение географические названия, перенесенные с юга: Переяславль (современная Рязань), речка Трубеж и впадающая в нее у подножия рязанского кремля Лыбедь, Вышгород (Вышгородское городище на реке Раке, впадающей в Оку выше Прони) и др. Южная топонимика свидетельствует об отливе населения в Рязанскую землю из Среднего Приднепровья, что подтверждается инвентарем некоторых рязанских погребений. Височные кольца с тремя напускными зернеными бусами — излюбленное украшение женщин этнографической группы дреговичей, обитавших в низовьях Припяти и по Березине.

Родиной многих переселенцев была область полян с центром в Киеве. Принадлежности их костюма относились к общеславянским, но набор в целом во многих женских могилах Рязани близок вещам из полянских курганов. Височные украшения полян представлены проволочными пер-

стнеобразными колечками с сомкнутыми, частично заходящими или загнутыми в трубочку концами. Частой находкой являются литые пуговки грушевидной формы, нашивавшиеся на ворот рубахи, а также перстни — проволочные гладкие или витые. В мужских погребениях обычны лировидные поясные пряжки и ножи у левого бедра.

Таким образом, судя по предметам захоронений, славянское проникновение в Рязанскую землю шло с разных сторон. Уже на первом этапе развития города его население формировалось из представителей нескольких племенных группировок. В пределах Рязанского княжества смешались различные этнографические группы. Археологические наблюдения совпадают с заключением антрополога Т. И. Алексеевой, которая исследовала материалы рязанского могильника: «В антропологическом отношении население Старой Рязани включается в пределы вариаций признаков, типичных для городского восточнославянского населения, обнаруживая явное тяготение как по антропологическому типу, так и по строению тела к обитателям городов, расположенных в западной и юго-западной части восточнославянской территории... Физический тип старорязанцев характеризуется определенной гомогенностью (однородностью по составу.— *В. Д.)*, в нем не прослеживается антропологических черт иноязычного населения».

На основе одного из черепов антрополог Г. В. Лебединская создала скульптурный портрет женщины, жившей в Рязани в XI столетии: «Высокое узкое лицо, высокое переносье, тонкий прямой с легкой горбинкой нос, слабое выступание скул. Лицо несколько сужается книзу, подбородок хорошо оформлен, имеет скорее выступающую форму. Глазная область характеризуется выраженными европеоидными чертами: глазное яблоко не углублено, тонкие веки хорошо его очерчивают, разрез глаз широкий... Женщин подобного облика можно чаще встретить в южных и западных областях СССР».

Материалы рязанского некрополя не дают основания говорить об имущественном неравенстве усопших. Различия украшений в женских погребениях скорее возрастные. По данным поздней этнографии, девушек хоронили в праздничном наряде невест, женщин и старух — в скромной одежде, отвечавшей их возрасту, с обязательным покрытием головы платкообразным убором.

«СТРЕЛКИ ГРОМНЫЯ»

Археология представляет нам редкостную возможность проникновения в духовный мир наших далеких предков. Современный историк, преодолевая многие психологические барьеры и предрассудки, пытается раскрыть мировосприятие средневекового человека, его представления о мире и своем месте в нем, объяснить мифы и обычаи, восходящие к отдаленному языческому прошлому. Сам дух, атмосфера повседневного существования в те незапамятные времена, принципы магического мышления в архаическом аграрном обществе постепенно перестают быть книгой за семью печатями.

Утверждение христианства в сознании древнерусского общества растянулось на несколько столетий. Духовная жизнь Руси, особенно на ее окраинах, определялась стойкостью древних языческих воззрений, фольклорной народной культуры. Труд хлебопашца и горожанина как вчерашнего крестьянина был неразрывно связан с представлением о господстве в природе таинственных и неподконтрольных сил, от которых зависят жизнь и благосостояние человека, а неповиновение этим силам, их оскорбление влекут за собой возмездие — голодовки, массовые эпидемии.

Исследование рязанского могильника свидетельствует о взаимопроникновении православия и старинных языческих верований, связанных с понятиями о загробном мире и культом предков. Уход человека из жизни не воспринимали как полное прекращение существования: вера в вечное загробное бытие и тесную связь между живыми и мертвыми определяла многие черты погребального ритуала, к примеру, в могилы клали вещи, необходимые покойнику в потустороннем мире.

Основную массу захоронений рязанского некрополя составляют подкурганные ямные погребения головой на запад, что характерно для христиан, но не чуждо и язычникам, помещавшим «тот свет», куда уходят души умерших, в стороне солнечного заката. Каноны христианской религии также предписывали хоронить усопших лицом на восток, чтобы они зрели восходящее солнце, пока не наступит общее воскресение. Отклонения от западной ориентировки — сезонные. Очень мало погребали зимой (юго-западная ориентация). Большинство скелетов лежат головой на запад и северо-запад, то есть хоронили, как правило, весной и летом. В годы массовой смертности — войн,

«моровой язвы», голодовок — хоронить в мерзлой земле было трудно. До наступления весны трупы складывали в общую яму в «убогих домах», «скудельницах», а похороны устраивали на Троицу в последние дни мая или начале июня. Еще в конце XYI в. Флетчер, английский посол в Москве, писал о «множестве суеверных и языческих обрядов», соблюдаемых русскими при похоронах. Он отмечал, что умерших зимой помещали в «божьем доме», а погребения совершали весной.

Языческих трупосожжений при раскопках в Рязани не встречено, полностью господствует обряд трупоположения — ингумации. Умерших хоронили по общеславянскому ритуалу — на спине, в грунтовых ямах, обычно неглубоких или на уровне древнего горизонта. Такой способ погребения предполагает необходимость невысоких земляных насыпей, полностью срытых при расширении города. Об этом свидетельствует и тот факт, что могилы нигде не перекрывают друг друга. С постепенной христианизацией населения Рязани связано появление могильных ям до 1 м глубиной, большое число захоронений без вещей, что отвечало пожеланиям церкви.

Но обряд еще не устойчив. Отсюда разнообразное положение рук покойных: они не всегда сложены на груди, как предписывает церковный ритуал, и то лежат на животе, то вытянуты вдоль туловища. Одна рука может быть вытянута вдоль тела, а другая лежать на костях таза, на груди. Одна или, реже, обе руки резко согнуты к плечам и т.д. Особняком стоит мужское погребение головой на восток— особенность, которую считают унаследованной славянами от балтских племен. Загадочно скорченное положение нескольких умерших мужчин и детей, причем один из них лежит головой на юг. Неславянская этническая принадлежность здесь исключена, что доказано антропологами. Высказана гипотеза, основанная на верованиях славян XIX— начала XX в., что обычай захоронения в мешках или с подрезанием подколенных жил — «чтобы мертвый не встал из гроба»— относится к обезвреживанию «нечистых покойников»— колдунов. Их предшественниками в языческой Руси являлись волхвы-кудесники, якобы насылавшие порчу на приверженцев новой религии.

Под некоторыми скелетами прослежены тонкие зольные прослойки от сгоревшей соломы и веток при разжигании священного огня на месте захоронения. Обряд очищения огнем как благодетельной стихией—чисто магический, призванный предохранить покойника от козней нечистой силы, пережиток языческого обряда кремации. К погре-

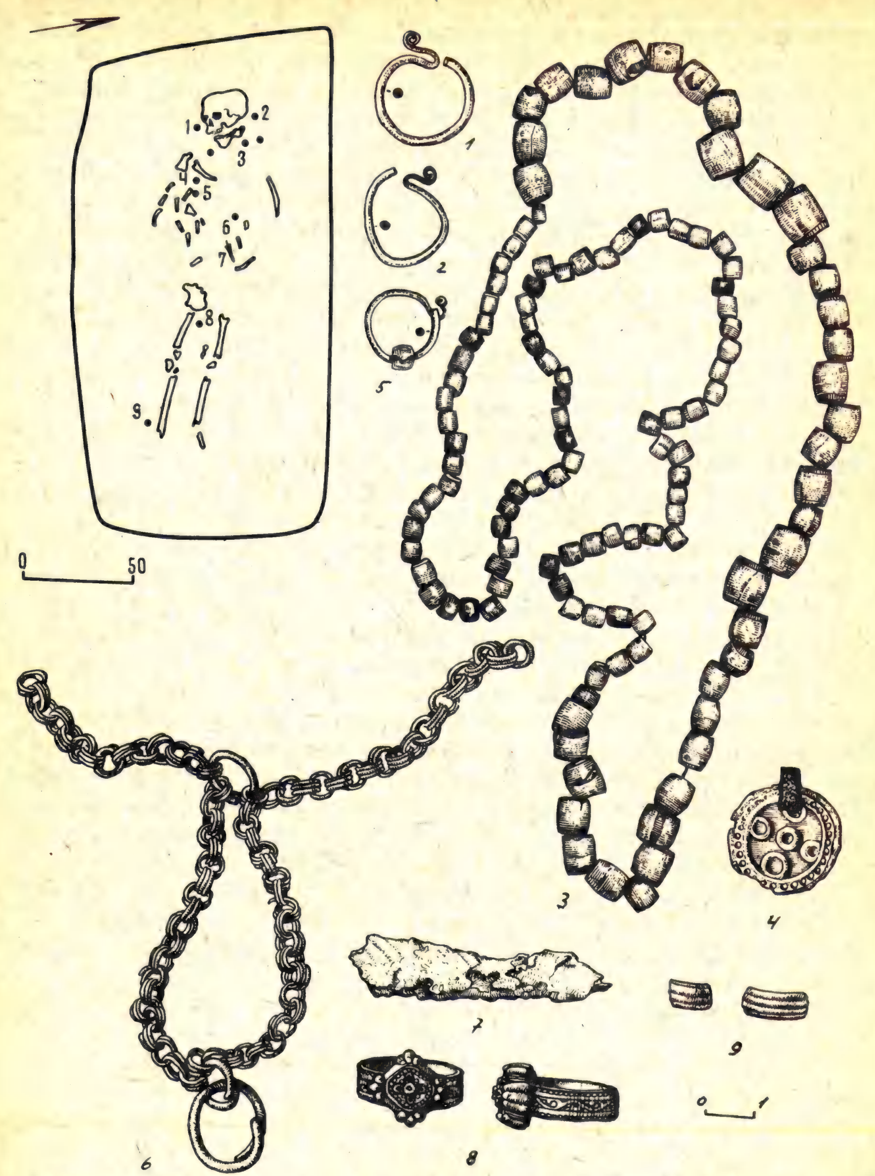
бальному действу восходит и святочный обычай «греть покойников», когда сжигали солому, сор, навоз, разводили поминальные костры. От языческой тризны — пиршества в память умершего — сохранилась неглубокая яма возле одной из могил, заполненная костями животных и рыб, черепками горшков, угольками. Обломки керамики свидетельствуют об обряде «битья посуды», когда при выносе покойника из дома разбивали новый горшок.

Наши предки верили: пространство в форме замкнутого круга служит преградой, за которую не могут проникнуть злые духи, человек внутри круговой черты недосягаем для темных сил зла. Вспомним гоголевского «Вия». Эта магическая фигура означала вечность, не имеющую ни начала, ни конца, символизируя идею бесконечности и законченности. Для изоляции мертвых вокруг многих могил сооружали оградки диаметром 4—5 м из вкопанных по кругу заостренных бревен или столбиков, забранных жердями. Некоторые оградки имели входы с восточной или западной стороны. Кольцевые канавки от оград шириной до 20 см и со следами столбовых ямок открыты на широкой территории — под насыпями курганов вятичей, полян, дреговичей, смоленских кривичей, Волго-Окского междуречья.

В могильных ямах обнаружены остатки домовин-гробов (в значении — жилье мертвого) в виде коричневого древесного тлена и гвоздей. Домовины представляли собой прямоугольные гробы из плах, поставленных на ребро и соединенных в пазах. Крышку прибивали гвоздями, обычно 4 по углам, но могло быть и меньше. Найдены гробовины без гвоздей или, наоборот, только гвозди: дерево истлело целиком.

Итак, до середины XII в., а вероятно и позднее, в рязанском могильнике сохранялись архаичные черты обрядности проводов на тот свет. Покойников суеверно боялись и задабривали, принося им жертвы. О том, что смерть воспринимали как продолжение жизни, только в иной форме, говорят и вещи в погребениях. В ногах мужчин ставили горшки с пищей, необходимой и в загробной жизни. Кроме янтарного крестика в составе женского ожерелья христианские символы не встречены, но обычны языческие амулеты-обереги, призванные защищать от чародейных сил и дурного глаза не только живых, но и мертвых.

В эпоху, когда причину «болести» видели в воздействии злых духов, способных наслать недуг или его снять, талисманы получили огромное распространение. В рязанских женских погребениях на левой стороне груди найдены це-

Женское погребение XI в. Головной убор был украшен перстнеобразными височными кольцами, на шее висело ожерелье из стеклянных с золотой прокладкой бус и с привеской-медальоном, к поясу на бронзовой цепочке подвешен ножик. Уникален серебряный перстень с гравированным узором и зернью

лые наборы амулетов. Их подвешивали на цепочках или помещали в матерчатый чехольчик. Ножи, носимые на груди, должны были поражать демонов, а бубенчики отпугивать их своим звоном. Среди талисманов — просверленные косточки священного животного — бобра, миниатюрные металлические ложечки — символ богатства и успеха. На ожерелья из бус нанизывали привески в виде лунного серпа — лунницы, связанные с почитанием мифологического ночного светила. В народных поверьях луна влияла на рост растений, цветов и трав. Ее изображение использовали как обереги от немочи, при гаданиях.

Находка в женском захоронении обработанного кремня заставляет нас вспомнить о необычайно стойких суевериях по поводу «стрелок громных» и «топорков», осужденных еще «Домостроем»— сводом житейских правил и наставлений XVI в. Неолитические наконечники копий и стрел, находимые и при раскопках Старорязанского городища, считали оружием бога-громовника Перуна, обладателя чудесного лука и стрел. Существовало убеждение, что на месте пожара от удара молнии можно найти ниспавшую из туч громовую стрелу. В. Н. Татищев писал в своем «Лексиконе российском»: «Простой народ верят оным из облак быть, и якобы они в третьей год по ударе являются, а обманщики оныя во многую пользу, особливо для окачивания младенцев за великое лекарство употребляют и от несмысленных за то деньги берут». С помощью «стрелок и топоров громных», по свидетельству средневековых источников, «недугы... и огненыя болезни лечат... и бесы изгоняют и знамениа творят». То же охранительное значение имели миниатюрные бронзовые подвески-топорики XI—XII вв., найденные в Рязани. Копируя боевые топоры, они служили атрибутом славянского Перуна, покровителя князя и его дружины, и поэтому получили распространение в воинской среде.

О медленном внедрении христианства в Рязанской земле свидетельствует не только полуязыческий могильник, но и культовые предметы из раскопок древнейшей части города. К их числу относятся глиняные «хлебцы» — маленькие лепешечки, украшенные нарезными пересекающимися линиями. В восточнославянской мифологии обрядовый хлеб-каравай символизировал плодородие. Как и изделие из теста, глиняные модели, воплощая богатство и благополучие дома, играли роль в обрядах, направленных на обеспечение урожайности полей, в свадебных ритуалах. Глиняным яйцам-писанкам, покрытым поливным узором, приписывали

целительную силу, способную предотвращать козни леших и домовых. В пасхальных празднествах славянских народов яйца знаменовали весеннее возрождение природы, связывались с культом предков идеей бессмертия. Находка отполированного камня в форме яйца приводит на память народный обычай умывания из подойника, куда клали яйцо. Верили, что святая вода поможет избежать порчи-болезни, что корова больше даст молока, а куры будут лучше нестись.

Амулетами от сглаза служили носимые на шнурках медвежьи и кабаньи клыки, когти и зубы волков и лис, что свидетельствует о почитании сильных и хитрых зверей. Костяные привески в виде уточек связаны с поклонением водной стихии.

Грубо вырезанный из камня антропоморфный «болван» и фрагмент глиняной фигурки мужчины в шапке с околышем могли изображать духов предков — «дедов», покровителей дома. В заклинательной магии ритуалы вызывания почивших предков обеспечивали их помощь в повседневных делах семьи. Дух умершего сородича могла олицетворять и маленькая литая привеска в виде человеческой головы.

Найденные при раскопках Рязани ритуальные предметы отражают мир «низшей мифологии»— обожествление солнца, огня, воды, матери сырой земли, животных и растений, верования и обряды, связанные с земледельческим хозяйством, культом предков, веру в магическую власть человека над природой. «Словом нарицяющеся хрестьяни, а поганскы живуще»,—сетовали православные проповедники. Это мир, где люди по-прежнему «жруще озером и кладязем и рощением», то есть поклонялись озерам, источникам и священным рощам, оказался у славян гораздо более стойким, чем «высшая мифология»— вера в великих языческих богов: громовержца Перуна, солнечное божество Дажьбога, в Велеса — покровителя домашних животных и подателя богатства. Христианизация северо-восточных окраин Древней Руси — Муромской и Рязанской земель началась только в самом конце X1 в. В «Житии Константина, Муромского князя», памятнике XYI в., перечислены исчезающие под давлением церкви языческие обычаи: «Тем же престаша рекам и озерам требы класти, дуплинам древянным ветви и убрусцом обвешивати и им покланятися... И кладезям и потокам поклоняющеися, очныя ради немощи умывающиися и сребренники в их поверзающии, все

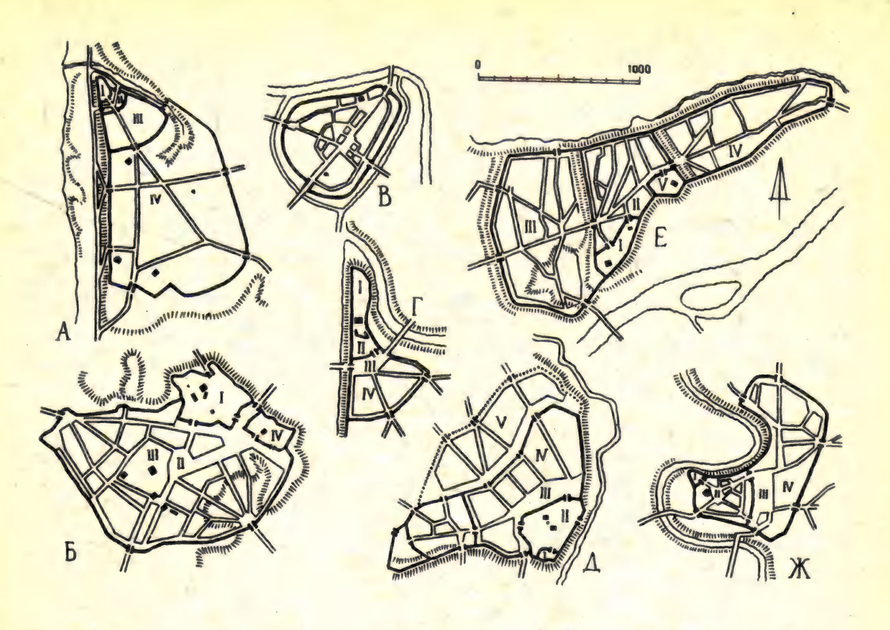
престаша. Где коня закалающии и по мертвых ременная плетения древолазная с ними в землю погребающии, и битвы и кроения и лиц натрескания творящии?» К середине XII в. монах Киево-Печерского монастыря Кукша, проповедник христианской религии среди вятичей, был убит «упорными и дикими» язычниками.

И несмотря на более глубокое усвоение христианства в период расцвета Рязани как столицы княжества и крупного культурного центра, в княжеско-боярских верхах, среди ремесленников и торговых людей, вольных земледельцев и холопов продолжали бытовать заклинания и гадания древних времен, «оклички» умерших предков и причитания, внецерковная свадебная обрядность, выступления «гудцов и игрецов»— скоморохов. Раскопки показали, что в погребальной обрядности или амулетах черты обеих религий переплетаются, например, объединение креста и лунарных знаков в одной подвеске к ожерелью. В переходный период, когда на Руси происходило вытеснение одних представлений другими, складывался качественно новый тип мировоззрения. Историки определяют его как «православно-языческий синкретизм»—объединение таких первоначально независимых и разнородных явлений, как исконная вера предков и «официальная» культура византийского образца, которая все более русифицируется.

ГОРОДНИКИ

Почему это Рязань прославилась?
Потому Рязань это прославилась,
Что хорошо она де испостроилась.

Так обрисовано в былинах возвышение Рязани, превращение ее в город великий и славный, город богатый и красивый. В былинах говорится о ее «башнях наугольниих»: при целенаправленной градостроительной политике рязанских князей стала возможной гигантская фортификационная работа. Периметр новых оборонительных сооружений достиг 3,5 километра, размеры города увеличиваются в 8 раз, площадь внутри пояса стен вместе с древнейшей частью достигает 65 га. Для сравнения скажем, что территория Московского Кремля после перестройки в конце XY в составила 25 га, Киев времени Ярослава Мудрого вместе с «городом Владимира» занимал 80 га, детинец-кремль и «окольный град» Чернигова в XII в. — 75 га. В Западной Европе территория городов столичного масштаба в редких случаях превосходила 50—60 гектаров. Их небольшие

Планы городов XII — первой половины XIII в. А — Рязань, Б — Киев, В — Переяславль-Залесский, Г — Псков, Д — Чернигов, Е — Владимир-на-Клязьме, Ж — Суздаль

размеры сочетались с высокой этажностью и интенсивной плотностью застройки.

Бурный рост Рязани с середины XII в. связан с усиленным процессом урбанизации по всей Руси, когда на страницах наших летописей появляются названия свыше 100 новых городов, когда единая некогда Киевская Русь распадается на отдельные города-государства, самостоятельные земли-княжения. Центробежные силы, столь активные в тогдашней Европе, способствовали и обособлению Рязанского княжества, где складывается сильная военная организация. В Ипатьевской летописи под 1145 г. читаем: «Тои же зиме умре Святослав сын Ярославль в Муроме, а брат его Ростислав седе на столе, а Рязаню послаша меншего Ростиславича Глеба».

В эти годы рядовой город становится столицей Муромо-Рязанской земли, мощной крепостью, способной приютить население окрестных сел, политико-административным, религиозным, крупным торгово-экономическим и культурным центром. От стольного города зависели его уделы-«пригороды»: Ростиславль, основанный в 1153 г.,

Рязань в период расцвета (вид с севера). Вверх по Оке до устья Прони, где возвели цитадель на подступах к столице (Ново-Ольгов городок), тянется сплошная цепь сельских поселений

Коломна (первое упоминание в летописи — 1177 г.), Пронск (1186 г.).

Рязанские князья стали инициаторами организованного переселения в свои владения выходцев из Киевщины, Переяславщины, Черниговщины. Прибывшим ремесленникам и крестьянам сулили всякие льготы: освобождали от податей, давали «немалую ссуду». Княжескими агентами могли выступать специальные подрядчики. В отличие от начального периода города происходила организованная миграция. Стародавние связи со Средним Поднепровьем и верхней Окой — страной вятичей заметно крепнут. За счет притока переселенцев из южных областей распадавшегося Киевского государства Рязань сохраняла традиции Киева и Чернигова в своей материальной и духовной культуре. Множество находимых при раскопках вещей, драгоценные предметы роскоши из кладов, церковное зодчество Рязани свидетельствуют о влиянии южнорусских образцов. Де-

мографический рост позволил заселить город в его расширившихся границах вместе с сельской округой. Новая волна миграции обеспечила Рязань квалифицированной рабочей силой, не причинив экономического ущерба старым центрам ремесла и торговли, где иммигранты, часто младшие сыновья горожан, не находили применения своим силам. Отныне город как центр образованности, художественного творчества, место отправления культа и цитадель привлекает не только простых людей, но и знатных, чувствительных к соблазнам цивилизованной жизни.

Высокая городская культура получила отражение в застройке, особенно фортификационных сооружениях: в мощной оборонительной системе были заинтересованы и горожане и окрестное сельское население. Древнерусский город в эпосе — прежде всего крепость: в былинах на первый план выступает «стена городовая» с башнями и запертыми, охраняемыми стражей воротами. Упоминаются и земляные валы:

Что стоит он широкими рвами окопавшися,
Земляным валом огородившися.

До сих пор поражают воображение грандиозные валы Рязани, особенно с напольной восточной стороны. Местами они достигают 10 м в высоту. Тем, кто смотрел на город извне со стороны глубоких рвов, он являл суровую картину неприступной боевой твердыни.

Прием «мысового» расположения ядра города и естественные преграды облегчали защиту и при его дальнейшем росте, не уменьшая стратегических выгод обороны. Расширение Рязани происходило в единственно возможные стороны: на юг, где на дне глубокого оврага протекала впадающая в Оку Черная речка, на северо-восток, где в пределы городской территории вошли верховья Серебрянки, что решило проблему питьевой воды во время «осадного сидения» при длительной блокаде — «облежании». Как показали артезианские скважины, на самом городище водоносные пласты залегают слишком глубоко. Оборонительные стены, остатки которых обнаружены при раскопках, шли и по кромке крутого, обрывистого берега Оки, но здесь валы, сохранявшиеся еще в 70-е гг. XYIII в., впоследствии были разрушены оползнями. Самые могучие укрепления возвели с наиболее уязвимой стороны поля, где не было природных рубежей.

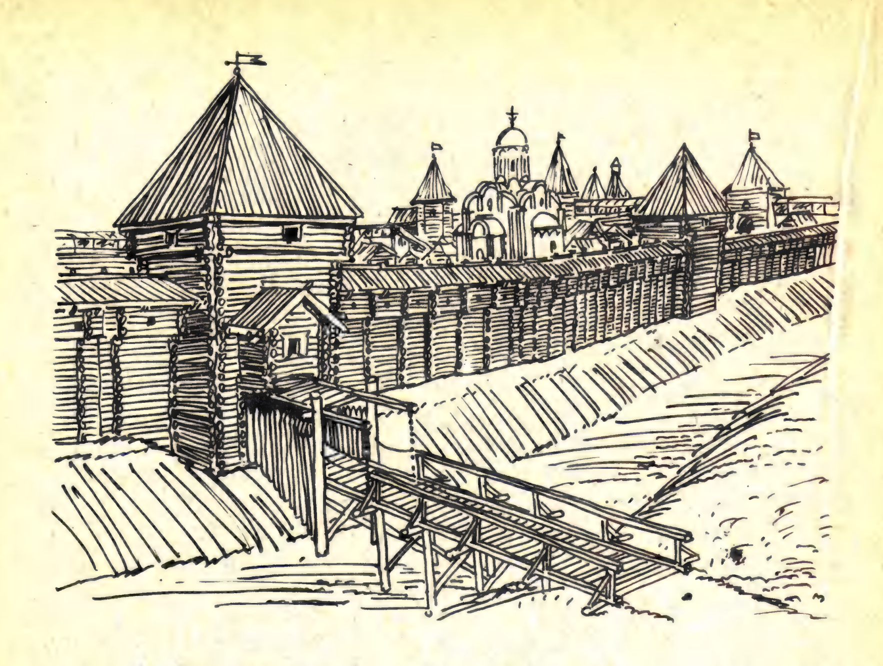
«Столичный город» (по терминологии археологов — «Южное городище») приобрел форму неправильного много-

угольника с закругленными углами. В связи с этим стоит заметить, что еще древнеримский архитектор и инженер Витрувий, обобщивший в своем трактате градостроительную практику античности, писал: «Очертание города должно быть не прямоугольным и не с выступающими углами, а округлым, чтобы за неприятелем можно было наблюдать сразу из нескольких мест». Внизу, между укрепленной частью города и Окой, на протяжении около 2 км от современной деревни Фатьяновки до Шатрищ раскинулся обширный, густо заселенный подол. К XIII в. Рязань достигла максимальных размеров.

Археологические исследования рязанских оборонительных сооружений — поперечные разрезы и вертикальные зачистки валов — позволили воссоздать их конструкции, выделить строительные периоды. На зачищенных стенках разные этапы возведения укреплений отмечены земляными полувалами с прослойками золы, угля и обожженной глины, образованными при разрушении стен. Расшифровка разреза вала у Исадских ворот выявила пять строительных горизонтов.

Раскопки и памятники-аналоги, к примеру, сибирские крепости-остроги XYII в. , помогают реконструировать крепкие «стены градские». По их периметру, вплотную друг к другу, стояли рубленные «в обло», то есть с выпуском остатков бревен, срубы-городни. Для придания им большей прочности и сопротивляемости огню городни засыпали глиной. Продольные дубовые бревна венцов достигали 4—5 м, поперечные связки — от 2,5 до 4 м. Срубы из бревен диаметром 15—20 см образовывали прясло стены между двумя башнями. Длина прясел могла достигать 150—200 м, то есть двойного расстояния полета стрелы при прицельной стрельбе из лука. Нависая снаружи над клетями-городнями, шел второй ярус стены — накат с поперечными перерубами. Этот так называемый облам, с узкими бойницами-скважнями для стрельбы, держался на консольных выпусках верхних поперечных бревен городней. По верхнему ярусу пролегал боевой ход. Через бойницы-стрельницы в полу поражали врага, подступившего к подошве стены. Со стороны города на боевой ход, огражденный перилами, поднимались по приставным лестницам. Бревенчатую стену высотой до 10 м перекрывала двускатная тесовая кровля.

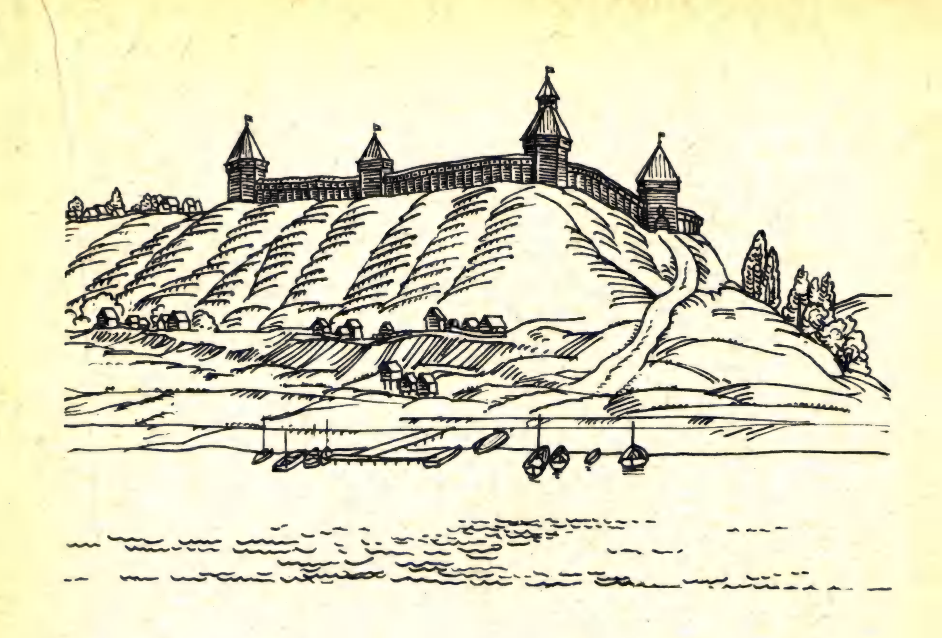
Чтобы обеспечить фланговую стрельбу, квадратные, прямоугольные или шестиугольные в плане башни рязанских укреплений выступали за линию стены на 1—1,5 м. В верхней части, как и стены, они имели выступы-

Ряжские (Пронские) ворота с подъемным мостом через ров и прилегавшие части стен. На заднем плане Спасский собор

обламы, образующие круговой верхний бой. Башни покрывали четырехгранными или многогранными шатрами: они защищали от стрел и всякого «метательного снаряда», предохраняли от дождя и снега, разрушавших деревянные конструкции. Башни располагались по углам и в середине прясел стен. Воротные монументальные башни, разделенные внутри балочными перекрытиями, с несколькими ярусами бойниц, крепкими воротами и опускными решетками, усиленно охраняли. Чтобы ночью в город не проникли чужие, ворота замыкали вечером и открывали утром. День и ночь на вышках-смотрильнях «дозировали» караульщики, предупреждая о появлении противника. Через рвы к воротам башен были перекинуты деревянные мостики, легко разбираемые при военной угрозе.

С напольной стороны, где ров летом высыхал и откуда скорее всего ждали приступа, перед городнями ставили надолбы — вкопанные стоймя заостренные столбы. Вал отделялся от рва бермой — горизонтальной площадкой перед стеной шириной около 2 м, защищавшей насыпь от размыва. С той же целью могли делать ступенчатые откосы,

Крепость в устье Прони на южных подступах к Рязани («Новый городок Ольгов»)

укрепленные бревнами. Чтобы усилить водную преграду с севера, в устье Серебрянки возводили запруду.

От древнейших северных ворот, выводящих к Оке (по трассе современной дороги), через город шла основная магистраль к Ряжским воротам, от которых отходили улицы к воротам Исадским, Пронским, Оковским, Борисоглебским и Южным. Места воротных башен сейчас отмечены оплывшими проездами в валах: первоначальная ширина «ворот городных» не превышала 10 м. Направление уцелевших валов, сильно поврежденных оврагами, помогает нам воссоздать оборонительный узел у Южных ворот. От них дорога выводила к Оке и продолжалась дальше, связывая между собой прибрежные села до устья Прони. Перед Южными воротами концы вала шли параллельно, так что враг, врывавшийся в узкий проезд между двумя стенами, попадал под фланговый обстрел. Щит на левой руке прикрывал воина только с одной стороны, и проникнуть невредимым ко вторым воротам через этот проход было нелегко. Подобное воротное устройство — захаб — выстроили на Ново-Ольговском городище у деревни Никитино в устье Прони в 6 км вверх по Оке от Старой

«Водяные ворота» у истока Серебрянки

Рязани. У самого входа стояла небольшая, с толстыми стенами, церковь, как бы заграждавшая въезд.

«Новый городок Ольгов», что находился на «усть Проне» — неприступная крепость с военным гарнизоном, сторожевой пункт, прикрывавший стольный город с южной степной стороны. «Заставу богатырскую» защищали ставленники рязанских князей — «лучшие мужи» с дружинниками. Со смотрилен Рязани прекрасно видели Ольгов городок, где в случае боевой тревоги могли разводить сигнальные костры. И наконец, четкой продуманностью отличался градостроительный узел возле скрытых в глубоком овраге «водяных ворот» Рязани. Ключевая проточная вода верховьев Серебрянки оказалась в пределах города, протекая сквозь решетку воротного проема. Этому источнику водоснабжения города придавали огромное значение: водяные ворота были защищены башнями на гребне валов и резко опускающимся к ним частоколом.

Основные улицы естественно переходили в грунтовые проселочные дороги за пределами города. От Исадских ворот начиналась дорога на село Исады — по народному

преданию летнюю резиденцию рязанских князей, от Пронских — в Пронское поречье. Сухопутные дороги не отклонялись от речных путей, пролегая зимой по замерзшему руслу рек. При раскопках найдены ледоходные конские подковки с шипами.

Однако зимние санные и конные пути по Оке и притокам были доступны далеко не всегда: в глубоких снегах вязли «по чрево» кони и «по пазуху» люди, «мрази нестерпимые» — морозы останавливали и обращали вспять рати и обозы. Становились непроходимыми и окаймленные терновником глинисто-черноземные дороги по правому берегу Оки, особенно весной и осенью, превращаясь в вязкую грязь. Пути между селениями пересекались лощинами и крутыми оврагами с речушками и ручьями. Не баловали пеших и конных и дороги по низменному левобережью Оки, тянувшиеся по сыпучим пескам и заболоченным низинам. В условиях бездорожья для перевозок тяжестей как зимой, так и летом предпочитали использовать сани-«волокуши». Колесные повозки-кола, кроме южной Руси, распространения не получили. Направляясь в дальние и ближние края, через Рязань, проезжали верховые на вьючных конях с сумами — все, что возможно, старались перевозить вьюками. Подобно былинным каликам перехожим, пешие путники собирались в вооруженные группы: на сухопутных путях опасность разбойных нападений возрастала.

Создание рязанских укреплений — прекрасного памятника военно-инженерного искусства — рассматривали как великое общее дело. Вместе с рядовыми горожанами и сельскими жителями в нем активно участвовали представители знати и духовенства. Строительство таких масштабов требовало огромных материальных и людских ресурсов. Тщательно продуманная целостная система укреплений Рязани предполагала предварительное проектирование, возведение по единому плану, одобренному самим князем. Но хотя во главе стройки стояли опытные в инженерном деле специалисты-«городники», представители княжеской администрации, а «городное дело», то есть сооружение и ремонт стен, входило в число обязанностей зависимого населения, именно всеобщая заинтересованность в возведении неприступной цитадели, а не принудительный труд, двигала огромными массами строителей. «Город ставили» коллективно — «всем миром»: отсюда удивляющий и поныне колоссальный размах работ.

При постоянной военной угрозе промедление грозило гибелью: «город срубили» за один-два строительных сезона и, если учесть, что земляные работы могли вести примерно 200 дней в году, мобилизовали несколько тысяч человек. Углубляя ров деревянными с железной оковкой лопатами, землекопы насыпали в мешки плотную глинистую землю. Другие работники, взвалив мешки на спину, поднимались по насыпи и засыпали грунтом срубы-городни, третьи утрамбовывали его. Одновременно под руководством старшин неустанно трудились плотничьи артели. Вниз по Оке к Рязани сплавляли бессчетное количество дубовых бревен: древесину дуба отличает особая прочность и долговечность. Отсюда выражения летописца: «срубить город в едином дубу», построить «дубов град». Чтобы не отрывать все мужское население от напряженных работ во время косьбы и уборки хлеба, клети для оборонительных стен рубили и зимой. Из летописей узнаем, что в постройке городских крепостей участвовал каждый пятый крестьянин.

«РУБИТЬ ДОБРО И СТРОЙНО»

Вплотную к Рязани подступали огромные лесные массивы, что создавало неограниченные возможности для использования дерева. Выходец из страны каменных городов и замков, английский дипломат Флетчер писал: «Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен... Между бревнами кладут мох... для предохранения действия наружного воздуха... Деревянная постройка русских, повидимому, гораздо удобнее, нежели каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, особенно из сухого соснового леса».

Действительно, открытые при раскопках рязанские постройки рублены в основном из сосны, реже — из ели. Смолистость сосны предохраняла древесину от разрушения. Ее ствол прямой и менее сучковатый, чем у других хвойных. Ровные сосновые бревна не требовали больших усилий для конопатки стен, обеспечивали в избе сухость насыщенного смолой воздуха. В мороз русский бревенчатый дом хорошо держит тепло, в дождливую погоду в нем сухо, а в знойные дни он дарит благодатную прохладу.

Археологические исследования наглядно свидетельствуют о развитой архитектурно-строительной культуре русских

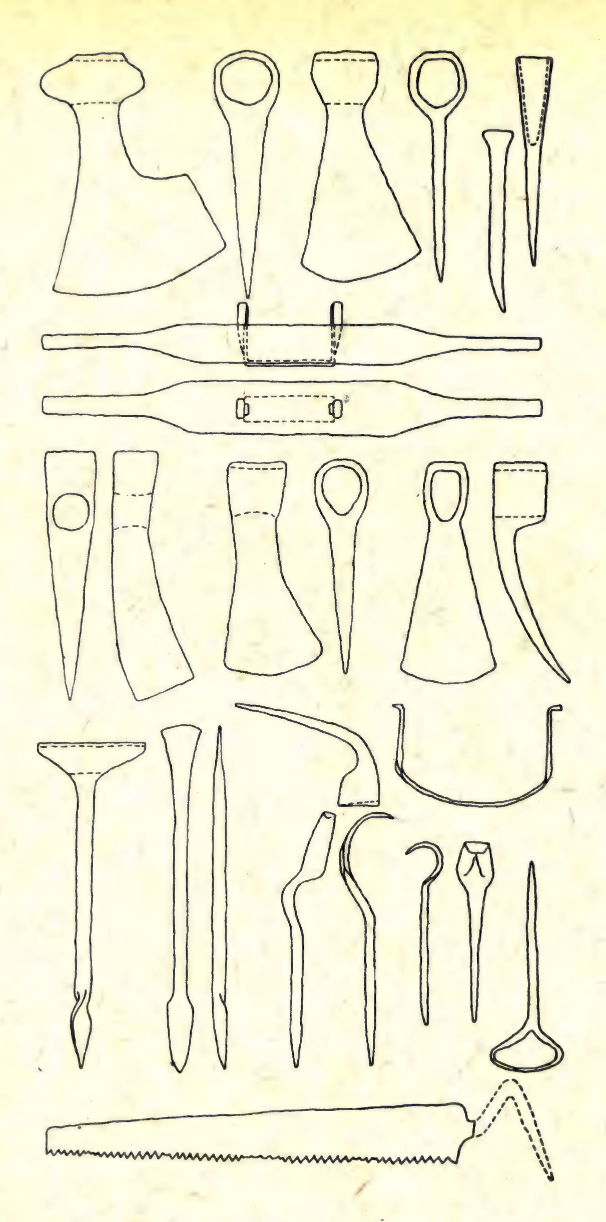
Строительство укреплений древнерусского города. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

плотников-древоделов. Жилая застройка и оборонное зодчество города художественно гармонировали с замечательными каменными храмами. Недаром в Древней Руси говорили не «построить», а «срубить город»: из дерева сооружали крепостные стены и башни, жилые, хозяйственные и производственные помещения, бревнами мостили улицы и площади.

В средневековой Руси каждый муж с малых лет владел топором: в народе насмехались над мужчинами, которые не умели плотничать. И каждый по мере способностей стремился постичь это мастерство: не только стыд, но и нужда заставляла. В плотницком деле, где не было профессиональных секретов, конструктивные и художественные приемы отрабатывали веками. Плотники раньше других ремесленников оформились в строительные артели, где умение переходило от старших к младшим. «Рубить добро и стройно» — записано плотниками в одной из их «порядных» — договоров, что значило выполнить задание на пределе возможного. В городах XI—XIII вв. плотники не сезонные работники, а профессионалы, строившие в течение всего года. Зимой в лесу готовили бревна для строек, вывозя их по санному пути, весной сплавляли плотами, летом строили. Из «Сказания о Борисе и Глебе» узнаем об артели плотников со старейшиной во главе: задумав построить церковь в Вышгороде, князь Изяслав Ярославич «призвав старейшину древоделям повеле ему церковь возградити».

«Старшого», самого опытного в мастерстве и житейских практических делах, выбирала артель. Закончив подряд к определенному сроку, воздвигнув городовую стену, церковь, нарядные хоромы боярина или князя, плотники уходили. Наемные древоделы возводили и частные дома, что создавало единство городского ансамбля. Они рубили клети с оконными и дверными проемами, настилали полы, наконец, «наряжали избу», выполняя столярные работы: врубали лавки, полки и полати, навешивали двери. При постройке дома плотников всячески задабривали, ведь они относились к «знающим» людям и легко могли «напортить» хозяевам. Согласно освященному веками обычаю, строящейся семье приходили на помощь и соседи («помòги»).

Топор — универсальное орудие плотника, как бы продолжение его рук. К нему привыкали, делали топорище по своему вкусу, плотник не мог работать чужим инструментом. Им валили деревья, очищали от сучьев и коры, раскалывали бревна на доски. С помощью топора припазовывали бревна, делали врубки, вязали венцы — горизонталь-

Деревообделочные инструменты: топоры, долота, струг, тесла, сверла, скобели, пила-ножовка

ные ряды бревен в срубе. На строительство шел только рубленый лес: давно замечено, что пиленые бревна и доски легко впитывают влагу, быстрее разбухают и гниют. С рублеными дело обстояло наоборот: от ударов топора выступающие торцы становились как бы закупоренными. Бревна на тес, то есть доски (от глагола «тесать»), раскалывали при помощи клиньев. Основные части зданий рубили без применения пилы и гвоздей.

Плотницкая «снасть» не ограничивалась топорами. При раскопках Рязани найдены тесла для долбления выемов в крупных деревянных изделиях, долота — массивный инструмент для пробивки отверстий, мелких пазов в бревнах и брусьях, скобели или струги — дугообразные лезвия с двумя ручками для строгания, ошкуривания бревен и тесин, пилы-ножовки, пригодные для столярных работ, молотки. В набор инструментов плотника входили линейка и отвес — нитка с грузилом.

Как показывают археологические наблюдения, рязанцы строили дома и хозяйственные сооружения из круглых бревен наиболее древним способом рубки «в обло» (иначе «в угол», «в чашу»), то есть сруб скрепляли по углам так, что концы бревен выходили наружу. Полукруглую чашу вырубали с верхней стороны бревна. Подобный сруб с моховыми прокладками в продольных пазах хорошо приспособлен к суровым зимам: углы дома не промерзали даже в сильные морозы.

Наряду со срубной техникой в Рязани применяли и столбовую: в пазы столбов, вкопанных по углам будущей постройки, закладывали концы горизонтально положенных плах. Основной тип сооружений Рязани, как и всех древнерусских городов, — срубная клеть, реже — каркасная постройка на столбах. В срубной технике строили наземные жилые дома, сохранявшие тепло, житницы, амбары. Каркасные конструкции использовали в углубленных производственных помещениях, для сооружения пристроенных сеней, навесов, крылец, загонов при летнем содержании скота.

ХОРОМНОЕ СТРОЕНИЕ

Так на Руси называли все жилые и хозяйственные постройки внутри двора-усадьбы, принадлежавшей одному владельцу. Простыми хоромами мог владеть любой свободный человек, это не обязательно храм или дворец.

Благодаря многолетним раскопкам большими площадями (самый крупный раскоп достиг 3340 кв. м) мы можем представить общий вид Рязани и ее застройки к моменту монгольского нашествия. Сведения о градостроительстве в летописях и письменных источниках слишком отрывочны: археологические материалы, данные по истории деревянного зодчества Московского государства, этнографические аналогии позволяют реконструировать архитектурные ансамбли Рязани — цветущего людного города.

При воссоздании его облика встают трудности, обусловленные плохой сохранностью дерева и других органических остатков. Воздух, легко проникая в сухой и довольно тонкий культурный слой, способствует гниению деревянных сооружений, от которых в лучшем случае остаются бурые слои тлена, куски обгорелых бревен и плах. Дождь, ветер, плуг смели последние следы наземных домов, разрушили их печи. Такая ситуация определила необходимость тщательной, «ювелирной» методики раскопок.

После снятия верхнего слоя, поврежденного пахотой, начинали зачистки грунта горизонтальными пластами по 3—5 см толщиной. И тогда на фоне желтоватого материкового суглинка явственно проступали следы углубленных построек, исчезнувших с лица земли. Пересекающиеся под прямыми углами серые полосы расшифровываются как остатки нижних венцов наземных домов, большие прямоугольные пятна с включениями угля, золы, обожженной глины и огромного количества черепков посуды — как подполья домов или погреба. Пятна с округлыми очертаниями — хозяйственные ямы, отпечатки столбов относились к каркасным конструкциям, легким навесам или оградам. При выемке углублений на смену лопате приходили совки, кисти, ножи — так расчищали развалы печей, остатки деревянных конструкций, ямки от столбов и жердей. Чтобы не пропустить самой мелкой вещи, землекопы работали попарно: один копал, другой перебирал руками каждый комочек земли. По составу вещей определяли назначение помещений. Для точной фиксации находок на полевых чертежах раскоп с самого начала разбивали сеткой квадратов 2х2 м, на углах которых забивали колышки. Но это еще не все. При выемке заполнения сооружения посередине его обязательно оставляли бровку, то есть аккуратно зачищенную вертикальную стенку. Чередование слоев в профиле бровки (для каждого из них существуют условные обозначения) помогало понять устройство полов, перекрытий, кровель.

При графических реконструкциях конкретных построек Рязани неизбежны разные варианты. Если нижние части сооружений мы восстанавливаем на основе точных фактов, то воссоздание их архитектуры в целом значительно сложнее. Тем не менее развитой градостроительный ансамбль Рязани, возведенный на живописном сочетании разнообразнейших построек, предстает перед нами во всей неповторимой былинной красоте.

С 1945 г., когда экспедиция под руководством А. Л. Монгайта начала раскопки на городище, археологами изучено 120 построек разного назначения. Среди них преобладают наземные жилища, иногда слегка углубленные в материк. Большинство жилищ ориентировано по сторонам света — древняя традиция домостроительства, объясняемая не только практическими соображениями освещенности.

В рязанских «избах», «истопках», как в Древней Руси называли отапливаемое помещение, преобладал архаический южнорусский тип планировки: печь, устьем обращенная ко входу, стояла в дальнем от него углу. Осью ориентации служила диагональ: красный угол — печь.

Печь, источник тепла и уюта, — это «языческий» центр жилища. В ней готовили не только обыденную, но и обрядовую пищу («печь в дому — то же, что алтарь в церкви: в ней печется хлеб»), использовали при лечении заболеваний благодаря поверьям об очистительных свойствах освоенного огня: одинокий добрый дух жилья — домовой ютился не только в подполье или на чердаке, но и под печью, и потому его ласково называли «запечным дедушкой». Угол с печью указывал на тьму, на заход, а противоположный ему красный, наиболее почетный, с полкой-божницей, где стояли иконы, — на полдень, на свет, восход. Так своеобразно русское двоеверие нашло воплощение и в структуре жилища.

Входной проем — источник дневного света — находился с южной или восточной стороны. Там же, в толще двух смежных бревен, прорубали и окна. Их называли «волоковыми», так как закрывали изнутри доской, «волочившейся» по специальным пазам. Во время холодов, чтобы в помещение проходил свет, доску отодвигали, а снаружи в оконный проем вставляли «оконницу» — деревянную раму с натянутым прозрачным материалом, например бычьим пузырем.

Если сруб для жилья устанавливали прямо «на пошве», то есть на земле, дверные проемы делали ниже человеческого роста, с высоким порогом для сохранения тепла в избе.

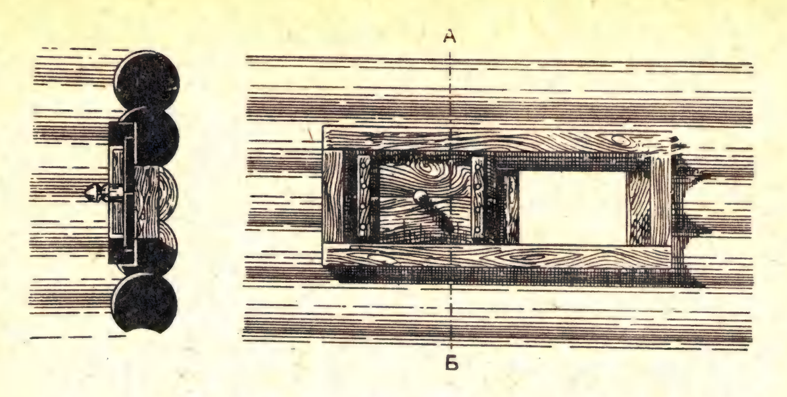
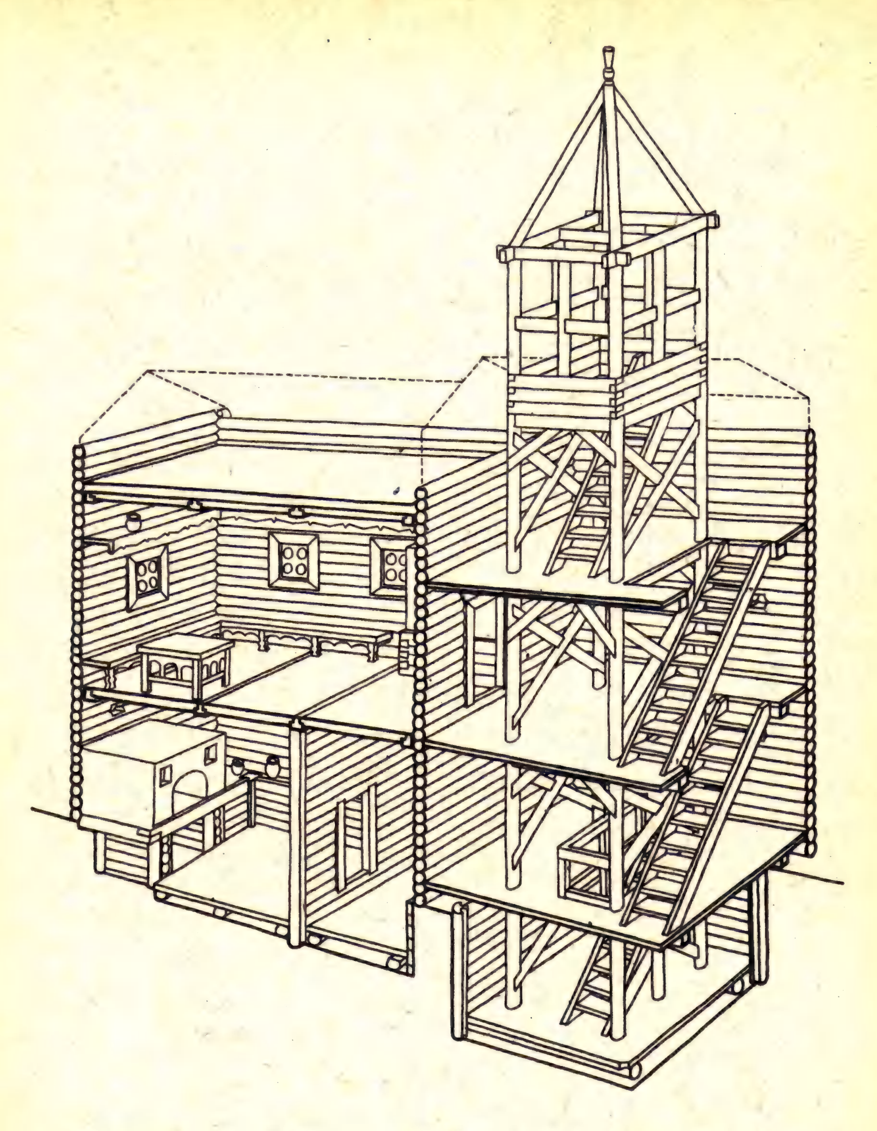

Схема устройства волокового окна

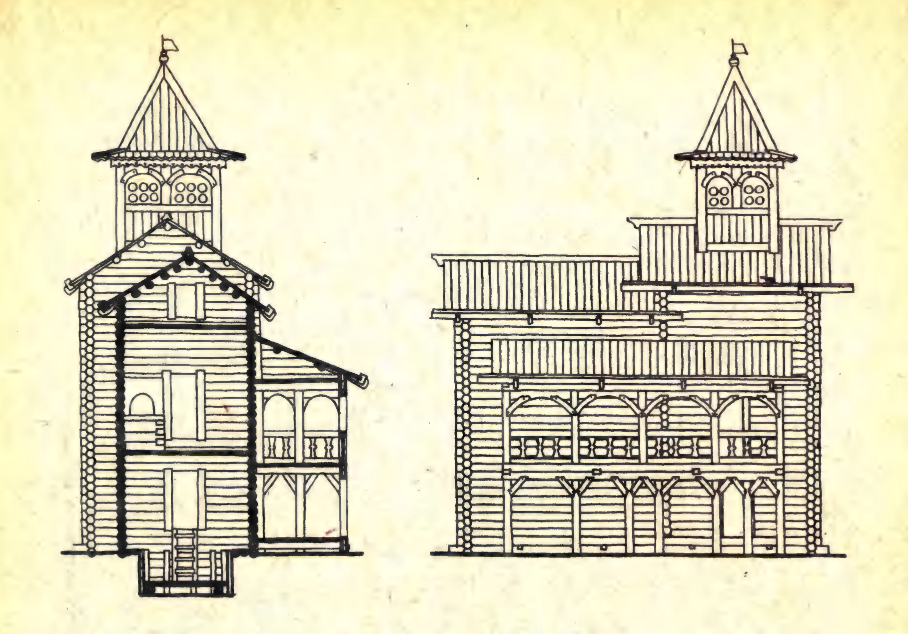
Естественно, археологически они не прослеживаются. В других случаях, чтобы сберечь тепло, пол жилища слегка углубляли.

Как показали раскопки в древнем Берестье (современный Брест), рядовая срубная изба имела от 12 до 14 венцов, при средней толщине венца 15 см, что дает высоту стен 1,8—2,1 м. Хоромы бояр, представителей княжеской администрации могли быть двухэтажными или стоять на подклете. Одно из таких зданий представляло собой в нижнем ярусе сруб — пятистенку, углубленный в землю на половину этажа. Он состоял из избы с печью и клети-кладовой. Простой геометрический расчет показал, что существовал второй этаж, куда поднимались по крыльцу, пристроенному над входом в нижние помещения. Второй этаж был трехкамерным с сенями и горницей, печь которой при пожаре рухнула в нижнюю клеть.

Рядом с этим домом исследовано особенно сложное и живописное сооружение, условно названное теремом, теремным строением. Нижняя часть здания состояла из трех помещений, из которых восточное, с печью, и промежуточное заглублены в материк на половину этажа, а западное, квадратное в плане, — на целый этаж. К терему примыкала галерея на столбах. Тщательный анализ конструктивных особенностей этого уникального здания позволяет воссоздать его в виде жилого дома с горницей на избе и объединенной с ним башни-вежи. Башня с внутренним каркасом и системой лестниц между ярусами была увенчана теремцом-смотрильней, служившей дозорной вышкой. О крупных «косящатых» окнах здания говорят находки

Реконструкция интерьера терема с башней-вежей. Здание воссоздано по расположению ям от несущих столбов, рассчитанных на высотную конструкцию, разному уровню полов в нижнем этаже, кирпичам от упавшей печи, находившейся в горнице. В помещениях терема показана меблировка — лавки, полки, столы: плотники называли это «нарядить нутро»

Реконструкция того же терема. Слева — поперечный разрез с восточной стороны, справа — вид с севера. Важным мотивом композиции терема была галерея. Арочные галереи неизменно повторяются в произведениях прикладного искусства, книжной миниатюре, палатном письме икон и фресок

стеклянных оконниц, которые вставляли в деревянные рамы с прорезными круглыми отверстиями. Былины сохранили известия о стеклянных окнах в домах зажиточных хозяев: мать Добрыни «глядела в околенку стекольчату».

Находки вокруг хором подтверждают богатство их владельцев: обломки поливной и стеклянной посуды, привезенной из Ирана, Сирии, Византии, серебряный перстень со знаком в виде кисти руки и, наконец, костяная печать в форме шахматной пешки. На ее круглом основании вырезано вглубь изображение св. Георгия-воина, может быть, небесного покровителя рязанского князя Юрия (Георгия) Ингваревича, павшего в битве с Батыем.

Особый интерес представляет так называемый двор воеводы с монументальным дворцового типа зданием, одновременно жилым и хорошо приспособленным для обороны. Оно раскопано на самом краю высокого окского берега и, примыкая к западной оборонительной стене,

На одном из вариантов реконструкции «дом воеводы» напоминает массивную оборонительную башню с тремя рядами боя, обламами, шатровой кровлей и башенкой-смотрильней — «теремом златоверхим». Конструктивно связанное со стеной и имевшее выход на «заборола градские», здание органично входило в общую систему фортификации. Внизу реконструкция житного двора

сильно возвышалось над ней. Постройка сгорела дотла, так что ее размеры и план определили только по границам пожарища — слою золы, угля, обгоревших бревен. Тем не менее удалось восстановить этот сложный архитектурный ансамбль. Нижний этаж большого дома состоял из двух изб с кирпичными основаниями печей (2x2 м), с узкими сенями между отапливаемыми помещениями. К тыльной части дома примыкала маленькая клеть-кладовая с углубленным в стенку очажком. Мы обнаружили в клети два десятка замков и ключей к ним, множество гвоздей, бересту для обертки железных вещей, чтобы они не ржавели.

С юга к зданию прирубили срубную, более низкую, постройку, конюшню или хлев для зимнего содержания скота.

Во дворе возле хором расчищены амбары-«житницы», где в ящиках-сусеках и больших красноглиняных сосудах-амфорах хранили зерновой хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Зерна ржи, овса, пшеницы обуглены. Здесь же обнаружены железные косы-горбуши для сенокошения, замок с ключом: как и другие помещения, амбары обязательно запирали. Небольшие срубы житниц имели дощатые полы, чтобы хлеб не отсырел и был защищен от мышей.

Здание дворцового типа, самое богатое из раскопанных в Старой Рязани, вплотную примыкало к заборолам — рубленому брустверу наверху крепостной стены — и, следовательно, имело надстройку в виде «златоверхого терема», «вежи», «стражища». Открывавшаяся отсюда ширь захватывала дух: селения над крутыми береговыми склонами, бескрайние заокские просторы и голубые лесные дали, замыкавшие горизонт. А необъятный небесный свод, к которому человек средневековья постоянно обращал взоры, жил собственной, богатой знамениями жизнью: в погожие летние дни его голубизна навевала умиротворение, а в ненастье, когда клубящиеся облака вступали в свой извечный бой, вселял смутное чувство тревоги.

Судя по характеру находок в сгоревшей усадьбе, ею владел княжий муж — старший дружинник, боярин. Стеклянная вставка от перстня-печати с углубленной фигурой святого Георгия-воина указывает на его принадлежность к военной администрации города, «лучшим» людям. Об этом же свидетельствуют находки оружия и предметов снаряжения всадника: бронзовая булава — не только оружие, но и эмблема военной власти, наконечник сулицы — метательного копья, железные наконечники стрел, в том числе

арбалетный, шпоры. Хозяин дома, «ратному делу искусный», мог быть в родстве с княжеской семьей: на днище глиняного сосуда оттиснут трезубец — фамильный «знак Рюриковичей». Витязь с мечом и щитом, вырезанный на круглой костяной пластине, представлен в княжеской шапке. О богатстве семьи, проживавшей в хоромах, говорят и обнаруженные при расчистке пепелища четыре клада драгоценных женских украшений, каплевидная золотая привеска и серьга с жемчужинами, эмалевая пластинка с изображением грифона. Во время торжественных трапез на стол ставили высоко ценимую стеклянную посуду, исполненную в мастерских Царьграда и Коринфа, Кипра и египетской Александрии.

Оборудование плотниками интерьера избы лавками, полатями, полками называлось «нарядить нутро». «Наряжай избу и клеть» — таков заказ древоделам в новгородской грамоте на бересте. Археология Новгорода позволяет нам представить, какова была внутренняя обстановка и рязанских изб, искусство декоративного убранства дома. Русский человек, потомственный древодел и резчик, украшал витиеватыми узорами спинки кресел и стоявших вдоль стен скамей, на которых сидели и спали, вытачивал фигурные балясины для мебели — низких столов, лавок, расписывал стенки коробей — берестяных поделок для хранения белья, одежды и другой домашней утвари. На полках-полавочниках красовались резные из липы, березы, клена чаши, ковши с ручками в виде драконов, шкатулки с бронзовыми накладками, орнаментированными плетенкой. В углу напротив печного устья — «бабьем куту» — женщины пряли: при раскопках в Новгороде найдены резные прялки и юрки — приспособления для снования нити в форме небольшого круглого стержня. Для освещения чаще всего служила лучина, пучки которой вставляли в кованые фигурные светцы, вбитые в стену. Но в богатом доме, о котором идет рассказ, могли употреблять и сальные, а то и восковые свечи: бронзовый литой подсвечник обнаружен на Северном городище. Огнива-кресала для высекания огня — обычная находка в рязанских жилищах.

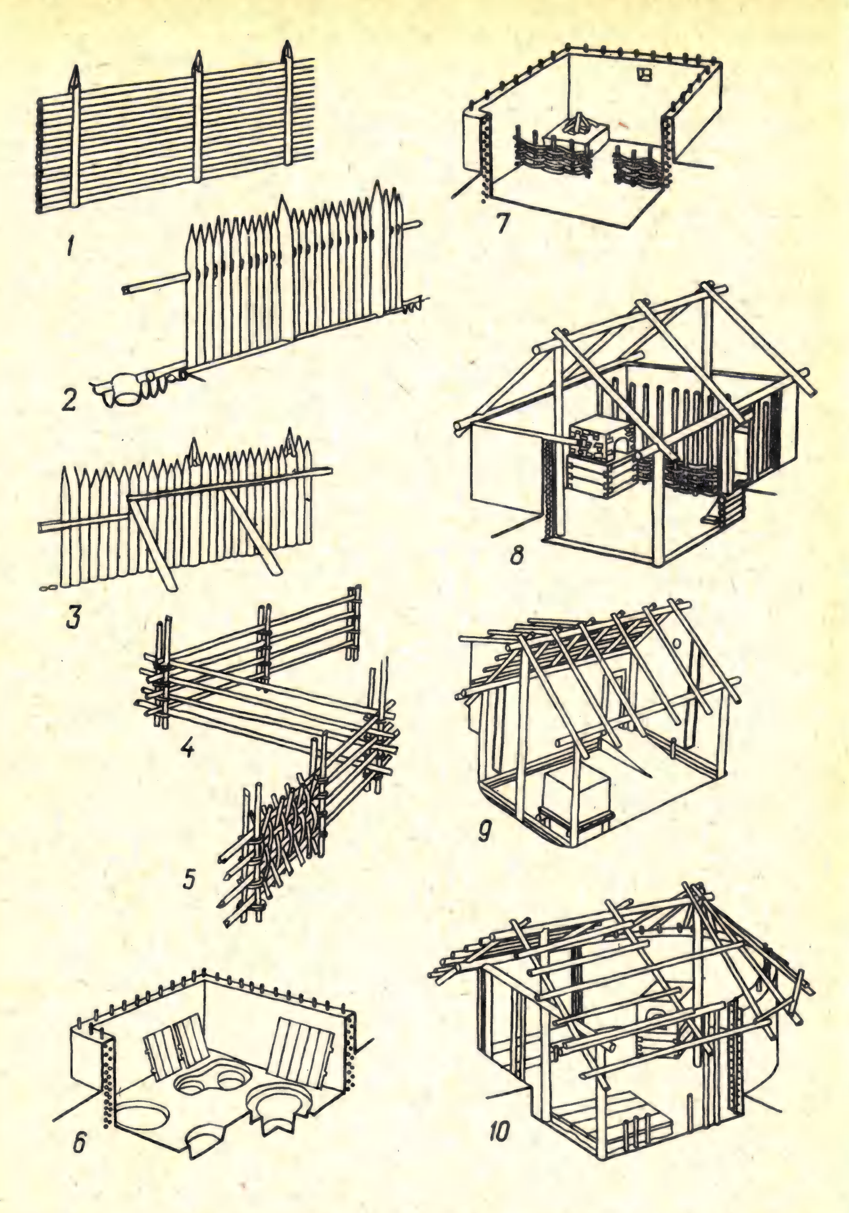
Как и другие исследованные экспедицией усадьбы, боярские хоромы окружала заплотная ограда из отдельных прясел: в пазы врытых в землю столбов вставляли концы заплотин — горизонтально положенных бревен или плах.

В одном из открытых нами наземных жилищ рядового горожанина удалось определить конструкцию крыши. Размеры сруба 4х4 м типичны для русской крестьянской

избы. Вообще размеры рязанских срубных построек довольно постоянны, так как модулем служила длина бревен, обычно от 4 до 5 м и реже 6—7 м в больших домах. При двухкамерной планировке длина дома достигала 8—12 м. В жилище, кроме остатков крыши, расчищен дощатый пол, настланный на лаги-переводины. Половицы лежали «по ходу», то есть от двери, чтобы входящий двигался вдоль, а не поперек настила. Это связывали с ритуальной идеей пути, дороги: «Полы во сне мыть — к перемене житья, местожительства». В русских деревнях покойников, которым предстояло путешествие в иной мир, всегда клали вдоль половиц. В свадебных песнях половица-мостовиночка означала изменение жизненного пути молодоженов.

Напротив глинобитной печи выявлены ножки от стола, стоявшего вдоль половиц, как до сих пор в северорусских деревнях. В восточнославянском жилище стол всегда расположен в красном углу. От печи вдоль всей стены дома тянулись полати для сна — помост на столбиках. Тесная изба служила всей семье для работы и отдыха, приготовления пищи и еды. В ней обнаружены обломки гончарной посуды, стеклянные бусины, костяная проколка, бронзовый перстень с орнаментированным щитком, просверленный кабаний клык-амулет, ножи. На сгоревшем полу удалось различить следы двух круглых лукошек, решета, большого деревянного гребня для чесания льна.

От бревен рухнувшей крыши сохранились лишь полосы, заполненные мелкими угольками. Крытые тесом кровли рязанских жилищ были двускатными и достаточно отвесными, чтобы не дать удержаться на них обильно выпадающим снегам. Для средневековых изб характерна самцовая конструкция: в самцы — бревна фронтона, замыкающие треугольником чело избы, врубали длинные продольные бревна-слеги. Они образовывали каркас крыши — решетину, на который настилали тесовый накат кровли. В последний венец с длинных сторон дома врубали курицы — крючья из комлевых частей стволов, служившие для поддержания водосточных желобов — потоков. Крюкам придавали форму птичьих голов. Гребень крыши венчала князевая слега — кнес, уподобляемая головному убору воина. По древнему названию крыши «охлоп» эту деталь называли еще охлупнем. Нередко для охлупня дерево выкапывали с корнем и комлевую часть обрабатывали в виде скульптурной головы коня. Вознесшийся над домом священный конь, связанный с почитанием благодатного солнца, даровал счастье и благополучие обитателям усадь-

Типы оград и постройки каркасной конструкции по материалам раскопок в Рязани. 1 — забор-оплот: бревна-заплотины забирались в пазы вертикальных столбов; 2 — частокол; 3 — частокол с подпорками-раскосами; 4 — ограда из парных столбиков с горизонтальными

бы, отпугивал от нее духов зла. Торцы слег со стороны фронтона прикрывали досками-причелинами, украшенными резьбой. В возведении кровли плотники обходились без единой металлической детали.

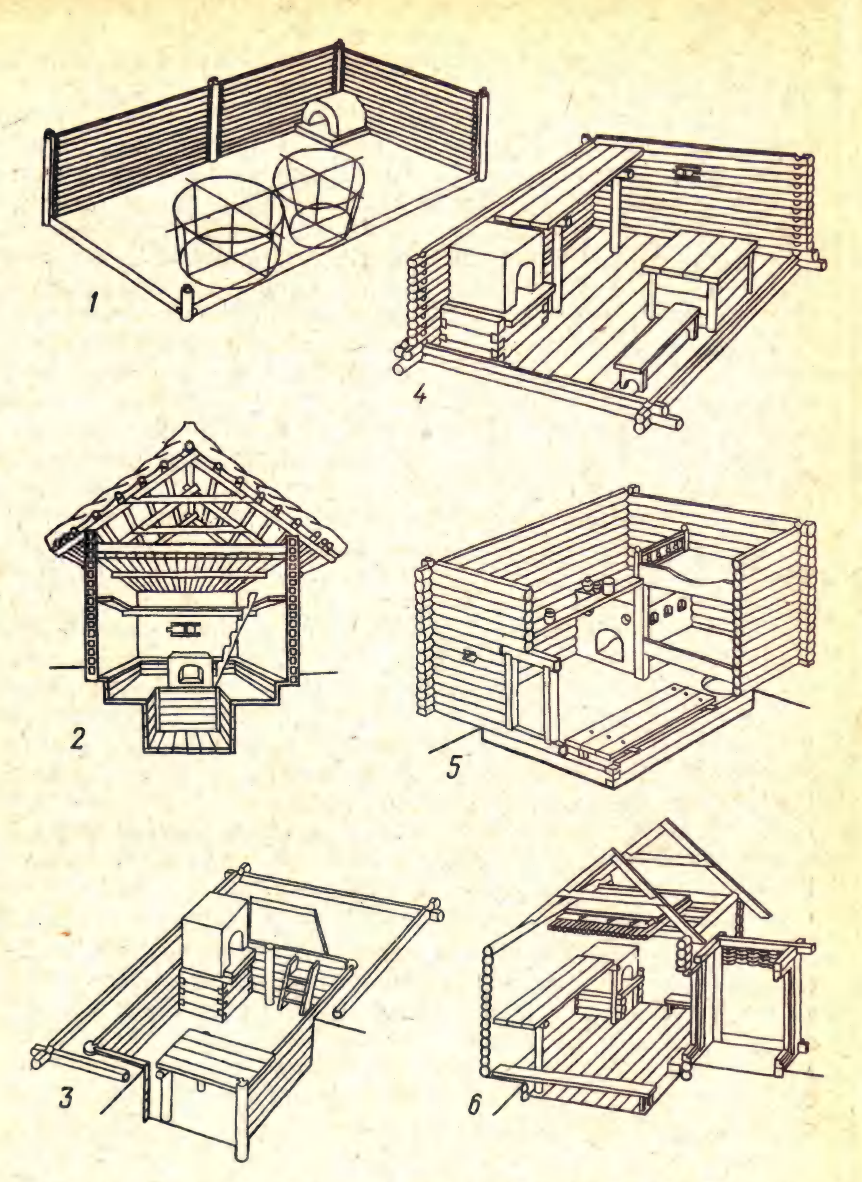
Все печи в жилищах были беструбными. Чтобы выпустить дым, открывали дверь и волоковые оконца. «Горечи дымные не претерпев, тепла не видати» — гласило древнее изречение. Курная изба считалась более теплой и долговечной, в ней сохранялся сухой воздух, при топке расходовали меньше дров. Выходящий в помещение дым дезинфицировал его.

Неопытные археологи иногда принимают за жилые землянки обширные подполья глубиной до 1,5—2 м, расположенные под всей площадью наземной избы, а иногда и под сенями. Но в подпольях (подвал, подызбица, подклет, погреб) — помещениях для хранения репы, капусты, бобов, хмеля, лука, чеснока, а также яблок и ягод вишни — не было печного отопления. В Новгороде открыт погреб XII в. — как показывает само слово, «погребенное» в землю сооружение, который сохранил 14 венцов и пол из гладко отесанных досок. Во дворах усадеб выкапывали и отдельно стоявшие погреба для хранения снеди, вина, «медов господьских», разных запасов. Поверх подземной части закрепленного срубом погреба ставили двускатную крышу на самцах, присыпанную для утепления землей. В заполнении подызбиц, куда вели лазы в полу, обычны кости животных и рыб, обломки толстостенной тарной керамики — амфор (на Руси их называли корчагами), косточки вишни. Здесь хранили овощи, мясные и молочные продукты.

В Рязани были распространены и обширные хлебные ямы для длительного хранения зерна и муки. Они обычно имели грушевидную форму, а их расширяющиеся книзу стенки обмазаны глиной и обожжены. После заполнения зерном яму закрывали плотно пригнанной дощатой крышкой

жердями; 5 — плетень; 6—7 — мазанки с плетневой основой стен; 8 — изба каркасной конструкции с плетневой выгородкой запечного пространства; 9 — изба с пандусом у дверного проема для удобства затаскивания громоздких грузов; 10 — мазанка с печью в полукруглом закруглении стены

4. Зак. 146

Типы наземных изб без подполий. 1 — двухкамерная постройка с хозяйственными ямами; 2 — изба с земляными лавками по периметру стен, стратиграфические наблюдения позволяют реконструировать потолки («подволок», «подволока»), которые старались утеплить; 3 — жилище с заглубленной центральной частью; 4—5 — избы с полатями.

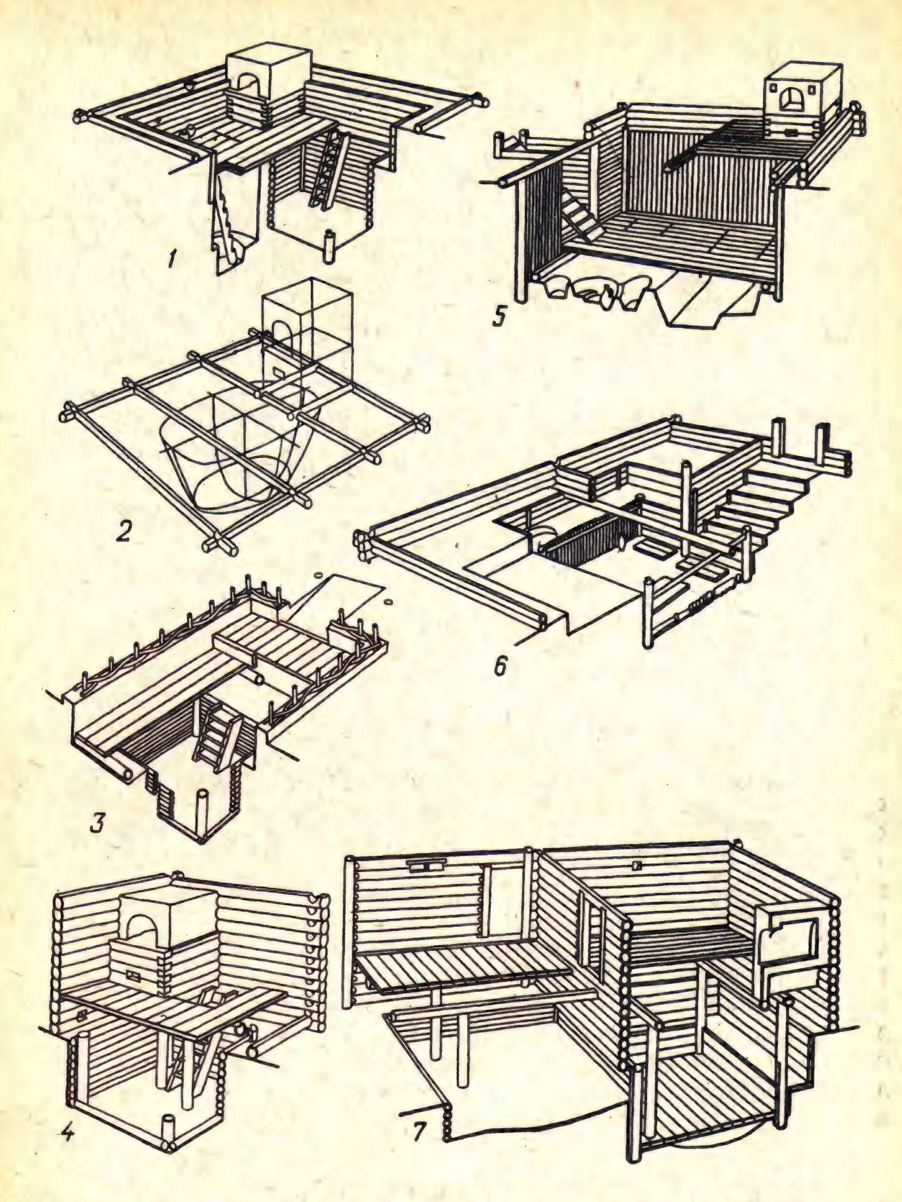
и сверху засыпали землей. Зерно в такой яме сохранялось десятки лет.

В былине о Дюке Степановиче герой говорит князю Владимиру: «Печи у тебя биты глиняны, а подики кирпичные». Среди разнообразных печей в Рязани открыты и прямоугольные глинобитные, на опечке каркасно-столбового или срубного устройства. Под нижний венец опечка подкладывали гидроизоляционный слой бересты для предохранения дерева от загнивания, а сверху перекрывали настилом из плах с часто подновляемой толстой глиняной обмазкой — подом печи. Попутно отметим, что берестой оборачивали нижние венцы срубов зданий. Края пода печи в одном из больших домов выложены древнерусским кирпичом-плинфой, в других боярских покоях основание большой печи целиком кирпичное. И по размерам, и по устройству — поскромнее печи в жилищах рядовых горожан. Они глинобитные, иногда с примесью мелкого известняка, установленные иногда на уровне пола, но чаще для удобства хозяйки — на возвышениях-опечках: глиняной подушке поверх пола, помосте из досок на столбиках. В подпечную яму выгребали золу, ее использовали и для хранения кухонного инвентаря. Если устье печи располагалось низко, то перед ним выкапывали предпечную яму, куда спускалась стряпуха. Своды печей в форме полуцилиндра или округлые диаметром от 1 до 1,5 м и высотой до 90 см изредка имеют следы каркаса из переплетенных прутьев. Расчищены печи, вырезанные подбоем в материковых стенках подполий или погребов. Интересны печи с круглыми отверстиями в верхней части для установки горшка. В стороне от строений раскопаны остатки летних печей: стряпали и на открытом воздухе.

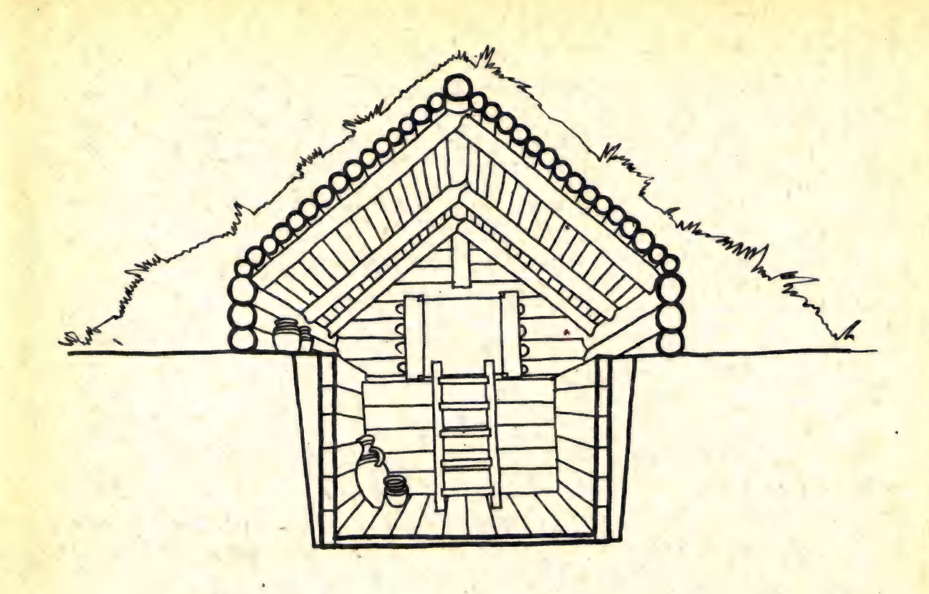
Как показали археологические исследования, лицо города определяли наземные срубные дома из одной избы или с примыкавшей к ней холодной комнатой-клетью. От наземных не слишком отличались жилища, заглубленные для сохранения в них тепла в суглинистую почву. Из-за заборов усадеб, со стороны улиц и площадей, виднелись высокие двускатные кровли.

и нарами под ними, по столбовым ямкам воссоздаются лавки вдоль стен и столы; жилища имеют глинобитные или дощатые полы; 6 — изба с тамбуром у входа. Рязанские «полуземлянки» представляют собой одноэтажную клеть, заглубленную в материк на глубину промерзания, то есть практически наземные постройки

4*

Для жилищ Рязани характерны обширные подполья-подызбицы. 1 — в подполья спускались по земляным, облицованным деревом ступеням или приставным лестницам; 2 — припечная яма; 3—4 — иногда подполья достигают 2 м глубиной, в них устраивали полки для хранения

Погреба в виде землянки с двускатной крышей-напогребницей до сих пор можно встретить в деревнях Рязанщины

Постоянное жилье со всеми чадами и домочадцами, связанными родственными узами, с нераздельным хозяйством и общим имуществом-«имением», на Руси называли «домом». Это родной кров, достаточно замкнутый в родовом обществе, в условиях жизни большого города уже не изолирован от мира соседей. За светом в своем окошке средневековый горожанин ощущал необъятный божий мир, раскинувшийся за пределами ближайшей округи. Но необычайно живуче и осознание дома как «своего мира», дарующего защиту и благоденствие. Отсюда магические обычаи при закладке дома: под углы нижнего венца клали деньги или хлеб (может быть, глиняные «хлебцы», найденные при раскопках), чтобы в семье не переводился доста-

имущества и продуктов; 5 — иногда ниже подполий выкапывали ледники, прикрытые откидными крышками; 6 — подпольные помещения облицовывали вертикальными жердями; 7 — двухкамерные дома также имели подполья

ток. При установке матицы потолочного перекрытия специально варили пиво и во время застолья гости высказывали пожелания благополучия: «Хозяину добро здоровье, а дому доле стоять. На месте сгнить и стоять» — то есть не сгореть от пожара, а стоять, пока не сгниет.

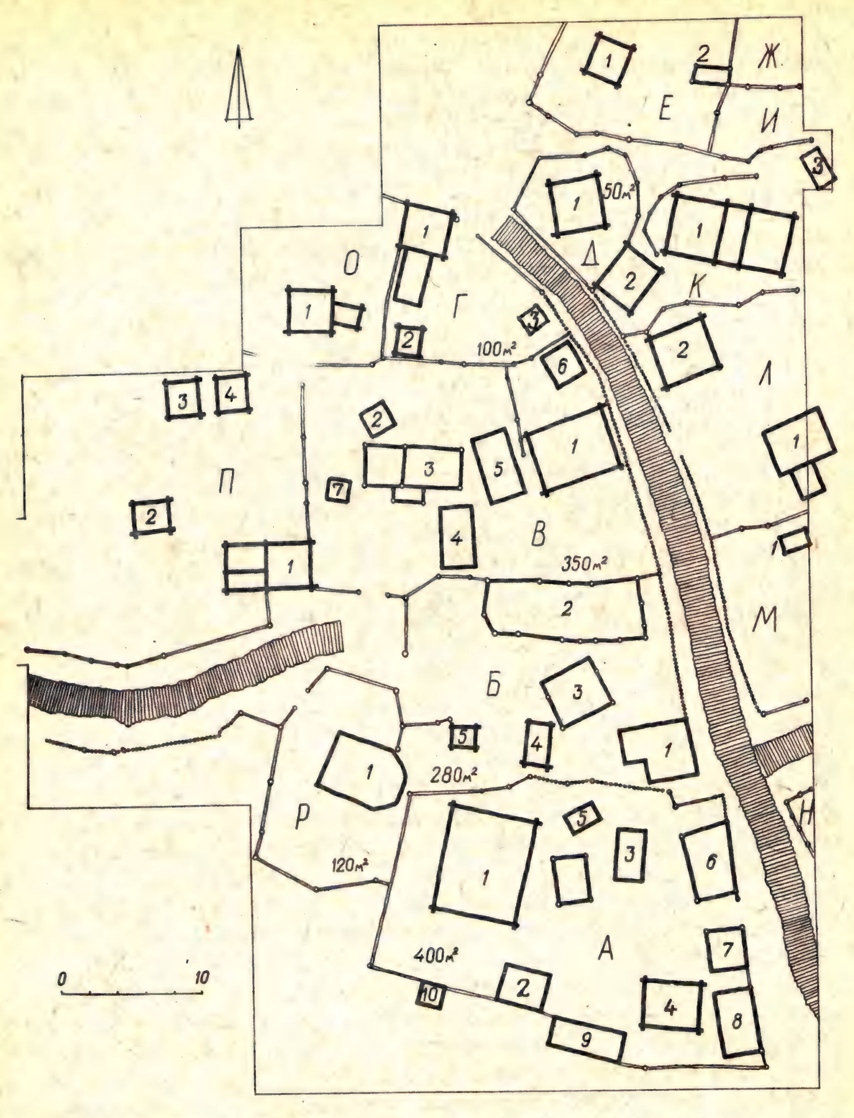
Повседневная жизнь рязанцев проходила под стук топора: плотницких дел мастер поистине вездесущ. Для русского человека строительство новой избы — торжественный, исполненный глубокого смысла обряд.

«БЕ БО МЕСТО ВЕЛМИ ПРЕКРАСНО»

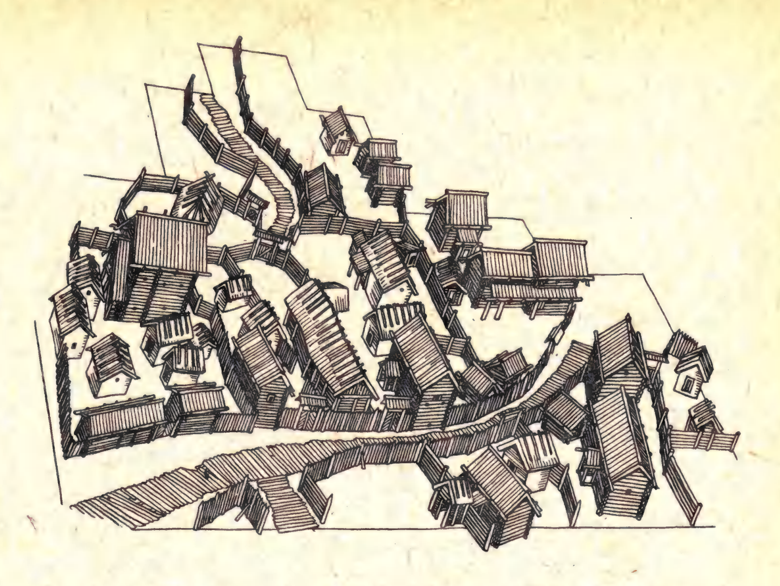
В легенде о граде Китеже записано: «Повеле благоверный князь Георгий Всеволодович строити на берегу того Светлояра град именем Болший Китеж, бе бо место велми прекрасно». Словно сказочный град гляделась в воды Оки и Рязань с ее рублеными стенами и вежами, над которыми возвышались позолоченные главы храмов и терема боярских палат. Со стороны реки панорама города развертывалась с захватывающим богатырским размахом. Обращенный к главной водной магистрали фасад города с его церквами-маяками рисовал в воображении плывших по Оке некую землю обетованную, где властвует ласковый князь с блестящим двором и куда стремятся все достойные люди, чтобы найти применение своим лучшим качествам — силе, отваге, преданности родине. Иначе выглядел город с противоположной стороны, напольной, — уже не как гостеприимно распахнутый во внешний мир, а как могучая крепость, недоступная для врагов. Приречный ансамбль и вид со стороны «дикого поля» при общей выразительности силуэта воздействовали на зрителя совершенно по-разному.

В средневековье основание города и любая другая форма устроения земли мыслились как узнавание «божественного промысла», тех вечных начал, которые роднят людей с окружающим миром. Древнерусские города — неповторимые архитектурные ансамбли, строительство которых вели в органическом единстве с пейзажем. Подчинение сложному рельефу, контраст вертикалей церквей и массовой городской застройки, отсутствие стандартных зданий вели к разнообразию силуэтов Рязани с разных точек, многоплановости и ярусности ее композиции, живописности и пластики архитектурных форм.

С высоты Соколиной горы над устьем Серебрянки от-

Как и в других древнерусских городах, в Рязани господствовала усадебная (дворовая) застройка. Реконструктивный план самого крупного раскопа № 13. Разделявшая дворы неширокая улица выходила к Оковским воротам. К улице примыкают заборы и хозяйственные постройки; жилые дома, как правило, располагались в глубине участка. Мастерские, связанные с огнем, старались ставить поодаль от дома. В Рязани прослежена стабильность частных усадеб: сгоревшие постройки восстанавливали на прежнем месте, хотя при этом иногда менялось их назначение

Реконструкция застройки на том же раскопе. Социальное расслоение не получило отражения в четком топографическом разделении дворов: усадьбы рязанской аристократии и простых ремесленников располагались поблизости друг от друга

крывалась панорама всего города с его крепостными сооружениями, церквами, усадьбами ремесленников, хоромами купцов и бояр. Нижний ярус ансамбля составляли ограды, ворота, дорожные кресты и часовни, строения служб; средний — жилые дома, в зажиточных владениях — с высокими теремами, горницами и домовыми храмами, и, наконец, верхний ярус — церкви, как важнейшие ориентиры, венчающие городской ландшафт.

Основой планировочной структуры Рязани являлась усадебная застройка. Археологическим признаком усадеб служат следы оград, окружавших комплекс жилых, хозяйственных и производственных помещений. В Древней Руси усадьбу, то есть участок земли с постройками, составлявшими замкнутое хозяйство, называли словом «двор». Город распадался на множество частных дворов, различных по размеру в зависимости от знатности и состоятельности владельцев. В летописях упомянуты как княжеские, боярские и епископские дворы, так и дворы непривилегированных горожан. Дворовое владение как место жительства отдельной семьи служило единицей обложения. «Муж»-двоРовладелец нес ответственность перед городской общиной и

Двор ремесленника-ювелира на раскопе № 17. В его пределах найден клад женских украшений из серебра. Обращает на себя внимание дом — образец развитой строительной культуры. Он состоит из построек разного назначения, связанных в единый хоромный комплекс. В рязанском домостроительстве впервые встречен крытый хозяйственный двор, окружающий клеть с трех сторон

центральной властью за исправную уплату даней, участие в строительстве укреплений, не мог остаться в стороне и от военных дел.

Обширные боярские дворовладения площадью от 1000 до 2000 кв. м, в отличие от Новгорода, в Рязани пока целиком не раскопаны. За высокими оградами этих усадеб, напоминавших маленькие цитадели, жили должностные лица, занимавшие важные посты в княжеской администрации, связанные с судом, сбором налогов. Господ окружали подневольные люди, челядь. Придворных при князе, входивших в дружину, называли «дворянами». Их награждали земельными пожалованиями, деньгами либо «кормлением» — натурой: продуктами и питьем, оружием и конями.

Нашей экспедицией полностью исследованы усадьбы свободных ремесленников — плавильщика железа и ювелира-бронзолитейщика. Они занимали площадь около 400 кв. м, как и дворы рядовых горожан древнего Новгорода. В глубине прямоугольного в плане участка возле за-

бора стояли жилые дома, а мастерские и хозяйственные помещения размещались по периметру ограды. Центральная часть усадьбы оставалась свободной от застройки. На улицу и в проулки выходили глухие стены хозяйственных служб, заборы и ворота. Такая планировка дворового строения с несвязанно расположенными постройками называется свободной.

Знать участвовала в военных походах и дипломатических миссиях, купечество разъезжало по торговым делам, в то время как преобладавший в Рязани относительно оседлый слой ремесленников и переселившихся в город крестьян ориентировался на свой дом и собственное дело. Поэтому, если жилище погибало в огне, новое строили на том же месте, и границы усадьбы оставались постоянными. Согласно древнерусскому градостроительному законодательству, лицу, обновлявшему ветхий двор, запрещалось изменять его первоначальный вид, расширять и надстраивать старый дом, чтобы не отнять света и лишить вида-«прозора» соседей. Категорически возбранялись прирезки к частным усадьбам земли, отведенной под улицы и площади.

Дворы отделялись друг от друга проходами в 3—4 м шириной. Удалось проследить следы вымосток в проулках: на толстый нивелировочный слой глины клали продольные бревна-лаги, поверх лаг — плоско затесанные плахи.

Как показали раскопки, в Рязани не существовало обособленных аристократических кварталов: боярские гнезда располагались бок о бок с усадьбами ремесленников. Да и сами «кузнецы железу, меди и серебру» были достаточно зажиточными людьми. Большой клад женских украшений из серебра найден поблизости от железоплавильных мастерских, два клада ювелирных изделий обнаружены на полу ничем не примечательного земляночного жилища.

Где-то в прибрежной части городища, вблизи одного из храмов, возвышался до сих пор не отысканный археологами княжеский дворец. Возможно, его остатки разрушены оврагами и оползнями. Обнаружение княжьего дворца, как центра политической и административной жизни, было бы редкой удачей. Здесь разбирались тяжбы между горожанами, вели на расправу преступников, перед выступлением в поход сюда сходилось городское ополчение, тут же хранилась княжеская казна.

Пожары — бич городской жизни. Для борьбы с огнем жители располагали только лестницами, крючьями да деревянными ведрами. В Рязани между крепостными стенами и

усадебными участками оставили 20-метровую незастроенную полосу, чтобы при возникновении пожара в городе пламя не перекинулось на укрепления.

Попробуем приблизительно подсчитать количество жителей в Рязани периода расцвета — к началу XIII в. Территория города вместе с подолом и предместьями достигла к этому времени около 100 га. Коэффициент плотности застройки составлял примерно 60 проц., так как следует исключить площади, улицы, «задворные строения» — все постройки вне усадеб. К ним относятся скотные дворы и конюшни, риги и овины, а также церковные владения, огражденные заборами. Много места занимали земельные угодья в черте города — фруктовые сады и огороды. Слишком большую укрепленную площадь Южного городища, рассчитанную на дальнейший рост Рязани, ко времени монгольского нашествия не успели полностью застроить.

Таким образом, если занятое усадьбами пространство составляло 60 га при средней площади усадьбы 400 кв. м с численностью семьи 5 человек, то можно считать, что в стольном граде проживало около 8 тыс. обитателей. По летописным известиям, в Рязани имелись тысяцкие (тысяча — войсковое подразделение), и, стало быть, число ратников превышало тысячу, а население в целом превосходило 5 тыс. По подсчетам историков, сельская округа могла прокормить население города от 5 до 10 тыс. человек.

По средневековым меркам Рязань — большой город. Достаточно сказать, что в XII в. Париж насчитывал около 25 тыс. жителей, а крупнейшие города Германии: Регенсбург — около 25 тыс., Кельн — около 20 тыс., Страсбург — около 15 тыс. жителей.

ВОЗДУХ ЛУГОВ И ПОЛЕЙ

В отличие от жителей современных городов, древние рязанцы дышали воздухом лесов, лугов и полей. Землю-матушку почитали главной кормилицей. В средневековом городе сохранялся полуаграрный уклад: за крепостными стенами простирались пахотные угодья, общие луга, леса и выпасы горожан. Мужчины пахали и сеяли, женщины убирали урожай, косили траву, мололи зерно и пекли хлеб. В дни посева и жатвы в Рязани приостанавливали крупные строительные работы, ремесленники и все добрые люди

оставляли ремесла и дома. С возвращением зимы все входило в обычную колею: снова наступало царство труда ремесленников, работали даже при тусклом свете лучин и масляных светильников.

Нивы и сеножати начинались у самых ворот города; по окружающим береговым возвышенностям свободно раскинулись сельские поселения, откуда в Рязань подвозили продовольствие. Средневековый город, не порывавший с агрокультурой, сохранял в облике деревенские черты. Сады и не отделявшиеся от них огороды придавали ему особую живописность. При раскопках найдены косточки вишен типа современной «владимировки» и семена яблок. «Посади же сад красен», — повествует летописец об одном из русских князей.

О сельских занятиях рязанцев свидетельствуют обнаруженные при раскопках мотыги, серпы, железные оковки от деревянных лопат, косы-горбуши, приспособленные для кошения на неровных местах, между пней и камней. Из-за короткой рукоятки горбуши косец быстро утомлялся. Нередки обломки ручных жерновов из камня, найдены и целые парные жернова. Судя по обугленным зернам из сгоревших амбаров и хозяйственных ям, главными культурами в Рязани были рожь (95 проц. общего количества зерен), ячмень, пшеница мягкая. Встречено большое количество овса — незаменимого корма для лошадей, что связано с важной ролью в войске кавалерийских дружин. Возделывали горох и просо. Проведенный в московском Институте археологии агробиологический анализ семян сорных растений свидетельствует о возделывании хлебов на старопахотных почвах. Семена круглеца метельчатого характерны для лесостепи и степи. Из прядильно-масляничных выращивали коноплю и лен, служившие сырьем для ткацкого дела.

Вплоть до XIX в. в быту русских городов сохранялись аграрные магические обряды с участием церковнослужителей для вызывания дождя и повышения плодородия земли. После молебна устраивали крестные ходы «на рожь».

Вместе с хлебопашеством скотоводство — важнейшее подсобное занятие рязанцев. Для людей того времени «животина» была буквально «животом», то есть жизнью человека и его семьи, обеспечивая благополучие. Считая себя неотъемлемой частью природы, человек средневековья не противопоставлял жизнь домашних животных своей — высшей, одухотворенной. Близость к «братьям меньшим» смягчала холод одиночества перед лицом необъятного и

грозного мира. О добром коне и умной собаке судили так: «Все понимает, только не говорит». Лошадь и пахала, и возила, и служила воспитанию в человеке нравственного чувства: ее любили и холили все, начиная с малолетних мальчиков.

При раскопках в Рязани найдены десятки тысяч расколотых костей домашних животных: коровьих, свиных, лошади и мелкого рогатого скота — коз и овец. Коз разводили не столько для получения мяса и молока, сколько для выделки сафьяна — мягкой кожи, которую красили в яркий цвет. Из шерсти овец вырабатывали пряжу и ткани. Их стригли специальными пружинными ножницами, найденными при раскопках. Кроме того, рязанцы держали кур, гусей, уток. В небольшом числе обнаружены и кости довольно мелких собак и кошек.

В домонгольской Руси еще не произошло глубокого размежевания городского и сельского быта. Где бы ни жил человек средневековья, ранним утром его будила песня петуха, а с голубого поднебесья неслись звонкие трели незримого жаворонка.

НА УЛИЦАХ СТОЛЬНОГО ГРАДА

Попробуем перенестись в начало XIII в. и увидеть Рязань, привольно раскинувшуюся на берегу «русской реки» Оки, глазами человека той далекой эпохи. Вот он сходит с ладьи на пристань и направляется в город через северные ворота к крепостной стене. За ними подъем и начало главной улицы-дороги, посыпанной кирпичной щебенкой и ведущей к воротам внутреннего укрепления. Некогда оно защищало со стороны «поля половецкого» древнейшую часть города. В этой старой части Рязани, заселенной ремесленным людом, застройка особенно густая. Жилые дома усадеб не стоят строго в ряд: они то отступают в глубину участка, то выходят на красную линию улицы, создавая живописные кулисы и исключая монотонность застройки.

От южных ворот «старого города» перед путником открывается величественная панорама. Прямо видна длинная улица к Пронским воротам, влево от нее отходит улица к Исадским. Уже за стенами Рязани они переходят в грунтовые дороги. От основных магистралей ответвляются узенькие переулки, изгибающиеся между дворами-усадьбами. Но даже главные улицы неширокие: на них с трудом

Каменные храмы, возвышавшиеся над рядовой застройкой, воплощали величие и богатство Рязани. На первом плане княжеский Спасский собор, за ним — Борисоглебский рязанской епархии. Слева за ним южная воротная башня

разъезжаются две повозки. Улицы густо запружены пешими и конными, спешащими по своим делам. Третья важная магистраль в прибрежной части города направлена к Южным воротам с двумя видимыми в перспективе высокими башнями и монументальными храмами по сторонам. По ней и решает идти странник, чтобы попасть на соборную площадь, где должен поклониться местночтимым святыням.

И сразу останавливается, изумленный: справа, перед внутренним валом, над густой и на первый взгляд хаотичной застройкой вздымается, будто устремленный в небо, собор во имя Спаса — слава и гордость рязанцев. Он прекрасно просматривается в промежутки-«прозоры» между домами и усадьбами, заметен с далеких и близких расстояний.

Вблизи берега заселенность куда гуще, чем на других участках города: сказывается великая притягательность реки — укрепления на береговых кручах менее уязвимы для врага. Но при всей уплотненности усадьбы и отдельные здания не сливаются. Разорванная, «прозрачная» застройка позволяет путешественнику просматривать город

насквозь, сосредоточивая внимание на самых эффектных памятниках и архитектурных узлах возле храмов, площадей («стогны града») и оборонительных сооружений у ворот. Общественные здания и боярские хоромы расположены вблизи укреплений: горизонтали деревянных стен с четким ритмом срубов-городен служат выигрышным фоном для рубленных искусными древоделами палат князя и его приближенных, с резными горницами, узорными башенками и затейливыми кровлями.

Рязанские горододельцы тщательно продумывали расположение дворов, учитывали связь построек с рельефом и природным окружением, определяли направление главных улиц, расстановку высотных доминант. Интенсивная дворовая застройка была тесно связана с дорожной сетью, группируясь по сторонам проездов — улиц, переулков, тупичков. Именно по улицам проходило в первую очередь межевание участков для усадеб. В промежутках между кварталами сохранялись обширные незастроенные лакуны. Пространство площадей свободно проникало в разреженную застройку кварталов. Несмотря на отказ от строгой регулярности, отдельные усадьбы и основные архитектурные композиции города были гармонично увязаны в целостном ансамбле. Анализ градостроительных принципов древних зодчих-«здателей» — привилегия ученых нашей эпохи. Паломник к святым местам, а может быть, и купец, живший в XIII столетии, воспринимал красоту стольного града чисто интуитивно.

Вот он выходит на главную площадь, фланкированную двумя великолепными храмами. Один возведен в честь великомучеников, благоверных князей Бориса и Глеба — покровителей рязанских князей и их воинства, второй посвящен Успению Богоматери, день кончины которой отмечали 15(28) августа. От средневековых площадей западноевропейских городов со сплошными фасадами домов по периметру рязанскую площадь отличает открытость вовне, неопределенность очертаний, хотя пульс города бьется здесь не менее интенсивно. Из церквей доносится «доброчинное» пение, тут же на паперти слепой гусляр привлекает прохожих «гудением струнным» и мирскими «словесами» о подвигах стародавних героев. В будничной сутолоке перекликаются самые разнообразные голоса. Наш странник не раз бывал здесь и многое помнит: как князья в решительные минуты обращались к подданным за поддержкой, отправляли правосудие и вершили казнь, как мирские сходы-вече со страстью решали воп-

Южная часть Столичного города в первой трети XIII в. Соборная площадь с Борисоглебским и Успенским храмами, Борисоглебские и Южные ворота городской стены. Ниже — часть подола и южного предградья. Приглашенные князем градодельцы, вероятно, выходцы из Южной Руси, использовали метод предварительного проектирования, создав несколько архитектурных узлов в планировочной структуре города

росы войны и мира, утверждали денежные сборы, обсуждали новые законы, смещали неугодных администраторов и даже самих князей. Вспоминается ему и тревожный гул висящего на площади «сполошного» колокола — сигнала о приближении неприятеля, когда вооруженные горожане спешили занять места на заборолах стен. Вот и сейчас вокруг звучат крики торговцев, из церкви выходит свадебная процессия, возвещаемая громогласными криками, музыкой и смехом. Поодаль выступает труппа бродячих скоморохов под дробь барабанов, резкие звуки смычковых инструментов и свист духовых. Оглушенный этой какофонией странник минует площадь и через западный портал вступает в притвор Борисоглебского собора — «дома господня», чтобы еще раз восхититься благолепием божьего жилища, этой хоромины чудной, помолиться о спасении души под расписными сводами-«комарами», возжечь свечку перед святой иконой. Но пора возвращаться к при-

стани — близится назначенный час отъезда. Выйдя из собора, где со стен взирают суровые лики мучеников и чудотворцев, полюбовавшись напоследок затейливой белокаменной резьбой портала и окон, путник минует несколько боярских дворов за высокими оградами, проходит через Южные ворота и, перейдя подъемный мост через ров, спускается к Оке. Дальше путь лежит по улице подола — назад, к устью Серебрянки. Застройка, ограниченная справа кручами укрепленного города, стелется вдоль низкого берега. Усадьбы расположены вдоль дороги, идущей параллельно реке, — такую планировку впоследствии назовут «линейной». Некоторые дворы раскиданы по отдельным буграм среди вымоин и оврагов. На подоле, в низменной части Рязани, живут торговцы, рыбаки и ремесленники, для которых важен удобный доступ к воде, — гончары, кожевники. На заметных всхолмлениях надпойменных террас возвышаются рубленые церквушки с кладбищами при них.

Вот, наконец, и причал. Поднялся свежий северный ветер, и на ладье уже ставят парус, готовясь к отплытию. Впереди нашего скитальца ждут неведомые земли, но в его памяти навсегда останется славный город на Оке, привольно раскинувшийся среди лугов и полей, город-витязь, что стоит на страже рубежей Русской земли.

Нарисованная картина облика древней Рязани, полностью исчезнувшей с лица земли, — не плод беспочвенных фантазий, а результат крупномасштабных археологических работ на памятнике, фактически не занятом современной застройкой. Определены время основания города, динамика его развития, сказавшаяся в планировочной структуре. Топография Рязани свидетельствует об отсутствии резких сословных противоречий, например, между боярством и средними слоями населения. В городе не было внутренней крепости-детинца, подобного феодальному замку, резиденции князя со слугами и дружиной. В Рязани существовало несколько равноправных центров общественной жизни; храмы, дворы «боляр» и усадьбы ремесленников строили поблизости друг от друга.

Раскопки Рязани показали, что к середине XII в. в русском обществе, преимущественно аграрном в течение столетий, произошли глубокие перемены. С этого времени прогресс на Руси определяется расцветом городской жизни. И богатство, и власть, и творения духовной культуры — все концентрируется в городах.

ГЛАВА 3
"КАК МЕРА И КРАСОТА СКАЖУТ"

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

Н. В. Гоголь

988 г. в Киевской Руси произошло событие, которому суждено было сыграть решающую роль в становлении государственности и культурном наследии русского народа. Владимир Святославич, великий князь киевский, сокрушив изваяния языческих богов, объявил христианство официальной государственной религией. Отныне города выступают не только как политико-административные, но и религиозные центры. Князья уже не клянутся «ружьем своим, а Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом» — их место заняли новые святые. Уходят в прошлое обычаи кровной мести и пережитки ритуальных человеческих жертвоприношений. Русь входит в европейскую семью христианских народов, укрепляются ее связи с Византией, «благоверной землей Греческой», одной из самых цивилизованных стран средневековья. По словам академика Д. С. Лихачева, «из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры».

Наступило время понять и оценить великие заслуги прошлого, пересмотреть наше прежнее нигилистическое отношение ко многим сторонам родной истории, в том числе к истории русской церкви, принесшей просвещение, книжную культуру, летописание, тем самым помогая нашей Родине занять достойное место во всемирном истори-

ческом процессе. Уже в XI в. в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» киевский митрополит Иларион восхвалял Русскую землю, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». Христианство как мировоззренческое явление, сопровождаемое пышными обрядами, дало возможность русским князьям объявить свою власть священной, объединить подданных общим, единственно приемлемым вероисповеданием, поднять в их глазах собственный авторитет с помощью новых атрибутов власти и государственных церемоний. Нельзя предать забвению огромную работу русской церкви по собиранию страны в единое государство. В период раздробленности Руси и во время монгольского ига церковь выступала за объединение народа, вдохновляла его на борьбу с иноземными захватчиками, сурово осуждала братоубийственные княжеские крамолы, пыталась мирить враждебных князей и сплотить христианский мир в противовес миру языческому и мусульманскому. Бичевание междоусобиц способствовало росту популярности церкви и в княжеской среде и в простонародной: в отличие от мирской власти она провозглашала принцип «общего блага». «Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете, — пока не обличил вас бог на Страшном своем суде!.. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию» («Слово о князьях», XII в.).

В средневековье научные концепции, направления философской мысли и нравственные ценности неизбежно выражались на языке христианства. По словам Энгельса, «сильная вера средневековья» «придавала, несомненно, всей этой эпохе значительную энергию», служившую источником вдохновения великих мастеров, порождая самые высокие образцы искусства, будь то готическое Западной Европы или же древнерусское. Вместе с распространением христианства на Руси создается классически ясная по стилю, тонкая по духовности и внутреннему благородству культура, до сих пор восхищающая своим совершенством. Без пристального и глубокого изучения религии понимание культурной жизни Древней Руси, ее литературы и музыки, архитектуры и живописи попросту невозможно. Любуясь шедеврами древнерусского зодчества, мозаиками, фресками и иконами, нельзя забывать, что лучшие художественные памятники XI—XIII вв. связаны с деятельностью церкви, что не противоречило их общенародному значению. В свое время они внушали благоговейную любовь или страх

или трепетную надежду, а чаще и то, и другое, и третье вместе.

Человек средневековья, живший в мире насилия и боязни, сам создавал для себя источники упования и помощи, когда помощи ждать было неоткуда, и источники утешения, когда неоткуда было ждать утешения. Верующего не покидала надежда на милость божью, на личное душевное спасение после кончины, когда он вкусит блаженство загробной жизни праведников в райских кущах. По мере сил поддерживали стойкость народа и древнерусские проповедники: «Избави град сей... от всякого зла, от огня и наводнения, и от внезапной смерти, и от голода, и от междоусобной войны» (Кирилл Туровский).

Христианство стало величайшим переломом в нравственном сознании восточных славян. Культивируя представление об абсолютной ценности человеческой личности, оно утверждало общий для всех этический кодекс, основанный на чувстве вины и голосе совести, провозглашало преимущество духовных ценностей над материальными. Проповедуя идеи милосердия, сострадания, терпимости, призывая творить добро и бороться с греховными искушениями («чистые сердцем бога узрят»), христианство внедряло новые гуманные начала, общечеловеческую, единую для всех мораль. Боязнь божьего суда удерживала человека средневековья от многих крайностей, иногда на самом краю пропасти.

«И НЕ ЗНАЛИ — НА НЕБЕ ИЛИ НА ЗЕМЛЕ МЫ»

Вся глубина и сила духовных и эстетических устремлений той эпохи нашла воплощение в церковном зодчестве. В каменных храмах — гордости горожан — запечатлена их любовь к родному городу, их вера и понимание прекрасного. Как «вознесение», подъем к небу, как застывшие в камне песнопения, стояли «предивные» церкви — произведения народного гения. Летописцы повествуют нам о «чудных вельми» церквах, поражавших современников «величеством и высотою, и светлостию, и звоностью, и пространством». Летописи подчеркивают «высокое стояние», «величество» храмов, созвучное красоте природы. Они вознеслись на крутых берегах и холмах, видны со всех концов города и далеко за его пределами.

Собор — как бы средоточие города, символ суверенитета городской общины. Разрушить его в междоусобной войне — означало лишить врага божьего покровительства. Где святыня, там и город: и киевляне готовы были умереть за свою святую Софию, новгородцы — за свою Софию, владимирцы — принять смерть за святую Богородицу. Вложить свою долю труда в богоугодное дело строительства храма почитал за честь всякий горожанин. Храм воплощал «соборность» — духовное братство, единство городского сообщества: сюда приходят все, следуя общему ритуалу. Вместе с тем это дом индивидуальной молитвы, где каждый обращался к Всевышнему с собственными просьбами, дом размышлений над собой и своим местом в мире. Каменные церкви служили одновременно библиотеками, надежными складочными местами для хранения товаров и казны.

В летописном рассказе о выборе веры мужи Владимира Святославича, вернувшись из Царьграда в «Греческой земле», где побывали на службе в Софийском соборе, поведали князю: «И ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах». Рассказ послов якобы окончательно предопределил введение христианства на Руси. В самом деле, великолепие ритуала, «лепота» внешнего и внутреннего «устроения» храма, этого «дома божьего, «глубинной книги» эпохи, украшенного «всякими красотами»: сверкающими мозаиками-«мусией», «хитростью иконной», фресковыми стенописями, пышной резьбой по камню, убранного «всякими узорочьи» — «сосудами златыми и многоценными» и дорогими тканями, — все это, вместе взятое, создавало впечатление чудом созданного «неба на земле». Церковь предстает как некая «высшая» реальность на границе мира земного и мира божественного, место встречи с высшими сверхъестественными силами. Храм становится «образом неба на земле», миниатюрным повторением вселенной.

«Доброчинное» хоровое пение, приобщавшее к некоему идеальному миру, как и все моменты церковного богослужения, оказывало на средневекового человека огромное эмоциональное воздействие. В росписях и «добро подписанных» иконах перед ним проходила вся священная история, которая охватывала прошлое, настоящее и будущее. Для неграмотной «простой чади» «церковь украшена» слу-

жила просвещавшей и поучавшей книгой, полной образов, «красоту приносящих, духовную пользу деющих и божественная нам смотрения являющих». Во фресковой живописи события и герои Писания выдвинуты на первый план как «видимые свидетели мира невидимого». Они словно оживали под мощными столпами льющегося из-под купола света — символа божественной энергии. Вот почему для человека Древней Руси красота прямо зависела от приобщенности к свету. Отсюда его любовь к драгоценным камням и металлам, блестящей утвари и золототканым одеяниям, символическим носителям сияния и света. «Мирообъемлющий храм», цельный художественный ансамбль, переводил всякого, переступавшего его порог, от созерцания зримой красоты к «мысленно прекрасному», приобщению к высшим духовным ценностям.

Я останавливаюсь на философских и эстетических особенностях уже во многом загадочного для нас древнерусского искусства, потому что без этого невозможно понять духовную жизнь и культуру наших далеких предков и не только духовенства, «ученого сословия средневековья», но и широких слоев народа. А ведь это одна из главных задач современных ученых, которые вплоть до недавнего времени односторонне, а часто и превратно истолковывали роль религии в общественной и культурной жизни Древней Руси, тем самым превращаясь в «гримеров истории».

Давно пора понять, что человек средневековья чувствовал и мыслил по-иному, чем наши современники: в храме он как бы встречал самого Христа и слушал его учеников, в таинстве причащения вкушал его «тело и кровь», лил слезы покаяния, возносил богу, искупившему людские грехи, множество молитв благодарения, радости и скорби. Именно в небесном заступничестве искали в те многотрудные времена опору и поддержку.

На Руси, в том числе и в Рязани, получили распространение так называемые крестово-купольные церкви. Своды здания располагались крестом по взаимно перпендикулярным осям. Столбы делили внутреннее пространство храма на продольные части-нефы. Средний неф завершался апсидой — алтарным выступом. Купол опирался на четыре опорных столба, от которых крестообразно отходили прямоугольные помещения. Крест, вписанный в квадрат плана, имел символическое значение. Купол символизировал небо — «престол божий», четыре столба — столпы церкви, то есть евангелистов, пространство пола — землю, а сте-

ны — связи небесного и земного миров. Восточная апсида означала рай, западная стена — ад. Важнейшей зоной храма, «святая святых», служил алтарь, «трон господа бога», символ царствия небесного, куда вход мирянам был запрещен. На престоле, в центре алтаря, лежало евангелие и принадлежности для принесения «бескровной жертвы» во время причащения. В средней зоне — самом храме, предназначенной для прихожан, проходило богослужение. В притворах здания располагались временно отлученные, те, кто готовился к крещению, и инаковерующие. Пространственный ритм крестово-купольного храма создавал движение вверх — к куполу, что символизировало идею «лествицы», то есть библейской лестницы, соединяющей небо и землю. Даже скромный по размерам храм заключал в себе огромный мир, указывал путь к «царству небесному».

Уподобляя строение храма мирозданию, его связывали и с образом человека как творения бога. На Руси церковный верх называли «глава», «чело», его покрытие — «шелом», барабан главы — это «шея», паруса под барабаном — «пазухи», своды перекрытия — «плечи», горизонтальные декоративные фризы на фасадах — «пояс».

НАРОДНЫЕ БОГИ

Только со второй половины XII в. можно говорить о глубоком воздействии христианства на формирование культуры и общественной психологии обитателей Рязанской земли. Но это преимущественно «городская вера»: только в городах, в том числе и в Рязани, воздвигаются каменные храмы; на Старорязанском городище найдено множество каменных и металлических крестиков, образков-подвесок, а также энколпионы — кресты-складни для хранения мощей почитаемого святого.

Христианизация Муромской и Рязанской земель с конца XI в. поначалу встретила упорное сопротивление, чем и объясняется нелестная характеристика киевским монахом-летописцем «звериных обычаев» вятичей, якобы живших, как звери в лесу, и евших все нечистое: «И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними... И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в неболь-

шой сосуд и ставили на столбах при дорогах». Судя по убийству киевского миссионера Кукши и изгнанию из Мурома епископа Василия, в приокских землях, как в Верхнем Поволжье и в Новгороде, прокатились языческие восстания. Их могли возглавлять волхвы-колдуны, которые претендовали на обладание сверхъестественными силами и даром пророчества. Через полтора столетия после официального обращения Руси христианские нормы поведения еще нередко вызывали непонимание и страх в крестьянских общинах: их традиционный образ жизни оказался под угрозой гибели.

Но вспышки враждебности к новому религиозному устройству были единичны и непродолжительны. Даже на окраинах Руси для всех слоев населения новая культура обладала большой притягательной силой. Искренне впитывая евангельское учение с его проповедью духовного возрождения, люди поддавались великолепию церковной службы. И если рассматривать картину прошлого объемно, в ее внутренней логике, мы легко заметим, что в массовом народном сознании христианство не столько вытеснило, сколько вобрало в себя мощный слой фольклорных языческих верований, магические навыки, связанные с насущными потребностями человека Древней Руси. Этот рядовой человек был слишком далек от богословских тонкостей, от сложных православных догматов, доступных лишь образованному клиру. Отринув «высшую» мифологию — основных богов языческого пантеона, он стал относиться к христианским святым, как к своим «домашним» «полуязыческим» божествам-хранителям. В мире бытового христианства возникают чудесные видения рая, близкие мечтам о земле обетованной.

Наибольшей популярностью на Руси пользовались святые, которые «служили» людям, помогали верующим в их повседневных делах. Если, по мнению богословов, «иконы бесценные» призваны выявлять высшие духовные сущности, то в народе к ним относились с житейско-практической точки зрения. Известны случаи, когда в надежде на исцеление больного ребенка его поливали водой с икон — чисто магический обряд. Дохристианские черты сохраняла Богородица-заступница, заменившая языческие женские божества — мать-землю, рожениц. Многое заимствовала икона и от русского сказочного фольклора.

ТРИ ХОЛМА

До 1836 г., когда Дмитрий Тихомиров, известный уроженец Спасска, местный любитель старины из купеческого семейства, решил приступить к раскопкам: над плоским плато Старорязанского городища возвышались три холма, хранившие под собой остатки каких-то полностью разрушенных монументальных зданий. Крестьяне, добывавшие из холмов камень и кирпич для своих построек, называли эти места «каменищами».

Тихомиров выбрал для раскопок холм в юго-западной части городища, принадлежавшей церковнослужителям, где стояла ветхая деревянная Борисоглебская церковь. «Цель нашего исследования, — писал он, — была единственно та, чтобы по снятии насыпи, глубже в материке, открыть место погребения великих князей и архипастырей рязанских». И действительно, открытый археологом-любителем памятник оказался родовой усыпальницей рязанских князей и высшей аристократии. Церковь представляла собой шестистолпный трехапсидный собор. Внутреннему членению здания снаружи соответствовали пилястры — вертикальные столпообразные выступы в стене с мощными полуколоннами. В юго-западном углу храма была выделена небольшая часовня с полукруглой апсидой для размещения алтаря. Она служила для крещения взрослых людей, что говорит о длительном существовании язычества в Рязанской земле, и одновременно — местом захоронений. В центральной апсиде церкви сохранились остатки престола и горнего места за ним, где на возвышении стояла кафедра епископа. Собор был расписан: как отметил Тихомиров, «на одной из арок сохранились остатки образа какого-то святого угодника». Находки резных камней с растительным орнаментом свидетельствовали об изысканном внешнем декоре здания. Куски олова, «от огня слившегося в разные неправильные формы», относились к покрытию церкви оловянными листами по закомарам — полукруглым завершениям фасадов, которые соответствовали членениям интерьера.

Особенно интересны раскопанные Тихомировым погребения внутри церкви как под полом, так и в саркофагах. В их расположении наблюдаем определенную закономерность. У северной и западной стен обнаружены подпольные захоронения в истлевших деревянных гробах, перекрытые залитыми известью каменными плитами. В одном случае поверх плиты выложили кирпичный склеп. Погре-

бения в саркофагах, высеченных из цельных каменных блоков, можно считать княжескими. Одно из них вскрыто в северо-западном углу храма, два других — в крещальне-усыпальнице, предназначенной для членов княжеской семьи. А когда В. А. Городцов и А. Л. Монгайт раскопали не замеченные Тихомировым южный и западный притворы церкви, то в их стенах оказались сложенные из кирпича сводчатые склепы. Притворы отделялись от храма простенками с дверью посредине. Поскольку захоронения в церквах не одобрялись православными богословами, гробницы рязанской аристократии, жаждавшей заступничества небесных сил и после кончины, помещались в наименее священных частях храма — в удаленной от алтаря западной половине или притворах как преддверии «дома божьего», не входивших в символическую структуру храма, этой модели вселенной.

В отличие от притворов миниатюрная часовня-усыпальница имела собственный престол, повторяя в уменьшенном виде космологическую символику монументальных храмов. В ней сумели вместить только три княжеские могилы. Ее расположение справа от главного входа, на «десной стране», исходило из новозаветного представления, что на Страшном суде праведники встанут одесную судьи, а грешники — ошуйю, то есть слева. Во фресковых изображениях Страшного суда, помещавшихся обычно на западной стене, рай с идущими туда праведниками представляли справа от входа. Следовательно, погребенные здесь получали своеобразную «гарантию» загробного спасения.

Открытые Тихомировым захоронения рязанской знати оказались разрушенными. В одном саркофаге оказалось 10 черепов и множество костей, в другом — 12, третий заключал прах четырех человек. Объяснение находим в трагических событиях, о которых речь впереди. После разорения Рязани Батыем вернувшийся на пепелище князь Ингварь Ингваревич среди множества мертвых разыскал трупы великой княгини и снох своих, а на поле боя «взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных...». В Пронске он «собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу («во единой раце»).

Остатки шелковых тканей, обнаруженные в княжеских погребениях Борисоглебского собора. На одеяниях позолоченными нитями вышиты узоры в виде плетенки, фигуры грифонов и павлинов. Из книги: Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844

А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех». Последним приютом погибших героев стали саркофаги — раки в юго-западной усыпальнице рязанского храма.

В погребениях найдены серебряные позолоченные пуговицы, а главное — многочисленные обрывки шелковых материй от расшитых золотом мужских и женских костюмов. Как писал Тихомиров, скелеты были покрыты «примечательными тканями, изображающими по шелку золотом драконов, страусов, крокодилов, грифов и прочих мифов». Мастерицы Рязани вышивали шелковые ткани, поступавшие на Русь из Средиземноморья и стран Ближнего Востока, серебряно-позолоченными нитями, что придавало одеяниям пышность и декоративность. Кроме плетений, причудливо изогнутых стеблей и стилизованных цветов, вышивальщицы создавали узоры с благопожелательным смыслом. На шелках из раскопок Тихомирова видим шитых

золотом грифонов — крылатых львов с птичьей головой, воплощавших власть и силу, «райских птиц» — павлинов, олицетворение царственного достоинства и бессмертия. Одна из могил возле церкви содержала редкостную для Рязани находку: невысокие, без каблуков башмаки, сшитые из цельных кусков кожи.

Исследованный Тихомировым памятник не удалось сохранить. В 1886 г. на его месте построили часовню, а в 1913—1914 гг. на средства местной помещицы Стерлиговой соорудили громоздкий кирпичный собор, окончательно похоронивший под собой остатки древнего храма. Видные издалека, его «романтические» руины неизменно вызывают любопытство приезжих и экскурсантов.

Первый раскопанный на городище храм построили во имя князей Бориса и Глеба, причисленных русской церковью к лику святых. Культ этих помощников русских князей в борьбе с междоусобицами и иноплеменной агрессией имел ярко выраженный патриотический характер. Их канонизация способствовала укреплению международного престижа правителей Киевской Руси. Борис и Глеб, «в Русской земле просиявшие», почитались и «сродниками» князей Рязани, их личными покровителями. Тема патроната, заступничества, ограждения широко распространилась в литературе и искусстве Руси XII—XIII вв. Первое летописное упоминание о каменной церкви «святых мученик Бориса и Глеба» относится к 1194 г. в связи с погребением в ней рязанского князя Игоря Глебовича, но возвели ее раньше. Вероятно, инициатором постройки своего патронального храма был честолюбивый князь Глеб, сын Ростислава, правивший в 1155—1178 гг. Претендовавший на равное положение с сильными владимирскими самовластцами, он вступил с ними в неравную борьбу, но потерпел поражение, а его потомки держались за Рязань с поразительной цепкостью и упорством.

Имевшие «любовь несытну о зданьих», князья Рязани стремятся укрепить авторитет молодой столицы созданием каменно-кирпичных храмов. Заказывая постройку церкви, они посвящали ее своему покровителю — «в свое имя», как писал летописец. К середине XII в. Рязань, где стояли только рубленые церковки, «построенные миром», не имела традиций монументального зодчества. И князья-«храмоздатели» обращаются к опыту киево-черниговской архитектурной школы. В ту пору мастера-строители одной области сплошь и рядом строили в городах других земель, расши-

ряя обмен техническими и художественными достижениями, содействуя выработке общерусских архитектурных форм.

С конца XI и почти весь XII в. политические и культурные контакты тесно связывали Рязань и Чернигов. В Рязани правили беспокойные и буйные князья, кровные родичи черниговской династии Святославичей. Рязань входила в Черниговскую епископию, завися от церковных кругов Чернигова.

...Попробуем перенестись в 60-е гг. XII в., когда по приглашению рязанского князя в стольный город прибыла черниговская строительная артель-дружина. Во главе ее стоял зодчий, руководитель всех строительных работ, которого почтительно называли «мастером», «здателем», «художником» или «хитрецом». Этот «приставник над делатели» имел помощников и учеников. Квалифицированные мастера «первой руки» выполняли ответственные задания, подбирали для подсобных операций работников-наймитов. Основное ядро странствующей артели «славных» составляли каменщики — «каменьници», «каменосечци»: они вели кладку стен и сводов. Современные архитекторы вычислили, что для возведения кирпичной кладки собора за четыре строительных сезона в артели должны были работать 15—16 каменщиков. Из Чернигова прибыли плотники для изготовления опалубок, лесов, кружал и других деревянных конструкций для выкладки сводов, а также группа формовщиков и обжигальщиков кирпича-плинфы — плинфотворителей — всего около шести человек. Плинфотворители обслуживали и известково-обжигательные печи — приготовляли известь. Черниговская артель переехала в Рязань в полном составе, ибо там отсутствовали собственные кадры строителей.

Ведущий зодчий уже решил, какому образцу он будет следовать при закладке будущего храма, с которым согласился и заказчик — рязанский князь. Таким образцом стал Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, сохранившийся до сих пор, хотя и перестроенный в стиле украинского барокко. Его план, вплоть до встроенной часовни-усыпальницы, тождественный Борисоглебской церкви, размеры здания, пилястры с полуколоннами позволяют говорить об участии в строительстве обоих храмов одних и тех же мастеров. Установлены общие черты и в пропорциональном построении памятников: у «здателей» имелись промеры основных габаритов Успенского собора, без которых столь точное совпадение планов зданий было бы не-

возможно. Кроме того, зодчий мог хранить архитектурные чертежи или какой-то «макет» образца. На их основе выполняли мелкие детали при разбивке плана на местности, воспроизводили особенности интерьера памятника.

...В погожий весенний день 2 мая, в день святых великомучеников Бориса и Глеба, в присутствии княжеской семьи, духовенства, знатных особ и множества горожан, состоялась пышная церемония закладки храма на «набережной», в новой аристократической части града. Епископ заложил первый камень будущей постройки, на месте строительства совершились торжественные богослужения. Все «людие», собравшиеся на праздник, испытывали ни с чем не сравнимый душевный подъем. Любо было смотреть с высокой кручи на бескрайние дали, и, если взглянуть вверх, где в голубизне медленно проплывали легкие облака, человеку вдруг начинало казаться, что он парит в воздухе: «отовсюду веселие души привлечение, и мниться ака аэра достигше».

А потом начались трудовые будни. На расчищенной и выровненной площадке с помощью колышков и мерной бечевы расчертили план будущей постройки в натуральную величину. «Окладыванию», «размерению основания» главный архитектор придавал особое значение: от него зависел облик всего здания. При этом он пользовался геометрическим методом: определение основных пропорций частей здания в вертикальном разрезе исходило из соотношений частей в плане. Для обеспечения устойчивости и соразмерности архитектурных форм служила ключевая геометрическая фигура — квадрат с вписанным в него другим квадратом, пересеченный диагоналями. Применение в строительстве соотношения квадрата и его диагонали нашло широкое распространение в архитектурной практике Западной Европы и Руси.

Затем подсобные рабочие выкопали рвы для фундамента шириной до 3 и глубиной 1,7 м. Их заполнили горизонтальными рядами белого камня на известковом растворе. Белый известняк добывали в каменоломнях на крутых берегах Оки и Прони и на грузовых судах везли в Рязань.

Не покладая рук трудились плинфотворители. В конце прошлого века крестьяне села Шатрищи, обрабатывая огороды, случайно открыли печи для обжига древних кирпичей. «С помощью нанятых для раскопок арестантов» приехавший из Рязани А. В. Селиванов исследовал «пещи плинфяны» с сохранившимися кирпичными стенами и сводами. Оборудование мастерских состояло из деревянных рам для

формовки кирпичей, навесов для их просушки, горнов для обжига. При раскопках в Рязани постоянно встречаем фасонные кирпичи: из них выкладывали сложнопрофилированные пилястры, декоративные аркатурные пояса по фасадам ниже основания закомар. Обращают на себя внимание выпуклые знаки на торцах некоторых кирпичей, оттиснутые с деревянных форм при формовке сырцов. Они отмечали определенные партии кирпича для загрузки печи при обжиге. Рельефные знаки разнообразны по рисунку. Большинство из них простые: черточки или сочетания нескольких черточек, зигзаги, треугольники, четырехконечные и косые кресты, многолучевые звезды. Встречены клейма в виде стрел, латинских букв и цифр, буквы кирилловской азбуки. Известны и сложные декоративные начертания. Княжеские знаки в форме двузубца и трезубца могут говорить о связи строительной артели с княжеским двором. Искусные «каменьници», присланные дружественным правителем, получали от князя немалое денежное вознаграждение и довольствие натурой — жили на всем готовом. Несомненно, они испытывали удовлетворение своей угодной богу работой, гордились ею.

Иногда плинфотворители, уставшие от однообразного труда, позволяли себе невинные шутки. И тогда на плоской постелистой стороне кирпичей появлялись процарапанные по сырой глине «вольные» рисунки. Вот гротескная морда льва с собранными на лбу складками, вот какой-то четвероногий хищник, прочерченный одной линией, а вот и геометрическая фигура из трех вписанных один в другой квадратов, пересеченных диагоналями, — импровизированная «доска» для игры в мельницу. Так же как азартная игра в кости — «зернь», ныне забытая игра в мельницу была очень популярна на Руси и по всей Европе. Каждый из двух игроков имел по три шашки, различные по цвету или форме. Побеждал тот, кто первым располагал свои шашки на одной стороне любого из трех квадратов, то есть «строил мельницу». Можно представить, с какой горячностью отдавались занимательной, богатой комбинационными возможностями игре древние кирпичники во время коротких перерывов в работе.

Поскольку при проектировании собора решили включить в отделку фасадов резные белокаменные детали, в составе черниговской дружины прибыл опытный резчик, знакомый с романской архитектурой Западной Европы. В памятниках романского стиля XI—XII вв. широкое применение нашла монументальная скульптура. Богаче всего де-

корировали главный западный фасад и капители колонн храма. В древнерусском зодчестве сочетание кирпичной кладки с белокаменным узорочьем типично для церквей Чернигова. Фрагменты резного камня, обнаруженные среди развалин Борисоглебского собора, позволяют реконструировать его внешнее убранство.

Расположившись на строительной площадке, при помощи зубил и тяжелых молотков камнесечцы обрабатывали привезенные из каменоломен известняковые блоки. Им поручили создать нарядное обрамление порталов — входов в здание. Изогнутые камни, украшенные горельефными подковообразными дужками, предназначались для архивольтов — арочных завершений порталов. Карнизы с сердцевидно изогнутыми стеблями служили архитравами — несущими балками, перекинутыми между вертикальными опорами. Уверенной рукой выполнены эти опоры — прямоугольные косяки, располагавшиеся по сторонам портала. Они орнаментированы копьевидными медальонами, заполненными пальметтами. Очень выразительна скульптурная мужская голова: узкое скуластое лицо обрамлено шапкой курчавых волос и небольшой окладистой бородой. Большие, широко открытые глаза некогда имели свинцовое заполнение на месте зрачков. Скульптура сохранила следы розовой раскраски лица и белой — волос: перед нами изображение седовласого старца. Изваяние напоминает головы статуй библейских царей и пророков, выполненных во Франции между 1160 и 1180 гг. Возможно, голова старца служила завершением откоса дверей, а симметрично располагалась голова юноши: в противопоставлении молодости и старости заключалась идея быстротечности и бренности человеческой жизни. К белокаменному декору храма относятся консоли для поддержки каких-то выступающих деталей здания. Ваятели украсили их вьющимися побегами и цветами лилии.

На следующий год, когда за зиму фундамент осел, начали возведение кирпичных стен. Кладку вели двое каменщиков, работавших одновременно по обе стороны растущей стены. Когда ее подняли на высоту 1,5 м, дальнейшую работу производили с дощатых лесов. Собор строили в равнослойной технике, при которой все ряды плинф выходят на поверхность стены. В известковый раствор примешивали толченый кирпич, что придавало швам розовый оттенок.

Весь город ходил смотреть, как постепенно поднимается в высоту нарядное здание, как споро работают люди на

лесах, которым дюжие работники подносят на носилках или подымают при помощи блоков кирпичи и скрепляющий раствор. Строительство начали с алтарной части, чтобы совершать богослужение еще до окончания западных частей церкви, где уже появились хоры — балкон для привилегированных лиц, куда вела лестница в толще стены. Наконец дошли до верхних конструкций храма: при помощи кружал выложили подпружные арки, опирающиеся на столбы и стены. Их функция — поддерживать крестообразно расположенные своды и паруса — то есть сферические треугольники для перехода от квадратного подкупольного пространства к круглому кольцу барабана купола. Для облегчения верха постройки своды выложили толщиной в один кирпич. До перекрытия здания сводами соорудили временную крышу, чтобы не прекращать работ во время дождя и непогоды.

По возведении сводов начали настилать полы: в притворах — кирпичные, а в алтаре — из поливных керамических плиток желтого и зеленого цветов. Использовали и квадратные плитки с разноцветной росписью. В деревянные оконницы узких окон вставляли круглые стекла. Кровлю храма покрыли свинцовыми листами.

Через «три лета» — обычный срок выполнения строительных работ — Борисоглебский собор был завершен. Его освящение в присутствии собравшегося из разных мест городского и сельского люда прошло еще благолепнее, чем закладка. Народ живо чувствовал благородную простоту, строгую логику в пропорциях храма, увенчанного массивной главой. Уравновешен, спокоен был архитектурный облик памятника, завершенного полукруглыми закомарами. Плоскости фасадов четко разграничивались пилястрами с полуколоннами, их оживляли сдвоенные или строенные окна и аркатурные фризы. Церковь выглядела нарядной, многоцветной благодаря чередованию в кладке красных, розовых, желтых кирпичей в сочетании с белокаменными порталами. Она выделялась эффектным цветовым пятном, контрастируя с домами и оборонительными стенами — серым или серо-коричневым фоном рядовой застройки Рязани.

Храмовая утварь полностью погибла при разрушении города Батыем. При раскопках в разных частях городища найдены лишь обломки бронзовых паникадил-хоросов, снабженных чашками с шипами для установки свечей.

На следующий год после окончания строительства князь пригласил в Рязань артель мастеров-фрескистов — на Руси

их называли «образописьцами», «писцами», «живописьцами», — чтобы расписать интерьер храма. Работу выполнили за один сезон в технике фрески — росписи стен водяными красками по сырой штукатурке — «левкасу». Этот сложный труд требовал огромного опыта. Тысячи обнаруженных при раскопках небольших кусков расписной штукатурки не позволяют воссоздать сюжетные композиции и систему их размещения. И все же изучение фрагментов специалистами-реставраторами дало интересную информацию. Художники-монументалисты использовали минеральные краски: охры желтые, красные, коричневые, зеленые, разбавленные известковыми белилами. Богата гамма оттенков очень чистых цветов; пробела́ и разделка на одеждах святых выполнены известковыми белилами. Абстрактный синий фон возносил священные образы в некий идеальный небесный мир. В качестве синего пигмента употребляли натуральный ультрамарин — ляпис-лазурь. Переступив порог «красно исписанного» храма, человек попадал во вневременную и внепространственную среду, уводящую далеко за пределы земного. На такое «мистическое» восприятие и была рассчитана живопись интерьера, охватываемого взглядом разом с одного места.

Черниговские «здатели» построили в Рязани еще один, самый крупный храм, названный в «Повести о разорении Рязани Батыем» «великой церковью», «церковью соборною пресвятой Богородицы». Его длина по фундаментным рвам — 31,6 м, ширина — 20 м. Впервые упомянутый летописцем под 1237 г., Успенский собор являлся главным общегородским храмом, где служил местный архиерей — высший чин из числа черного духовенства, а после образования рязанской епископии — епископ. Именно здесь, «во святой церкви», монголы «епископа и священников огню предали». После нашествия пожженная церковь простояла недолго. Когда в 1949 г. А. Л. Монгайт начал раскопки на месте, где она некогда стояла, торжественно оформляя въезд в город с юга, не только стены, но и фундаменты здания оказались разобранными. План храма удалось восстановить лишь по очертаниям фундаментных рвов. Внутри он был оштукатурен, но не расписан. Полы выложены керамическими плитками с зеленой поливой. Найдено несколько кирпичей с оттиснутым на торце именем плинфотворителя — «Яков». О первоначальных формах здания мы можем судить, сопоставляя его план с уцелевшими памятниками черниговской архитектуры. Близкий рязанской Борисоглебской церкви (отличие состоит в отсутствии притво-

ров), храм поставлен несколько раньше — в начале 50-х гг. XII в., в княжение Ростислава Ярославича. Разросшемуся городу стал необходим величественный кафедральный собор, где при большом стечении народа происходили церемонии венчания князя на княжение, его бракосочетание и другие торжественные ритуалы.

С максимальной точностью удалось установить время его закладки. Дело в том, что при разбивке на земле плана храма продольную ось ориентировали на восток, под которым понимали не географический восток, а направление на первый луч восходящего солнца. Зная азимут продольной оси церкви, магнитное склонение и географическую широту местности, можно по таблицам определить день, когда солнце всходило в данной точке. Ось Успенского собора Рязани всего на три дня не совпадает с праздником Успения Богородицы 15 (28) августа, когда закладывали здание.

Успенские соборы строили почти во всех древнерусских городах, ибо праздник Успения (кончины) Божьей матери был очень популярен на Руси, где слился с языческим торжеством в честь окончания жатвы хлебов. Поскольку с почитанием Богородицы связывали убеждение в ее охранительной роли по отношению к городу, княжеству, Успенские соборы по традиции становились кафедральными, то есть в них располагалась кафедра епархиального архиерея. Для людей средневековья Богоматерь — великая заступница и утешительница, служащая страждущему человеческому роду, идеал чистоты, смирения и кротости, терпеливой стойкости в испытаниях. Она облегчает страдания и, как бы нисходя на землю, указывает истинный путь заблудшим, вселяя в них любовь и веру. Можно только вообразить, сколько молитв, обращенных к Богородице, некогда раздавалось в стертой с лица земли «великой церкви», особенно в те ужасные часы, когда в ней заперлись последние оставшиеся в живых рязанцы, пока монголы готовили тараны, чтобы взломать врата храма.

Не случайно Успенский собор Рязани был сходен с Великой Успенской церковью Киево-Печерской лавры, послужившей в XII в. образцом для многих Успенских соборов в разных княжествах. Ведь по преданию «благолепная и великая Печерская церковь» создана самим богом. Постройке предшествовали невиданные чудеса: образ храма являлся в небесах, к его возведению призывали «благообразные юноши» — ангелы, бог-отец указал место будущей церкви — «благословил росой, и столпом огненным, и облаком

светлым». Наконец сама Богоматерь «на три года золота дала строителям и икону свою поставила наместной, от которой и поныне многие чудеса творятся». Немудрено, что при всеобщей вере в небесные знамения именно киевская Успенская церковь (разрушена в 1941 г.) стала эталоном храма, исходным пунктом развития монументальной архитектуры Древней Руси.

Как на образец красоты и благолепия, на нее ориентировались знатные заказчики — как светские, так и духовные. Этот тип шестистолпного трехнефного храма с четко выраженным западным членением — нартексом отличался строгой центричностью. Над полуциркульными закомарами возвышался мощный цилиндр барабана с полусферическим куполом. Оба рязанских памятника сохраняли черты, общие для многих храмов Руси XII в. Они были величавы и статичны. Круглящиеся апсиды, волнистая линия закомар, круглый барабан, с завершавшим его куполом, исключали жесткую угловатость форм.

«ТАКОЕ ЖЕ НЕСТЬ В ПОЛУ́НОЩНОЙ СТРАНЕ»

В 1888 г. в надежде открыть руины княжеского дворца А. В. Селиванов приступил к раскопкам холма на берегу северо-западной части Южного городища. Под ним оказались остатки церкви, разобранной целиком, включая фундамент. Это был выложенный из кирпича четырехстолпный трехапсидный храм с двумя приделами, имевшими свои алтарные выступы. Пол здания выложен из кирпичей. Церковь погибла в огне: при разборке строительного мусора обнаружено много угля и золы, куски сплавленного стекла, меди, олова, вероятно от кровли. Снаружи и внутри здания расчистили около 60 погребений. Часть из них относилась к кладбищу XIII в. возле алтарной стены. Покойников хоронили в деревянных гробах, в изголовье клали кирпич или камень. Положенные вместо подушки, они подчеркивали аскетический, праведный образ жизни усопших, служили орудием усмирения плоти, залогом загробного спасения. Эта черта погребального ритуала, бедность одеяний покойников и отсутствие при них вещей говорят о строгом следовании христианским заповедям нестяжания. На груди одного из скелетов оказался кожаный плетеный крест.

Поскольку деталей постройки А. В. Селиванов не выявил и составил крайне схематичный план, собор вновь раскопали в 1968 г. Обнаружена важная деталь — обломки штукатурки с фресковой росписью. Тщательная зачистка фундаментных рвов, засыпанных землей и щебнем, позволила воссоздать облик уничтоженной церкви. Она принадлежала к новому направлению в развитии русской архитектуры. На смену уравновешенным храмам со спокойным ритмом закомар и массивной главой в конце XII в. приходят здания с подчеркнутой остротой силуэта и богатством декоративной обработки фасадов, как бы знаменующие торжествующий взлет человеческого духа. Башнеобразно поднятая центральная часть, высокая глава и вытянутые пропорции создают впечатление динамического порыва вверх.

Заново исследованный рязанский памятник близок по плану сохранившейся до сих пор церкви архангела Михаила в Свирской слободе в Смоленске: они почти «близнецы». В некрологе смоленскому князю Давиду Ростиславичу, скончавшемуся в 1197 г., отмечено, что он имел обычай «...по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, юже бе сам создал во княженьи своем, такое же несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея». Так же дивились новому храму и все приходившие в Рязань простые люди и вельможи, священнослужители, игумены и весь черноризчий чин. Он приводил в изумление даже повидавших многое иноземцев.

Перед зрителем представала легкая, устремленная вверх церковь с четкой центричной композицией и идеальными пропорциями. К трем порталам примыкали притворы, причем северный и южный имели самостоятельные апсиды и главки, что придавало памятнику пирамидальную стройность. Ее подчеркивали сложнопрофилированные («пучковые») пилястры с тонкой полуколонкой на оси каждой — целый каскад тяг, воспринимаемых как могучий аккорд. При раскопках от них найдены плинфы с закругленными углами. Богатую фантазию проявил зодчий при оформлении верхних частей здания с трехлопастными завершениями фасадов и вторым ярусом декоративных кокошников под стройным барабаном главы. Думается, что кладка рязанской церкви, как и Свирской, была очень живописна: ее оживляли аркатурные пояски, декоративные ниши и кресты, бровки над окнами.

Почти полное тождество рязанского храма с памятниками древнего Смоленска позволяет утверждать, что его

возвели не только под руководством смоленского зодчего, но и силами смоленских мастеров-каменщиков. Новизна и своеобразие архитектурного облика смоленских церквей привлекли к ним внимание мастеров всей Руси. К началу XIII в. среди земель, не зависимых от Киева, самым сильным и наименее раздробленным выступало Смоленское княжество, связанное с Рязанью традиционными союзническими отношениями. Так, в 1155 г. «Ростислав Мъстиславич, смоленьский князь, целова хрест с братьею своею с Рязаньскими князи, на всей любви».

1198 год ознаменован отделением Рязанской епархии от Черниговской: поставленный киевским митрополитом игумен Арсений стал первым епископом Рязани. Утверждение Рязанской епархии как самостоятельного церковного центра связано с усилением Рязанского княжества, ростом его населения, расцветом городов. По каноническим правилам русской церкви разрешалось открывать новые епархии в экономически и политически развитых местностях, «когда это угодно первому стольнику (князю. — *В. Д.*) и когда желают того местные жители».

Воздвижение третьего — Спасского собора артелью, присланной смоленским князем, стало необходимостью после образования рязанской епископии, названной Борисоглебской. Построенный ранее, княжеский Борисоглебский собор стал и местопребыванием епископской кафедры. Для самоутверждения князя, прославления его богатства и могущества потребовался новый придворный («домовый») храм-монумент, рядом с которым мог находиться дворец властителя. Таким храмом и явился Спасский: в древнерусском культе Спаса главнейшей стала функция заступничества от врагов. Для образа княжеского памятника как нельзя лучше подходила идея могучего роста и движения ввысь. Можно представить, как выделялся этот столпообразный храм среди окружающих построек городского пейзажа! Зодчие проявили свой талант прежде всего во внешнем облике здания с его высотным объемом, нарастающим от краев к центру, с живописной пластикой фасадов. Внутреннее пространство княжеской церкви уменьшается: ведь она была предназначена для избранного круга молящихся. Но несмотря на сокращение объема, интерьер с открытыми в основное помещение высокими приделами производил сильное впечатление свободой и рабана, многокрасочность убранства создавали феерическое зрелище.

Спасский собор Рязани — один из памятников общенационального стиля в архитектуре, который отразил подъем городской культуры Руси.

НАДПИСИ НА ФРЕСКАХ

Проведенные за последние десятилетия археологические исследования в городах Древней Руси доказали широкое распространение в них письменности. Берестяные грамоты, граффити — надписи, нацарапанные на стенах зданий и предметах обихода, подписи и изречения на драгоценных изделиях художественного ремесла освещают малоизвестные стороны быта русского человека, позволяют увидеть его в неожиданном ракурсе, подобно надписям в Помпее, рисующим жизнь римских горожан I в.н.э. Благодаря археологии мы знаем, что искусством чтения и письма владело не только духовенство, несмотря на то, что усвоение развитой болгарской письменности началось на Руси только после крещения. Хотя большинство грамотеев и «книголюбцев» принадлежали к церковнослужителям, а книги того времени переписывали, переводили на древнерусский язык и хранили в стенах монастырей, грамотность не являлась монополией клира. Она была необходима и «чиновникам» государственного аппарата: послам, переводчикам, княжеским должностным лицам — тиунам, сборщикам налогов и конечно же купцам. Среди тех, кто писал грамоты на бересте и испещрял надписями стены церквей, далеко не все принадлежали к духовной элите: не постигнув всех тайн орфографии, они делали ошибки, пропускали буквы.

Рязань — один из главных центров просвещения на Руси, здесь отчетливо сознавали пользу «книжных словес». «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами ведь... мы мудрость обретаем; это реки, напояющие вселенную; в книгах ведь неисчетная глубина; и ими в печали утешаемся» — так воспевал преимущества «книжного разумения» летописец XI в. Бережное отношение к богослужебной книге сходно с благоговением перед иконой: ведь книги запечатлели «святое слово» Христа, апостолов, отцов церкви. Рязанские книгочеи из высших слоев общества не останавливались перед огромными затратами: книги стоили необычайно дорого даже столетия спустя. Так, рукописное «Евангелие» XVI в. стоило 94 пуда ржи, «Минея общая» 1609 г. (свод житий святых) —

4 коровы, а другая рукопись того же года — 12 коров! И это в то время, когда переписывание книг в крупных мастерских стало массовым, появилось книгопечатание.

Книжные сокровища вместе с документами хранили в ларях на церковных хорах-полатях и в ризницах вместе с драгоценными церковными сосудами и казной. Богатства соборных храмов рассматривались горожанами как общественная собственность, материальное воплощение могущества их стольного града. Расхищение «многого именья» церквей во время княжеских усобиц вызывало всеобщее негодование и требовало немедленной мести. При раскопках на Старорязанском городище найдены накладки на переплеты и книжные застежки. В нижнюю петлю застежки продевали ремешок, второй его конец прикрепляли к одной из досок переплета. Среднюю петлю надевали на стерженек верхней доски. Изредка попадались нам и свинцовые печати, некогда скреплявшие грамоты и договоры. В былинах они превращены в золотые:

Рукописаньицо-то все было написано,
Золотыми-то печатями запечатано.

Выделение Рязанской епархии способствовало созданию в XIII в. областного летописного свода, который до нашего времени не сохранился. Точность и конкретность известий о рязанских событиях в общерусских летописях, прежде всего Никоновской, не оставляют сомнения в существовании рязанских хроник. Литературные дарования книжников Рязани ярко проявились в таких замечательных произведениях, как «Повесть о Николе Заразском» и «Повесть о разорении Рязани Батыем».

На многих фрагментах фресковой штукатурки из раскопок западного притвора Борисоглебского собора обнаружены обрывки надписей и рисунки, кресты и орнаменты, начертанные острым металлическим предметом. Обычай писать на церковных стенах получил настолько широкое распространение на Руси, что отразился в юридических документах. Наряду с другими преступлениями в ведении церковного суда находились и такие: «крест посекають или на стенах режуть». Однако осуждение этого обычая официальными духовными властями не мешало прихожанам — представителям княжеской администрации и дружинникам, боярам, связанным с церковью строителям и художникам постоянно нарушать запрет. Мало того, изучение граффити как важнейших памятников эпиграфики — науки о древних надписях показало, что большинство

из них оставлено служителями культа из числа приходского духовенства. Для причта — священников, дьяконов, дьячков, читавших и певших в церкви, грамотность являлась обязательной.

Среди рязанских граффити встречены традиционные слезные молитвенные формулы прихожан: «Господи, помози рабу своему имярек». Такие автографы имели заклинательное назначение, сопровождаясь изображениями крестов. Это как бы интимный «разговор с богом», просьба о защите свыше. Фигуры крестов без сопутствующих надписей — также «молитвы» людей, скорее всего неграмотных. На одном из обломков вырезан крест в круге, рядом шестиконечный крест на Голгофе и надпись: «Иисус Христос Ника» (то есть победитель).

Возможно, к числу поминальных относятся надписи и рисунки, выполненные рукой опытного писца-профессионала на фрагменте штукатурки, склеенном из нескольких частей. Между двумя треугольниками, образованными ленточной плетенкой, прочерчена заглавная буква Г, близкая по начертанию из двух жгутов инициалам книг. Ниже отчетливо читается имя «Игорь», а правее — начало молитвенной записи «Господи, помози» и несколько крупных букв «ВАЛЯ» (вероятно, «хваля»). По предположению специалиста по древнерусской письменности А. А. Медынцевой, эта своеобразная «проба пера» связана со смертью и захоронением в Борисоглебском соборе князя Игоря Глебовича.

Интересен небольшой обломок с рисунком какого-то зверя с разинутой пастью и остатками надписи, читаемой: «гривну от половника», выполненной красивым, уверенным почерком. Половник — категория экономически зависимых людей, которые обрабатывали чужую землю с уплатой «половия» — половины урожая. Были половники монастырские, поповские. Перед нами остатки хозяйственной записи: она фиксирует получение денежной суммы в одну гривну в счет «половия».

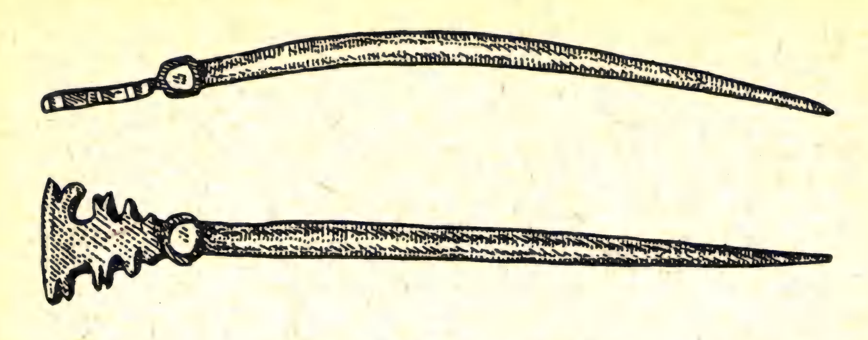
Хозяйственные заметки на стенах храмов объясняются не отсутствием у писавших более удобного материала, а высшими соображениями: верность расчетов или долговых записей удостоверялась церковью и самим богом. В другой надписи, где можно разобрать лишь отдельные слова: «передал... торг, не ходи, ходити по осени», речь идет о получении торговой десятины. Вероятно, грамотей имел в виду раздел торговой пошлины между князем и церковью по определенным сезонам («в торг ходити по осени»).

В полевой сезон 1979 г. у западного притвора собора найдены десятки фрагментов штукатурки с остатками благожелательных молитвенных изречений, буквенных инициалов и крестов, образованных плетением, изображений домашних животных. Свидетельством образованности писавшего служит обрывок надписи, начерченный византийской скорописью. Греческие граффити — редкое явление даже для кафедральных храмов Киева и Новгорода. Интересное открытие сделала А. А. Медынцева, объяснившая сложный рисунок на небольшом обломке штукатурки: в основании пальцев левой человеческой руки проставлены буквы — В, Г, Д, выше — начало следующего буквенного ряда. Оказалось, что это редкостное изображение так называемой пасхальной руки или иначе — «руки Иоанна Богослова». Так называли специальные таблицы для определения воскресных дней любого года. С их помощью, используя сложные календарно-астрономические расчеты, вычисляли день, на который приходился праздник Пасхи. От него зависели остальные даты переходящих церковных праздников. Найденный рисунок начертили для тренировки в процессе обучения.

Церковные хозяйственные записи, учебная таблица по расчету пасхалий, книжные орнаменты, греческая скоропись — все «резанье» на стенах Борисоглебского храма — выделяет его среди обычных церковных построек. Это кафедральный собор рязанской Борисоглебской епархии, место резиденции епископа, главный очаг учености в Рязани. Здесь вели документацию по сбору десятины, переписывали рукописи, украшенные орнаментами и инициалами, тут же хранился архив. В епископской школе вели преподавание просвещенные книжники, знавшие греческий язык. Многие граффити обнаруживают руку профессиональных писцов и художников-миниатюристов. Таковы затейливые заглавные буквы-инициалы из переплетающихся лент, отличные от простых рисунков рядовых прихожан. Несомненно, они выполнены каллиграфами, работавшими в скриптории — мастерской, где переписывали книги.

Судя по начертанию букв, все рязанские граффити, многие из которых сделаны писцами, причастными к «строению» книг, не выходят за пределы XII—XIII вв. Сильно пострадавший при нашествии Батыя храм вскоре превратился в руины.

Без открытия археологами надписей на фресках культурная жизнь древней Рязани выглядела бы обедненной. Несмотря на окраинное положение, по уровню грамотности

Серебряное писало

и образованности она не уступала другим столицам княжеств. Здесь при епископской кафедре было организовано школьное обучение. Налицо заинтересованность церкви, светского городского управления и купечества в грамотных людях, умеющих вести деловую переписку, знающих счет и иностранные языки.

О широком распространении письменности в Рязани говорят многочисленные находки металлических орудий письма — писáл для процарапывания надписей на бересте или навощенных дощечках. Подобно древнеримскому стилусу, один конец стержня заострен, другой в виде лопаточки приспособлен для стирания текста. Стили использовали для частной переписки, составления деловых документов. Записи, имевшие преходящее значение, легко исправляли или уничтожали. «Почаще оборачивай стиль» — советовали в Западной Европе пишущему, то есть не ленись выправлять свои огрехи.

В эпоху Древней Руси в церковной архитектуре, в том числе и рязанской, воплотилась вся глубина и сила общенародных духовных и эстетических устремлений. «...Церковь для прихожан была не только местом божественных песнопений, приобщением к миру вечному, а и местом прилюдных семейных торжеств — свадеб, крестин. И собором, где оглашались торжественно великие деяния во славу Отечества, и скорбным местом прощания с миром, и помином павших на поле брани...» — справедливо пишет Борис Можаев (Правда, 1989, 25 февраля). Художественный язык архитектуры оказывался порой красноречивее письменных документов: красотой храмов возвеличива-

лась страна, прославлялось княжество и его столица, демонстрировалось материальное богатство, ибо стоимость каменного строительства была очень велика.

Открытие веками скрытых в земле творений безвестных зодчих Рязани — исключительная заслуга археологов. Как показали раскопки, рязанские памятники отражали передовые искания русской архитектурной мысли того времени. Возводившие их «хитрецы» воплощали народные идеалы красоты. «Рубить церковь высотою, как мера и красота скажут», — записано в одной старинной договорной записи плотницкой артели. Над всеми бедами и военными угрозами, проносившимися над Русской землей, церковь возвышалась как образ постоянства, неистребимости жизни.

ГЛАВА 4
МАСТЕРА

Каждое дело любовью освящается.

Русская пословица

емесленники составляли ядро населения Рязани, где работали мастера-профессионалы высокой квалификации. Если крестьянин — столяр, ткач или кожевник — изготовлял несложную утварь для собственного хозяйства, то городской ремесленник, даже отдавая часть времени обработке земли, выпасу скота или рыбной ловле, рассматривал свою профессию как основное, кровное дело, переходящее по наследству из поколения в поколение. Ремесленная продукция Рязани насыщала местный рынок, шла и на удаленные торжища. Хозяйственные отношения рязанских мастеров, хорошо знавших друг друга, не сводились к натуральным услугам. Самые искусные из них, выполнявшие заказы князя, зажиточных мирян и духовенства, становились привилегированными членами общества, их окружали почетом и уважением. По мере развития ручного труда его специализация становится более разветвленной.

При взгляде на изделия, выходившие из рук средневековых мастеров, нас не покидает ощущение их своеобразия и привлекательности по сравнению с обезличенностью фабричной продукции. Недаром в памятниках древнерусской письменности слово «ремьство» первоначально означало «искусство», «уменье». Однако скромный и необыкновенно трудолюбивый умелец той эпохи при работе над вещью меньше всего думал о ее «художественности».

Жизнь древнеславянского поселения. На первом плане женщина за вертикальным ткацким станом. Возле женщина с пряжей и ручным веретеном; для усиления вращения веретена на него надет кружок-

Наиболее рациональная, практичная форма предмета, будь то рабочий топор или кухонный горшок, одновременно обладала как бы изначальной красотой, выработанной веками и не требовавшей от мастера сознательных усилий.

Поскольку в письменности домонгольской Руси история ремесла почти не отражена, главным источником наших знаний стала археология. Открытие мастерских в Рязани и массовость связанных с ними материалов, подвергнутых естественнонаучному исследованию, находки инструментария, сырья, полуфабрикатов позволили изучить технику мастеров и ассортимент их продукции.

КУЗНЕЦЫ ЖЕЛЕЗУ

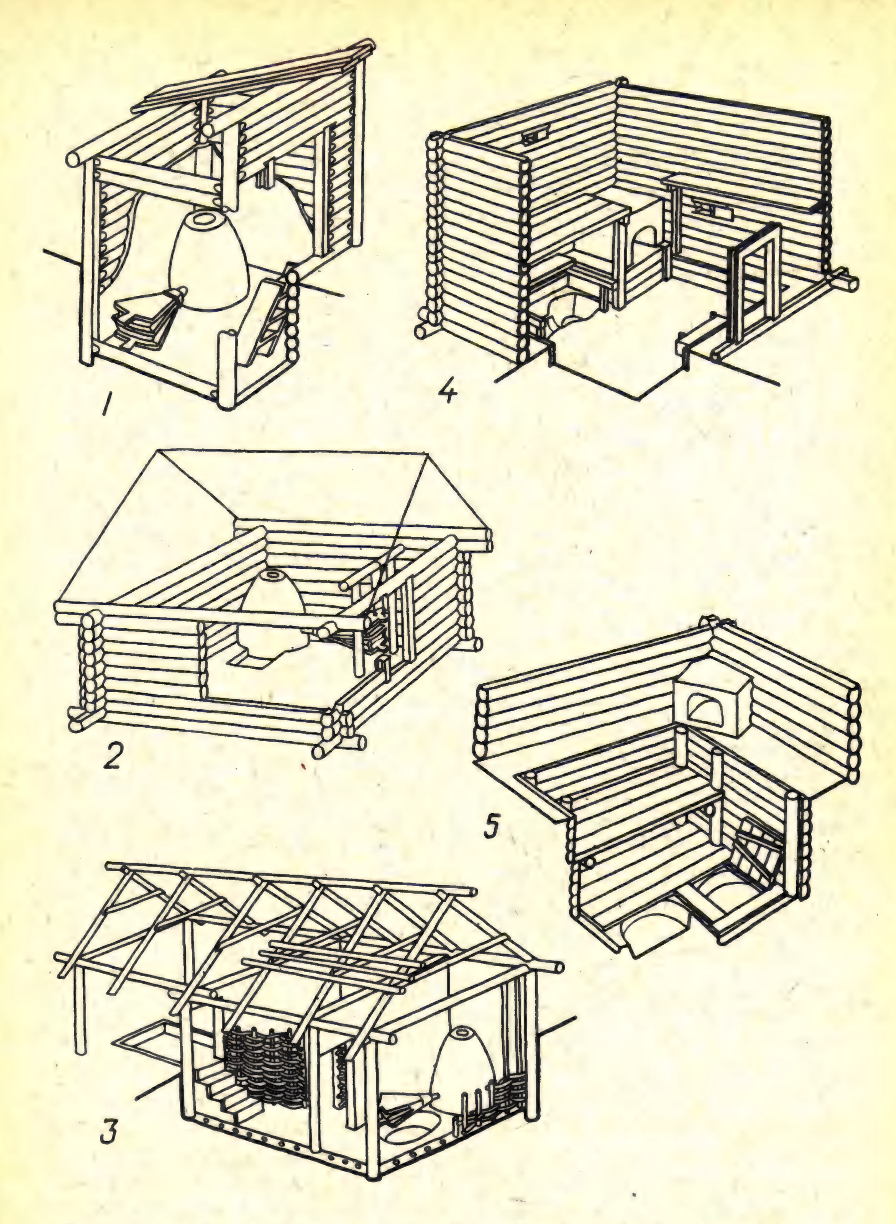
«Кузнец — всем ремеслам отец», — гласит русская пословица. Из черного металла рязанские кузнецы изготовляли разнообразные орудия труда, бытовую утварь, оружие, конскую сбрую.

Проявлявшие «хытрость», «художьство кузньчько» кузнецы-«ковали», хранители тайных познаний, передаваемых только сыновьям, издавна слыли в народе связанными с самим чертом мудрецами и колдунами, обладателями магической власти над вещами и людьми. Все стихии участвовали в их труде: земля, из недр которой добывали руду, огонь, подчинявший воле человека металл, воздух, его охлаждавший, и, наконец, вода для закалки изделия. Суеверное отношение к кузнецам как к кудесникам нашло отражение во множестве обрядов и поверий.

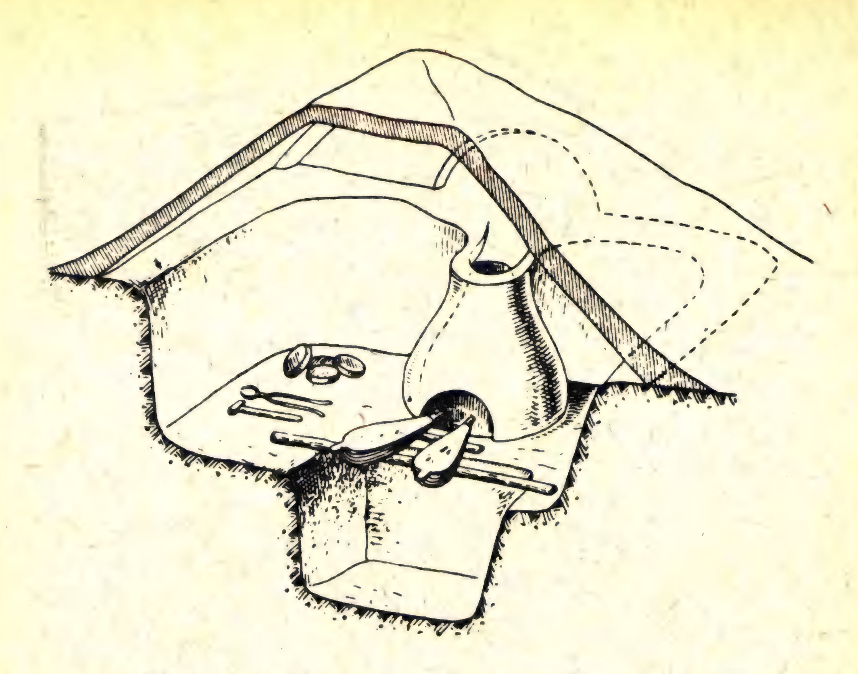
Эти «рукодельные люди» приобретали металл у плавильщиков железа. Их огнеопасные мастерские обнаружены в самых густонаселенных кварталах Рязани, а не в стороне от них.

Сырьем для выплавки железа служили болотные и луговые руды. Их богатые запасы известны на всей территории лесной полосы Восточной Европы, в том числе в бассейне Средней Оки. Рудные месторождения, залегавшие у самой поверхности, отыскивали щупами-«рожнами». Руду извлека-

пряслице из глины или камня. Рядом с домом кожевник изготавливает обувь; дети окружили старца-гусляра, внимая «гудению струнному». Рисунок из книги: Ваня З. Мир древних славян...

Ремесленные мастерские, открытые в Рязани: 1—3 — мастерские с домницами, где добывали железо из руды; 4 — мастерская костореза; 5 — мастерская для отливки бронзовых украшений. Реконструкции

Реконструкция домницы для выплавки железа. Над предгорновой ямой лежат воздуходувные мехи. Здесь же инструменты металлурга — молоток, клещи. Крицы имеют круглую форму. Рисунок из книги: Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953

ли из-под дерна и торфа деревянными лопатами с железными оковками-«рыльцами». Затем ее промывали, сушили, дробили и слегка обжигали. После этих операций руда поступала в сыродутный горн.

Господствовал сыродутный процесс плавки. В горн нагнетали «сырой», неподогретый воздух, откуда и произошло название самой техники. Плавление в горне измельченной железной руды в смеси с древесным углем происходило при очень высокой температуре. Проведенный опыт расплавления шлака, обнаруженного при раскопках, показал температуру его образования около 1400°. По мере выгорания угля твердые зерна железа, восстановленные из руды, опускались в низ печи и, свариваясь, образовывали губчатый сгусток, называемый крицей. Для уплотнения металла вынутую из горна застывшую крицу многократно проковывали, получая монолитный кусок железа весом до 5—6 кг. Товарным крицам металлургии придавали округлую лепешкообразную форму. В рязанских железоплавиль-

ных мастерских, заполненных сотнями кусков шлака, крицы встречаются редко, так как кричники продавали их кузнецам.

Раскопанные в Рязани мастерские по плавке железа представляют собой прямоугольные углубленные в землю постройки размерами от 2,5х2 м до 4х4,5 м, при глубине до 1 м. Во избежание пожара стены помещений изнутри обмазаны глиной. От разрушенных горнов сохранились развалы прокаленной красной глины. В одном случае уцелело основание печи из булыжных камней. Предгорновые ямы заполнены шлаком, мелким углем, золой. Нередки находки глиняных сопел — трубок для нагнетания из меха воздушной струи в горн.

Конструкция рязанских домниц, как в Древней Руси называли печи, где варили железо (от слов «дмать», «надымать», что значило дуть, нагнетать воздух), восстановлена благодаря открытию целых горнов, например, на Среднем Днестре. Форма печи колоколовидная, с отверстиями вверху для загрузки угля и руды. На лицевой стороне находилось устье, куда вставляли сопла. После того как разгорался уголь, устье замазывали глиной. Через сопла в горн мехами нагнетали воздух. «Не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами», — писал в своем «Молении» Даниил Заточник, любивший бытовые афоризмы. Неглубокую предгорновую яму выкапывали для удобства разжигания горна, установки мехов, извлечения крицы. Рязанские сыродутные горны, сделанные из огнеупорной глины, были небольшие — до 1 м высотой.

Кузниц в Рязани не обнаружено: вероятно, они помещались в сараях или под легкими навесами. Об инструментарии кузнецов можно судить по находкам молота-кувалды для нанесения сильных ударов обеими руками, молотков-ручников для обработки изделия одной рукой, зубил, клещей-кусачек для откусывания мягкого металла.

Ассортимент древнерусских кузнечных изделий превышал 150 наименований. Многочисленны и разнообразны вещи из железа, обнаруженные в Рязани. Как показал их металлографический анализ, кузнецы владели всеми приемами ковки, сварки, термической обработки путем резкой закалки в холодной воде, которая давала высокую прочность стали. Мастера в совершенстве освоили такие операции, как вытяжка металла, рубка и обрезка, пробивка отверстий, изгиб, обжатие, обточка. Металл поковок (и железо, и сталь) отличается мелкозернистостью и равно-

мерностью строения, минимальными шлаковыми включениями.

Около 140 рязанских предметов из черного металла подвергли микроструктурному анализу. Он заключается в том, что в поперечном сечении рабочей части изделия вырезают образец, называемый шлифом. Шлиф полируют, протравливают особыми реактивами и изучают под микроскопом, что выявляет структуру и рабочие качества орудия.

К примеру, семь технологических схем выявлено при исследовании ножей. Самая распространенная группа — универсальные ножи, необходимые как в хозяйстве, так и в быту. Другие употребляли как столовые, а также для работ по дереву или как боевые — засапожники. При наиболее сложной и совершенной технологии в центре изделия помещали стальную пластину, а по краям приваривали железные полосы. В результате сталь всегда выходила на острие ножа: он как бы самозатачивался. Часть ножей цельностальные, на одном стальное лезвие вварено в железный клинок. Меньших затрат времени требовала техника наварки стального лезвия на железную основу.

Кузнечная сварка стального лезвия с железной основой клинка позволяла экономить сталь и выпускать изделия на широкий рынок. В этой технике, самой распространенной в русских городах XII—XIII вв., изготовлены рязанские серпы и косы-горбуши, долота и наконечники дротика. Из обычного кричного железа ковали рыболовные крючки, шилья, наконечники стрел. К цельностальным орудиям относятся двуручная пила, пробойник, ножницы, кресала для высекания огня.

Рязанские кузнечного дела мастера украшали парадное оружие и предметы снаряжения всадника, например шпоры инкрустацией серебряной проволокой.

С необходимостью производства массовых стандартных изделий на продажу, особенно с XII в., связана известная и по письменным источникам специализация ремесленников. В огромном количестве ковали гвозди гвоздочники, не покладая рук трудились ножовщики. Из мастерских котельников выходили котлы и сковороды. Высокого искусства требовало изготовление надежных и прочных замков, множество которых найдено в Рязани. При работе только над одним комплектом: замок, его дужка и ключ — с точностью подгоняли и соединяли от 30 до 50 деталей. Некоторые экземпляры покрывали тонким слоем меди. Из рук замочников выходили крупные врезные замки для дверей, маленькие — для сундуков и ларцов, висячие дверные замки разных размеров и систем. Наибольшее

распространение получили цилиндрические пружинные замки. Особым почетом окружали мастеров-оружейников: щитников, бронников, шлемников — вооружение князей, бояр и дружинников ценили очень высоко.

Художественными достоинствами обладали мелкие железные украшения — пряжки, булавки, фигурные накладки от шкатулок.

Пришлому человеку не нужно было спрашивать дорогу к кузнице. Уже издали он слышал тяжелые удары молота, веселый звон ручника о наковальню, непрерывные вздохи кожаных мехов. И, переступив порог, он видел освещенного пламенем горна полуобнаженного человека. Черный от копоти, этот повелитель стихийных сил природы казался суеверному уму неким выходцем из преисподней.

КУЗНЕЦЫ МЕДИ

Слово «кузнец» — производное от «кузнь», что означало всякую поделку из металлов, в том числе меди, бронзы и серебра. Мастера Рязани владели разнообразными приемами литья сплавов на медной и оловянной основе. В XI— начале XII в. преобладал способ литья по восковой модели как с потерей, так и с сохранением формы. При изготовлении плоских вещей — височных колец, подвесок к ожерелью, поясных накладок — вырезали их модели из воска, на которые наносили сложные узоры. Восковую модель заливали глиняным тестом. Когда глина высыхала, ее обжигали, после чего воск вытапливали и выливали через особый каналец-литок. В хрупкую глиняную форму, пригодную для двух-трех десятков отливок, лили металл. В двусторонних формах изготовляли бубенчики.

Сложные объемные вещи любых размеров и назначения отливали в «утрачиваемой форме», которую неизбежно ломали при извлечении изделия. Путем скульптурной лепки восковой модели делали часть перстней и амулетов-оберегов, но чаще крупные и массивные предметы: боевые гири к кистеням, булавы, подсвечники, «кружевные» паникадила-хоросы — церковные «люстры», смонтированные из шести десятков частей. Обломки хоросов с ажурным плетеным орнаментом — частая находка на городище.

С XII в. вместе с растущим рыночным спросом русское бронзолитейное дело совершенствуется. Широкое распространение получают каменные формы, позволившие перейти к массовому выпуску украшений для рядовых горожан. Эти грубоватые цельнолитые вещи нередко подражали

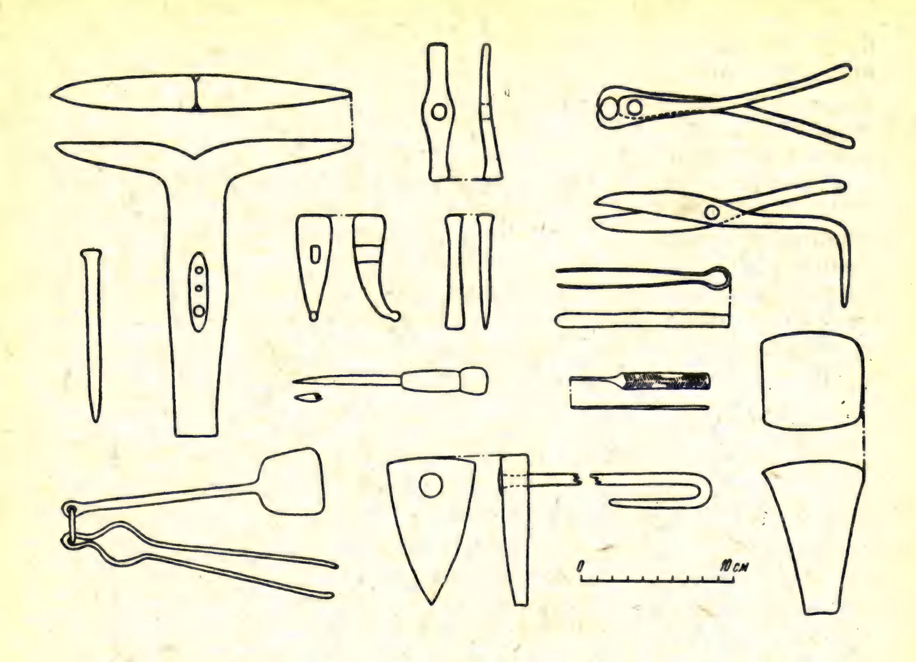
украшениям знати, тисненным из драгоценных металлов. При исследовании Старорязанского городища встречены каменные формочки для отливки нательных крестиков, перстней, треугольных и круглых «монетовидных» привесок. Их узоры часто подражают зерни — напаянным мелким шарикам из серебра. К числу так называемых имитационных относятся формочки для изготовления звездчатой привески-колта и трехбусинных височных колец с ложнозерневым орнаментом. Похожие тщательно вырезанные формы обнаружены при раскопках в Киеве: возможно, среди рязанских литейщиков работали киевские мастера. Подражая богатому княжеско-боярскому убору, они наладили ускоренное и дешевое производство для населения города и его округи.

Для отливки объемных украшений в жестких формах, например — колтов, применяли технику литья «навыплеск». Она позволяла делать тонкостенные вещи из бронзы, латуни или сплавов на серебряной основе. Через воронкообразный канал-литник (литок) в форму наливали металл, который начинал застывать прежде всего в местах соприкосновения с ее стенками. Через другой, более короткий литник успевали выплеснуть излишки металла, еще не успевшего затвердеть. Литье «навыплеск» давало возможность получать легкие полые вещи.

Некоторые литейные формы — образцы камнерезного искусства. Тонкая работа свидетельствует о верном глазе, уверенной, твердой руке мастера. Ремесленник, погибший в тайнике под Десятинной церковью во время штурма Киева монголами, захватил с собой, как главное богатство, целый набор каменных формочек.

Рязанские разъемные формы двусторонние или трехсоставные, с аккуратно пригнанными полированными плоскостями и гнездами для соединительных свинцовых штифтов. Их вырезали из мягких камней — мелкозернистого известняка или плотного сланца. В этих материалах резчик высокого класса легко добивался четких контуров углубленного рисунка, выполнял мельчайшие детали узоров.

В течение нескольких лет нами полностью раскопана усадьба ювелира-литейщика, изготовлявшего на продажу маленькие нательные крестики — «крестцы малы». На ее территории среди производственного брака найдены крестики с имитацией зерни, литые пряжки и другие вещи, не подвергнутые дополнительной отделке напильником и резцом. В наземном жилом доме ремесленник выполнял операции по холодной обработке цветных металлов. В нем много отходов производства: кусков медной проволоки,

Ювелирные инструменты: фигурная наковальня, молотки, клещи-кусачки, ножницы по металлу, зубила, резец по металлу, напильник, пинцеты, паяльник, наковальня. Из книги: Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка...

обрезков бронзовых пластинок, бесформенных кусочков сплавов. Мастеру принадлежали два помещения с горнами, где он занимался операциями, связанными с литьем. Они представляют собой землянки площадью до 10 кв. м и глубиной до 1,5 м. Вертикальные стенки во избежание пожара поверх дощатой облицовки обмазаны глиной. От горнов сохранились лишь развалы прокаленной глины. На полу мастерских в мощном слое угля и золы обнаружены обломки тиглей-сосудов для получения расплавленного металла с прикипевшими частицами меди на дне, а также глиняные льячки (от глагола «лить») для разливания металла из тиглей. Льячки ложковидные, с втульчатыми ручками. Поверхность тиглей от сильного нагрева в горне застеклована. В мастерских найдены маленькие серебряные и медные слитки — сырье ювелира, застывшие брызги металла, шлаки.

С помощью спектрального анализа металла из усадьбы ювелира определен его химический состав: чистая медь при

ничтожных — до тысячных долей процента — примесях висмута, мышьяка, золота. Сплавы для изготовления украшений насыщены оловом, свинцом, цинком, серебром, золотом, сурьмой, что предполагает знание специальных рецептов составления смесей.

Рязанские «кузнецы меди» были универсальными мастерами, владеющими тиснением, штамповкой, чеканкой, гравировкой. Их инструментарий включал простую и фигурную наковальню, молоточки, чеканы, клещи, пинцеты, сверла, резцы, доски для волочения проволоки, ножницы по металлу. Судя по археологическим находкам, умельцы Рязани ничуть не уступали ювелирам крупнейших городов Руси.

«НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ»

Среди археологических находок наиболее многочисленны черепки керамической посуды. Их огромное количество, исчисляемое сотнями тысяч, поражает неспециалиста, но ведь изделия из обожженной глины, пусть даже и в обломках, практически сохраняются вечно. От деревянной же утвари уцелели до нашего времени только металлические части, например железные дужки от ведер.

Успехи земледелия и скотоводства дали толчок к выделению гончарного ремесла. Потребность населения в дешевой глиняной посуде для хранения и приготовления масла, сметаны, творога, молока, мяса и продуктов землепашества многократно возросла. Грубой лепной керамики, сделанной только для своих нужд, уже нет в Рязани. Вся посуда выполнена на ручном гончарном круге, устройство которого восстанавливается по этнографическим наблюдениям. В скамье из толстой доски, стоящей на двух плахах, прорезали отверстие для основания оси. На верхний конец оси наглухо насаживали деревянный круг диаметром 15—20 см. Во время работы мастер сидел верхом на скамье, вращая круг левой рукой, правой формовал сосуд из жгутов глины, налепляемых по спирали. С изобретением круга появились искусные профессионалы: отныне мастерство передается от отца к сыну, от деда к внуку.

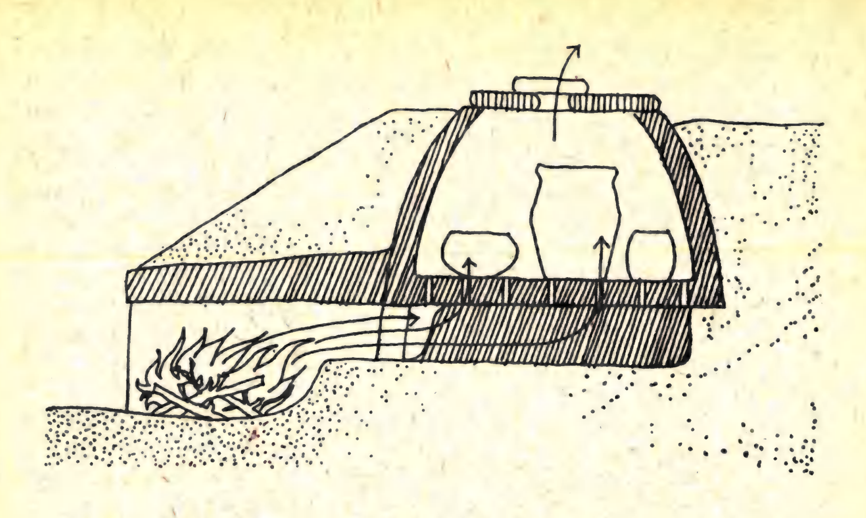
Гончарный круг рассчитан на массовое производство посуды. Чем же торговали гончары Рязани, снабжавшие своим товаром и город, и ближайшую сельскую округу?

В связи со словом «горнец»—горшок—ремесленник, изготовлявший глиняную посуду, назывался в древности

«горньчар». Горшки разных размеров и пропорций, некоторые с крышками, служили и для приготовления пищи, и для хранения запасов, и как столовая посуда. Кухонные горшки сохраняют следы нагара. Любопытно, что универсальный древнерусский горнец известен не только археологически, но дошел до нас в живой народной традиции. Как повседневную бытовую посуду, горшки, украшенные горизонтальными или волнообразными линиями, до сих пор вывозят на базары в разных местностях России. В рязанских погребениях XI—XII вв. обнаружены только горшки. И в дальнейшем они оставались самыми распространенными сосудами, приспособленными для варки в печи.

С середины XII в. ассортимент керамических изделий обогащается. Городские гончары создают десятки форм кухонной, столовой и тарной посуды. Без нее невозможно представить ни интерьера жилища, ни общей трапезы. Часть сосудов, найденных в постройках и ямах, удалось склеить реставраторам, часть графически реконструировать по уцелевшим частям. Низкие широкогорлые миски («мисы», «плоскы»—плошки), иногда с одной ручкой, были приспособлены и для жидкой и для густой пищи. Крупные мисы предназначались для коллективных застолий, небольшие находились в личном пользовании. Маленькие плошки употребляли в качестве масляных светильников, в которые опускали фитиль. Специальные миски и горшки с отверстиями в нижней части для стекания сыворотки служили для приготовления творога. Глиняные сосуды-«латки» типа противня, сковороды, применявшиеся для жарения или выпечки хлеба, даже попали в поговорки: «От мила куманька черепок да латка, и то подарочек». В глиняную втулку сбоку сковороды вставляли деревянную рукоятку, чтобы ставить и вынимать сосуд из печи. Жидкости и сыпучие продукты, например зерно, хранили не только в привезенных из Крыма амфорах, но и в местных «корчагах» — сосудах с шаровидным туловом и низким цилиндрическим горлом до 50 см высотой. Найдены двухъярусные светильники из расположенных друг над другом чаш. В верхнюю, приподнятую на поддоне, наливали жир и вставляли фитилек. Горшочки очень маленьких размеров наполняли солью и специями.

Как показало исследование керамики, гончарное ремесло Рязани не оставалось без изменений, хотя формы и орнаментация посуды в целом устойчивы. Для точного определения времени горшков, помимо других признаков, осо-

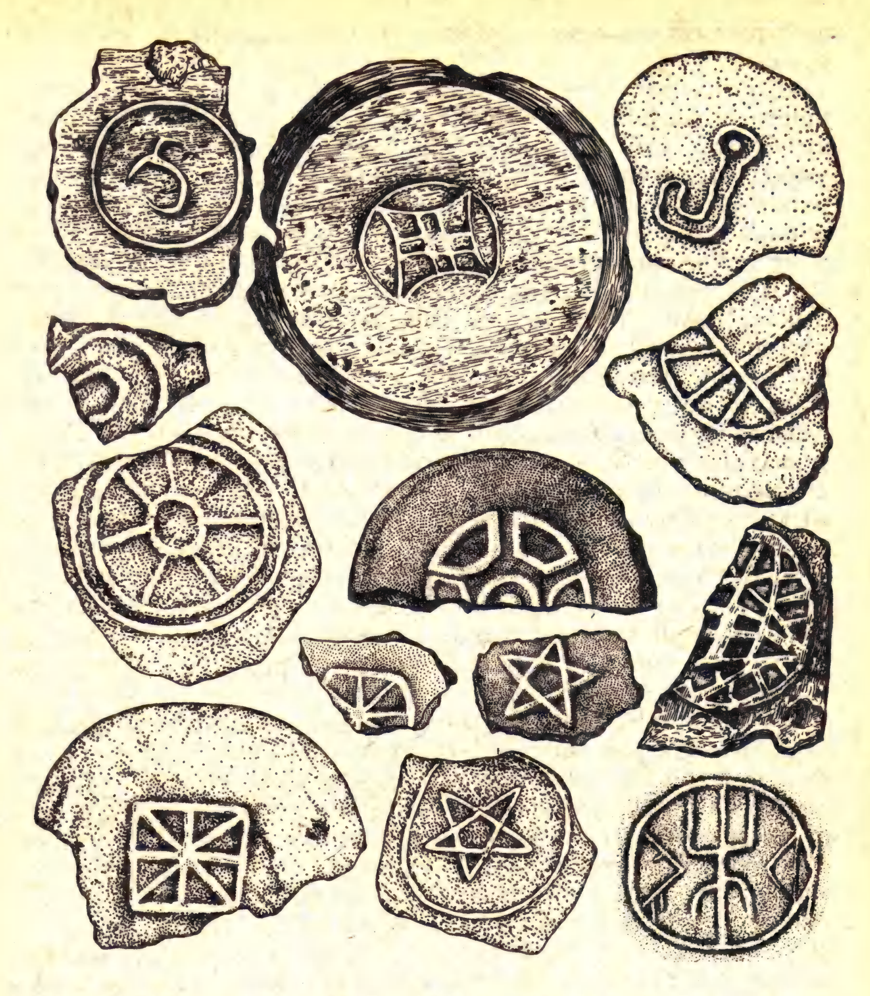
Реконструкция гончарного горна для обжига посуды

бенно важна профилировка их венчиков, так как в различные периоды их формовали по-разному.

Наиболее ранняя керамика с Северного городища сделана из грубого глиняного теста с примесями крупных зерен кварцита, шамота — толченых черепков посуды, речного песка, слюды, кострики или рубленой соломы. Примеси позволяли изделиям сохранять форму при обжиге. Но нередко обжиг еще несовершенен: в изломе черепка заметно, что его середина сохранила непрокаленный серый цвет. Кроме излюбленного гончарами волнистолинейного орнамента широко применяли штампованный или ямочный. Зубчато-гребенчатый или нанесенный колесиком узор на все тулово сосуда придавал ему нарядный вид. Такая посуда, украшенная рядами квадратных, ромбических, треугольных, овальных или скобковидных вдавлений, не предназначалась для рынка, так как за пределами Северного городища она отсутствует.

Со второй половины XII в. вместе с усовершенствованием гончарного круга и распространением керамических горнов улучшается качество изделий. Стандартную посуду для массового покупателя формуют из мелкозернистой глиняной массы без грубых примесей, она равномерно обожжена, тонкостенна и при ударе издает звон.

Неподалеку от гончарных горнов, открытых в Рязани, обнаружены ямы, где ремесленники хранили глину для

Клейма на днищах глиняных горшков. Начертание знаков говорит об их магическом смысле

изготовления так называемой белой керамики. Сами горны двух типов. При двухъярусной конструкции внизу находилась топка, отделенная от верхней камеры для загрузки посуды горизонтальным подом с отверстиями для прохода горячего воздуха. В одноярусном горне открыт кирпичный под, топочная камера находилась сбоку. В нем обжигали сосуды, покрытые желтой и зеленой глазурью,

архитектурные декоративные плитки, глиняные яйца-писанки.

До сих пор среди ученых нет единого мнения о назначении рельефных клейм на днищах горшков. Это отпечатки знаков, вырезанных вглубь на деревянных подставках, укреплявшихся на гончарных кругах. У восточных и западных славян клейма близких начертаний получили широкое распространение с XI в. Давно высказана гипотеза, на мой взгляд самая убедительная, что они являются древними магическими символами-оберегами от болезней и злых духов. Если отвлечься от смысла рисунков и допустить, что это только знаки заказчиков или усложняющиеся меты наследственных династий гончаров, то трудно объяснить, почему метили незначительную часть посуды (в Рязани не более 1 проц.), почему большинство клейм, одинаковых на огромных территориях, совпадает с языческими символами, восходящими к бронзовому веку и универсальными для разноэтнических племен. Постепенное внедрение христианства не уничтожило традиционных суеверий. Естественно, что клейменой керамики гораздо больше в малых городках и сельских поселениях (хотя гончаров там было меньше), чем в таких центрах, как Киев, Чернигов, Новгород, Рязань, где архаические верования отступали на периферию культуры.

Возможно, в горшки, помеченные клеймами, наливали целительную жидкость, которую пили или умывались ею для избавления от хвори и предохранения от «дурного глаза». Обычай умывания с «громовой стрелки» сохранялся до недавнего времени, а среди рязанских клейм встречаем изображение стрел — атрибута бога-громовника Перуна, победителя бесовских сил. Бытовали поверья о лечении бесплодия «перуновой стрелой»: стрелы, нацеленные «в плоть», упоминаются в русских заговорах. Распространены в Рязани и клейма в виде ключей — символа изобилия, благополучия домашнего очага. В русских заговорных формулах замки-ключи призваны замкнуть, то есть обезвредить «колдуна и колдунью, ведуна и ведунью и упыря».

В основе большинства клейм лежат одинаковые фигуры в различных сочетаниях: крест, свастика, пятиконечная звезда-пентаграмма, розетка, круг, квадрат. С древнейших времен кресты и свастики служили знаками огня и солнца, приносящими благоденствие и счастье. Обычны клейма в виде колеса, связанные с идеей солнечной колесницы, катящейся по небосводу. Мифопоэтическое уподоб-

ление солнца колесу, восходящее к глубокой древности, характерно и для славян. Круг с двумя симметричными полукружиями внутри напоминает луну в разных фазах. В мотивах перекрещенного квадрата или ромба усматривают символ матери-земли, дарующей плодородие. Интересно, что некоторые знаки небесных светил представлены как бы во вращательном движении. Какие-то космологические представления отражены в спиралевидных клеймах.

Как и привески-амулеты, магические знаки на сосудах, «охранявшие» пищу, особенно многочисленны в пределах «старого города» — Северного городища. В ранний период истории Рязани даже христианские символы — кресты осмысляли как обереги, связанные с почитанием огненной стихии.

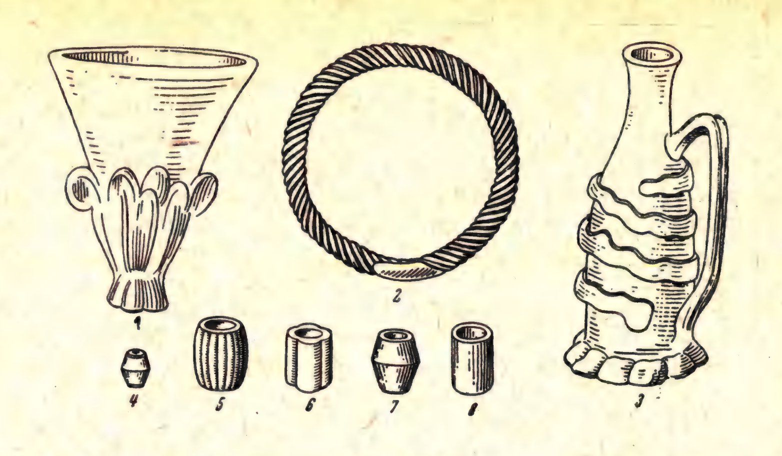
Единичные сосуды с клеймами в форме трезубца — «знака Рюриковичей» скорее всего изготовлены для князей.

ПРОЗРАЧНОСТЬ, БЛЕСК, КРАСОЧНОСТЬ

Все эти свойства отличали стеклянные браслеты — украшения, излюбленные древнерусскими горожанками. Модницы Рязани не составляли исключения: при раскопках найдены тысячи обломков гладких, крученых, витых, рифленых, трехгранных браслетов. Только на площади боярской усадьбы в раскопе № 7 их обнаружено свыше 700. Возможно, ее владелец получал доход от перепродажи ходкого товара.

Браслеты, носимые по нескольку на запястьях, изготавливали из стержней, согнутых кольцом в горячем состоянии и сваренных в местах скрепления. Среди них встречаются и совсем маленькие — детские. Хрупкость стекла компенсировалась регулярным притоком новых браслетов, их дешевизной.

Цветовая гамма украшений сводится к фиолетовому, синему, голубому, желтому, зеленому и коричневому, но их оттенки разнообразны. Прекрасны медово-золотистые браслеты, как бы впитавшие блеск солнечных лучей, бирюзовые, словно летнее южное небо, зеленые, напоминающие о земном растительном изобилии. Большинство браслетов прозрачные, но некоторые из заглушенного, матового стекла. Особенно нарядны перевитые разноцветными стеклянными нитями.

Стеклянные изделия: 1 и 3 — сосуды, 2 — браслет, 4—8 — бусы

Как показали подсчеты специалистов, рязанские стеклоделы предпочитали бирюзовые и зеленые браслеты. Стекло окрашивали введением микропримесей к основному составу — окисла меди для бирюзовых, окисла марганца для фиолетовых. Рязанские женщины носили и стеклянные перстни.

Мастерские стеклоделов в Рязани пока не обнаружены. Но об их существовании свидетельствует находка бракованного браслета, смятого в момент изготовления.

В состав шихты — смеси для плавки стекла — входили мелкозернистый речной песок, поташ, добываемый из золы, окись свинца (сурик). Технологические рецепты, выявленные при помощи спектрального анализа тысяч вещей из древнерусских городов, помогли восстановить историю стеклоделия на Руси. На рубеже X—XI вв. в связи с широким размахом храмового строительства после принятия христианства византийские мастера организовали в Киеве мастерские по изготовлению мозаичных стекол. Постепенно, в результате упорных творческих поисков, киевские ремесленники создали оригинальную рецептуру стекловарения на местном дешевом сырье. И киевские и рязанские браслеты сделаны из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Доля собственного производства браслетов не достигала в Рязани и 25 проц., остальные — из Киева, законодателя мод в Древней Руси. Отсюда распространялись передовые технические достижения, заимствовали формы

и декор вещей. Мода на браслеты разноцветного стекла пришла на Русь из таких причерноморских владений Византии, как Херсон, и южных форпостов Киевского государства — Тмутаракани на берегу Керченского пролива, Белой Вежи — крепости на Нижнем Дону.

На основе стеклоделия развивалось эмальерное дело, выделка кубиков смальты для мозаичных работ, полихромной поливной керамики.

ГРЕБЕНЩИКИ, ТОКАРИ И ДРУГИЕ

Наименования резчиков по кости отражали их специализацию или инструментарий, которыми они пользовались. Работа костореза — сложная и длительная, идет ли речь об утилитарных предметах массового спроса или художественных произведениях. Кость прочнее древесины, ее обработка требует большей затраты труда. Мастера костяных дел изготовляли и мелкие поделки из дерева: ведь инструменты были одни и те же. Это — пила и сверло, нож и резец, струг, токарный станок. Об устройстве токарного станка, на котором вытачивали круглые объемные вещи, например, шашки, пуговицы, ничего сказать нельзя. Остальные инструменты косторезов хорошо известны по раскопкам в Рязани.

В 1978 г. нами почти полностью исследована усадьба ремесленника, хозяин которой специализировался на изготовлении костяных гребней. Его небольшая, слегка заглубленная в землю мастерская и все пространство вокруг были насыщены сотнями заготовок из кости и рога, отходами и бракованными предметами.

Поделочным материалом служили кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, рога лося. Резчик особенно ценил рог из-за его пластичности, мягкости и размеров, позволявших вытачивать вещи разной величины и формы. Рога не требовалось обезжиривать.

После тщательного отбора образцов следовало обезжиривание и размягчение кости посредством варки и неоднократного кипячения в воде со щелоком. Для этого служила расчищенная в углу мастерской глинобитная печь с сохранившимся подом. После длительного вываривания берцовых, пястных и плюсневых костей с помощью клиновых зажимов гребенщик расправлял их в плоские пластины и расчленял лучковой пилой. У двусторонних гребней одна сторона нарезана толстыми редкими зубьями, а

другая представляет собой частый гребень гигиенического назначения. В ход шла миниатюрная пилка, подобная той, которая вместе с ножичком и каким-то третьим инструментом была найдена нанизанной на кольцо в мастерской костореза на Северном городище. Широкие плоскости гребня мастер обрабатывал ножом, плоским стругом с лопаткообразным лезвием и зачищал напильником. Тем же напильником он затачивал и округлял зубья. К инструментам костореза относятся сверло с заостренным ложковидным пером и крючковидный резец.

Кроме неорнаментированных, мастер делал наборные гребни с украшенными накладками. Узор наносился маленьким циркульным резцом, одна ножка которого ставилась неподвижно, а другая описывала вокруг нее кружок.

Циркулярный орнамент характерен и для рукоятей ножей из расщепленных на пластины трубчатых костей или распрямленных ребер. Из роговых отростков вырезали овальные пластинки-затыльники, крепившиеся на торце деревянной рукоятки ножа. Многочисленны костяные орудия для изготовления одежды: иглы для сшивания грубых материалов, вязальные иглы из полых птичьих косточек со срезанным под углом концом и отверстием в нем, проколки, кочедыки, употреблявшиеся для плетения изделий из луба и бересты. Трубчатые косточки с парой просверленных друг против друга отверстий употребляли для ссучивания нитей; полые цилиндрики с несколькими расположенными в ряд отверстиями использовали при подготовке для тканья на горизонтальном ткацком стане. При помощи этих цилиндриков-юрков соединяли продольные разноцветные нити основы, идущие параллельно вдоль ткани.

Найденные в Рязани костяные предметы боевого и охотничьего снаряжения отражают влияние культуры степных кочевников, особенно принадлежности воина-всадника и его коня. По своей форме псалии — подвижные прищечные ограничители в удилах, застежки от конских пут, петли для подвешивания колчанов, шаровидные навершия плетей с клювовидным выступом схожи с кочевническими древностями. Обнаружено много втульчатых и черешковых наконечников стрел — пулевидных, применявшихся при охоте на пушного зверя и в бою, а также «томáров стрельных» — тоже охотничьих, но с тупым концом, чтобы не повредить драгоценной шкурки. Многие костяные наконечники, например ромбовидные, подража-

ли железным. Для нанесения внезапного удара в гуще конной схватки были незаменимы кистени. Их удлиненно-яйцевидные гирьки вырезали из рога лося и снабжали отверстием для металлического стержня с петлей на конце.

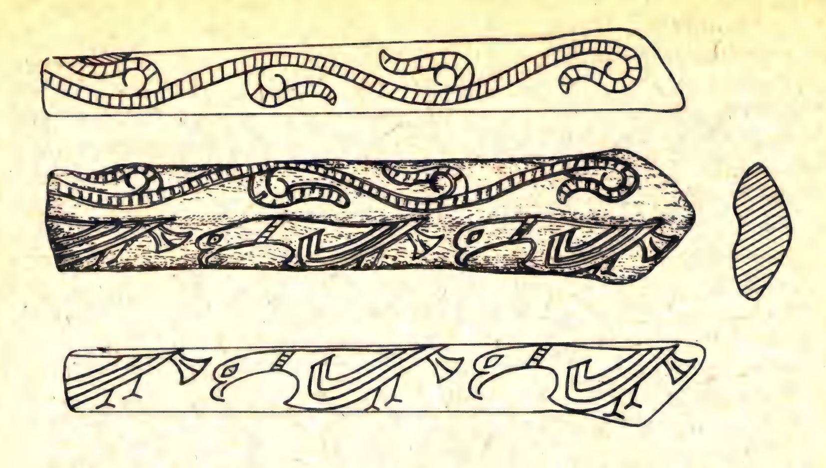
Из рук рязанских косторезов выходили принадлежности одежды и украшения: круглые пуговицы, стержневые застежки, фигурные нательные крестики. О популярности детской игры в бабки мы можем судить по находкам астрагалов домашнего скота, утяжеленных металлическими штырями. При азартной игре в кости — «зернь» — метали кубики с нанесенными циркулем очками на гранях от 1 до 6. Долгие вечера коротали за игрой в «шашки-шахматы», как то описано в одной из былин:

Сидят молодцы во белом шатре,
Во белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
В тыи велеи залоченыя.

Вырезанный роговой кружок из раскопок в Рязани с изображением пешего воина мог относиться к богатому набору для игры типа шашек или служить привеской. Массивная фигура воина в рост выполнена в высоком рельефе. Резчик точно передал детали костюма и оружия. Ратник одет в длинный подпоясанный кафтан из тяжелой ткани с оторочкой по подолу. Высокая шапка с узкой опушкой напоминает княжескую. Правой рукой дружинник сжимает меч с круглым навершием рукояти и широким, заостренным клинком. Левая рука воина покоится на миндалевидном щите. Длинное верхнее платье, мягкая шапка с меховой опушкой, меч как символ власти позволяют признать в воине знатного дружинника или князя.

К образцам объемной резьбы относится печать в форме современной шахматной пешки, выточенная на токарном станке. На ее круглом основании вырезано вглубь изображение святого Георгия — воина со щитом, копьем и мечом. Можно предположить, что на печати представлен небесный покровитель рязанского князя Юрия Ингваревича, погибшего при нашествии Батыя.

К редким поделкам относится рукоятка ножа с тонким гравированным рисунком. Композиция на гранях включает трех птиц, идущих друг за другом. Параллельно им вьется растительный побег. Интересно, что тождественная фигурка птицы вырезана на костяной пластине, найденной на киевском Подоле, у берега Днепра. Сходство настолько ве-

Костяная рукоятка ножа с резными изображениями птиц. Сверху и снизу — прорисовки орнамента на гранях рукоятки

лико, что в обоих изделиях усматривается рука одного мастера.

Из тонкой пластины исполнена выразительная по своему динамизму фигурка хищника семейства кошачьих. Острые зубы зверя обнажены, гибкая спина угрожающе выгнута. Как воплощение силы и ловкости, изображение барса в агрессивной позе могло украшать какой-то предмет вооружения.

Без археологии о простом трудящемся люде Древней Руси мы знали бы ничтожно мало. А ведь на этих безвестных работниках держалась набирающая силы экономическая жизнь городов. Из маленьких мастерских с главным мастером и одним-двумя учениками выходили произведения подлинного искусства. Только раскопки дают представление о многообразных эмпирических знаниях и высокой квалификации народных умельцев, об условиях их работы и быта. Язык немых вещей становится красноречивее письменных документов. Микромир вещи с исчерпывающей полнотой рисует творческую деятельность человека, часто владевшего несколькими специальностями по принципу «ремесло за плечами не виснет».

Археологические находки, будь то бытовые предметы или уникальные ювелирные украшения, свидетельствуют, что древние рязанцы великолепно знали свойства прос-

тых и драгоценных металлов, температурные режимы плавления (до 1000—1200 градусов!). Их кузнецы владели техникой цементации — насыщения поверхности стальных орудий углеродом для повышения их твердости, износостойкости. Яркие, насыщенные цвета эмалевых и стеклянных изделий, поливной керамики подтверждают знакомство с химическими особенностями минералов и растений. Каждая вещь несет ценную информацию об основанных на опыте познаниях людей той эпохи.

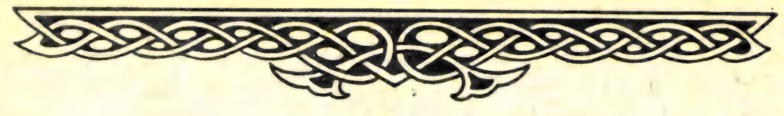
В открываемом нами вещном мире прослеживаются и такие явления, как пополнение рязанского населения пришлыми «рукодельными людьми» — выходцами из Киева или Чернигова. Растущему городу требовались ремесленники всех специальностей. Из «простой чади» — опоры княжеской власти — рекрутировалось войско. Недаром за убийство ремесленника, как и за убийство княжеского сельского старосты, «Русская Правда» устанавливает пеню в 12 гривен — в два с лишним раза больше, чем за убийство смерда и холопа.

...Тихим солнечным вечером, когда ползущие по раскопу тени все удлиняются, хорошо посидеть на земляных ступеньках, ведущих в расчищенное древнее жилище или мастерскую. На время забываешь об усталости, куда-то отступают мысли о повседневных делах и тогда возникает ни с чем не сравнимое умиротворяющее чувство сопричастности к бытию людей, навсегда затерянных в сумерках средневековья, что некогда жили и трудились здесь. Их смутные тени как будто облекаются в плоть, становится ощутимее связь поколений, таких близких и далеких одновременно. И невольно приходят на память строки Валерия Брюсова, тонко чувствовавшего старину поэта:

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

«Век за веком».

ГЛАВА 5
УЗОРОЧЬЕ РЯЗАНСКОЕ

Не то дорого, что красного золота, а то, что доброго мастерства.

Русская пословица.

У человека Древней Руси драгоценные изделия ювелиров-златокузнецов, отмеченные печатью тонкого вкуса, вызывали особое отношение, не тождественное нашему восприятию. Если современный художник оценит в первую очередь совершенство формы, мастерство владения материалом, виртуозность техники, то для средневековья было не менее важно духовное, нравственное начало, заложенное в произведении. По словам Кирилла Туровского, писателя и проповедника XII в., искусно сделанные золотые цепи, украшенные жемчугом и многоцветными каменьями, веселят наше зрение, но гораздо выше — духовная красота, равнозначная божественно прекрасному.

Поскольку, по воззрениям средневековья, все сотворенное богом совершенно, то признаком божественности рукотворной вещи являлась и чисто внешняя, зримая ее красота. Отсюда — стремление к высокому художественному уровню, редкостный дар тщательной отделки, когда преобладало одно стремление — сделать хорошо. Так возникал шедевр — изделие, доведенное до высшей степени артистизма.

Различные «художества», под которыми понимали все виды искусства, играли не только практическую, но и важную символическую роль. Символические толкования

распространялись и на церковную утварь, и на предметы светского церемониального обихода, например княжеские регалии. Сокровища князей и знати служили знаком высокого положения их владельцев, как бы заключали в себе их удачу и славу. Расцвет древнерусского художественного ремесла связан с эстетикой парадности, праздничного придворного церемониала во всем его великолепии. Блеск дворцовой жизни, пышные процессии, дары иноземным государям — средство укрепления государственного престижа, торжественная культовая обрядность требовали огромного количества предметов роскоши. Самые дорогие изделия исполняли по заказам князей, крупных вельмож, высшего духовенства.

Мы не знаем имен рязанских золотых дел мастеров, создателей неповторимых вещей, хотя они и занимали привилегированное положение среди других ремесленников: им покровительствовали знатные лица, им доверяли ценности — золото, серебро, самоцветы. Самым искусным был обеспечен достаток и почет: ведь они обладали особой душевной силой, что позволяло им создавать одухотворенные вещи. Разумеется, у прошедших школу наследственного ученичества (самый большой срок обучения — 10 лет) ювелиров высшей квалификации за плечами стояла длительная традиция. Их труд органично соединял старинные ремесленные навыки с собственным творчеством.

Однако средневековый мастер не ощущал себя творцом в современном значении слова: в те времена не противопоставляли высокое искусство ремеслу. Оригинальный мастер и простой ремесленник не различались — и того и другого равно считали «артистами». Даже самые талантливые вещи подписывали редко. Средневековый художник, вкладывая в работу свою великое терпение и прилежание, не считал ее сугубо личным делом: ведь, по его представлению, он только подчинял материал изначально заданной богом форме, а в создаваемых образах выражал коллективные мысли своего века. Личность средневекового умельца как бы растворялась в его «богоугодном» художестве: он высоко ценил свой труд, но в мирской известности и славе ощущал даже нечто постыдное, мешающее творчеству. Необыкновенно трудолюбивому и смиренному искуснику чужд был индивидуализм, типичный для художника Нового времени.

Какой же вклад внесла Рязань в развитие ювелирного дела Древней Руси?

РЯЗАНСКИЕ «БАРМЫ»

О необыкновенных богатствах Рязани сохранили воспоминание русские былины:

Хорошо-де Рязянюшка да изукрашена,
Красным золотом Рязянюшка да испосажона,
Скатным жемцюгом она бы да все искрашона.

От первоначального великолепия до наших дней уцелело немногое. Материальная ценность украшений из золота и серебра способствовала их массовой гибели. Множество произведений искусства переплавили в денежные слитки, разграбили во время междоусобных войн и особенно при нашествии Батыя, когда многие драгоценности зарывали в виде кладов. В Древней Руси клады называли «сребром или златом, скрытом в земле», «сокровищем» или «поклажей». До сих пор в деревнях бытуют легенды о баснословных кладах: так, в Старой Рязани рассказывали о золотом коне, якобы скрытом в валах городища. Случайные находки и археологические исследования на месте погибшего города позволяют судить об искусстве рязанских металлодельцев, особенно в изготовлении женских украшений.

6 июня 1822 г. крестьяне Устин Ефимов и Яков Петров, «отправляя земскую повинность», выпахали сохой у большой дороги в 200 шагах от Спасского собора на глубине три четверти аршина (около 50 см) золотые вещи, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом. Вес клада составлял 6 фунтов, то есть около 2,5 кг. Через посредство генерал-губернатора вещи доставили Александру I. Царь «всемилостивейше указать соизволил выдать помянутым крестьянам 10 000 рублей... найденные же вещи назначено было хранить в комнатах Эрмитажа Зимнего дворца». По поручению государственного канцлера и движимый «любовью к отечественным древностям», на месте сенсационной находки побывал Константин Федорович Калайдович — известный русский археограф-историк, принимавший деятельное участие в работе Московского общества истории и древностей российских. Он впервые описал клад и собрал сведения о других безвозвратно исчезнувших древностях, выпаханных на городище: о найденной в 1792 г. золотой короне, которая «не дойдя до рук начальства, изломана и распродана по частям: камни, если верить слуху, достались одному из тамошних помещиков. Тут же, в берегу Оки, найден золотой обруч с каменьями, неизвестно куда девавшийся... Вот сокровища, о которых гласит молва в Старой Рязани!» Украшения, обнаруженные в 1822 г., произвели такое

впечатление, что сам губернатор поручил Алексею Николаевичу Оленину, президенту Академии художеств и автору археологических работ, наблюдение «за верным срисовыванием старинных золотых богатых убранств». А. Н. Оленин не смог датировать вещи, которые впервые назвал «бармами». Такова история находки одного из самых великолепных древнерусских кладов (хранится в Оружейной палате Московского Кремля).

Исключительные по совершенству ювелирной техники и декоративности, украшения, созданные в княжеской мастерской и принадлежавшие княжеской семье, исследователи до сих пор традиционно именуют «бармами». Между тем бармами на Руси называли широкое матерчатое оплечье-воротник, отделанное жемчугом, драгоценными камнями в оправах, золотыми и серебряными медальонами со священными изображениями. Это пристежное оплечье, покрывавшее плечи, спину и грудь, относилось к числу церемониальных великокняжеских регалий вместе с венцом (шапкой Мономаха), скипетром, нагрудной иконой-крестом на дорогой цепи. Возлагаемые при торжественном обряде венчания на великое княжение, бармы впервые упомянуты в русских духовных грамотах только в первой половине XIY в.

В Рязани найдены не бармы, а наборы от двух эффектных ожерелий, состоявших из золотых ажурных бусин и крупных золотых медальонов диаметром от 7,5 до 10,7 см, декорированных самоцветами, жемчугом, филигранью, эмалевыми фигурами святых. На Руси такие нарядные ожерелья, принадлежность женского праздничного костюма, называли «монистами» — «великими, золотыми монистами».

В первое ожерелье можно включить три медальона с выполненными перегородчатой эмалью изображениями Богоматери и святых Ирины и Варвары, а также пять больших бус с жемчужной обнизью. Ко второму ожерелью относились шесть золотых медальонов со скаными (филигранными) узорами и самоцветами вместе с шестью овальными ажурными бусинами с красными камнями. В состав клада входили и две крупные золотые подвески-колты, диаметром 12,6 см, с эмалевыми фигурами юных мучеников — князей Бориса и Глеба на вставных щитках. Вокруг щитков жемчужная обнизь и широкая оправа со сканым орнаментом и большими самоцветами в гнездах. Оборотные стороны украшены сканым узором и драгоценными камнями. Колты — это большие полые подвески к женскому головному убору, которые носили на цепочках из тисненых колодочек — ряснах. Оба рязанских колта по

размерам и весу (почти 400 г) необычны для русских кладов. Очень изящны золотые подвески-сионцы в форме миниатюрного храма, декорированные эмалевыми пластинками с полуфигурами святых, а также золотые перстни с полыми щитками, яшмовые крестики в золотых оправах.

Старорязанский клад 1822 г. позволяет совершить паломничество в мир декоративно-прикладного искусства Древней Руси. Тонко учитывая эмоциональный эффект цветовой гаммы, мастера блестяще объединили разные виды техники: перегородчатую эмаль, скань, зернь в сочетании с драгоценными камнями — фиолетовыми аметистами, темно-синими сапфирами, сочно-зелеными изумрудами, прозрачным горным хрусталем. Особенно живописно на золотом фоне смотрятся красные и фиолетово-красные альмандины — минералы группы гранатов.

Слово «эмаль» принесено в Россию из Франции только в XIX в., древнее слово «финифть» — греческого происхождения, означающее блестящий камень. Этими терминами называют особый стекловидный сплав, окрашенный в разные цвета окисями металла. Например, окись меди дает бирюзовый цвет, окись серебра — желтый, окись олова окрашивает в белый, а золото — в красный. В Византии и домонгольской Руси расцвела техника многоцветной перегородчатой эмали на золоте, заключенной в ячейках, образованных тонкими металлическими полосками. На золотой пластинке чеканили углубление по контуру рисунка. Оно имело плоское дно и вертикальные стенки. В углубление напаивали на ребро узкие полоски-ленточки, выгибая их пинцетом (пинцеты ювелиров — нередкие находки на городище). Перегородками передавали черты лиц, складки одежд, орнаменты. После этого каждую ячейку мастер заполнял эмалевым порошком, смоченным водой, и после просушки обжигал. Затем следовала полировка изделия до блеска. Работа с эмалями, связанная с другими техническими операциями, требовала от мастера аккуратности, терпения и упорства.

Этими качествами в полной мере обладали греческие ювелиры — первые учителя киевских ремесленников. При археологических раскопках в Киеве близ Десятинной церкви обнаружили остатки мастерских, где вместе с другими украшениями делали и вещи с перегородчатой эмалью. Творчески переработав византийские традиции, русские умельцы овладели сложным и трудоемским искусством финифти, создав в XII в. местные школы эмальерного дела.

Рязанская мастерская, выполнявшая княжеские заказы, обнаруживает зависимость от киевских образцов: среди ювелиров могли быть выходцы из Среднего Приднепровья. Рязанские произведения отличает цветовая гамма, построенная на сочетании зеленого, голубого, синего, бирюзового, а также стремление к свободной передаче складок одеяний. Украшения из клада 1822 г., где объединены русские и византийские эмали, выявляют отличия тех и других. Для изделий византийцев характерны яркость, чистота и глубина цветовой палитры, чарующее благородство колористических сочетаний, мельчайших деталей рисунка, выполненного золотыми штрихами, что придает ему сходство с миниатюрами греческих рукописей. Византийские эмали отличаются высоким качеством полировки, большей прочностью и долговечностью: рязанские сохранились хуже. Но русские ремесленники оказались достойны своих наставников: тщательность работы, развитое чувство цвета, изысканность орнаментики поражают зрителя до сих пор.

Необычайна искусность мастеров скани (от древнерусского слова «скати», то есть — сучить, свивать нити; западноевропейское обозначение той же техники — «филигрань»). Рязанские «бармы» украшены ажурными или напаянными на золотой фон узорами из тонкой золотой проволоки. Сканщик, обладавший отличным зрением, точным глазомером и чувством пропорций, при плоской фоновой скани сначала наносил рисунок на поверхность металла. По рисунку пинцетом он выгибал и раскладывал отрезки круто свитой в веревочки скани, приклеивал и, наконец, припаивал их. При ажурной технике без фона части сканого узора мастер спаивал между собой. Способом ажурной скани исполнен золотой браслет-обруч из клада 1822 г. с орнаментом из спиральных завитков и бусины от монист.

Сложность и пышность «коврового» сканого узора вокруг эмалевых вставок и между самоцветами для древнерусского искусства уникальна. Одинарные или двойные жгутики скани, уложенные мелкими завитками, образуют сердцевидные фигуры с цветками лилии — «кринами» внутри, плавно изогнутые усики с шариком зерни на концах. Для создания глубины и рельефности декора сканые жгутики припаивали только по краям, приподнимая над поверхностью фона. Особую воздушность, игру светотени на медальонах придавала двухъярусная скань: поверх одних узоров напаивали другие. Верхние завитки, переплетаясь с нижними, образовывали легкий, изысканный орна-

мент. Гнезда с самоцветами местами приподняты над поверхностью на ажурных сканых арочках, так что свет проникал снизу, пронизывая камень. До сих пор редкостно обработанные украшения, покрытые золотым кружевом скани и усыпанные «победившими столетия» самоцветами, оказывают гипнотическое воздействие на зрителя. Сотканный из сказочных трав и цветов, орнамент обволакивает самоцветные камни, которым приписывали колдовские свойства, окружает образы святых заступников, как бы парящие на золотом фоне.

К шедеврам ювелирного дела относится случайная находка на городище: миниатюрная золотая оправа с крестовидной прорезью (3,6х3,6 см). Ее украшают 12 камней — аметисты, сердолик, горный хрусталь, а вся поверхность покрыта крохотными золотыми цветками на проволочных спиральных стебельках.

Усложненная двухъярусная скань, самоцветы, приподнятые на сканых арочках, многолепестковые цветки со свободно закрепленными стебельками связывают украшения из Рязани с произведениями западноевропейского художественного ремесла XII—XIII вв. Таковы реликварий из Страсбурга, чаша, хранящаяся в ризнице собора Сан Марко в Венеции. Возможно, рязанские умельцы изучали какие-то привозные произведения романского ювелирного искусства, что бережно хранили в княжеской сокровищнице. Не исключено и тесное сотрудничество разноязычных мастеров, в том числе русских, византийцев, выходцев с католического Запада — «латинян» в самой Рязани, что вело к взаимообогащению искусства различных народов.

«ЛАРЕЧНАЯ ЖЕНСКАЯ КУЗНЬ»

В Древней Руси под словом «кузнь» обычно понимали сочетание любых металлических или же ювелирных изделий из золота и серебра. «Женской кузнью» называли фамильные драгоценности, предметы парадного убора, которые бережно хранили в ларцах и передавали по наследству от поколения к поколению.

Всего из Старой Рязани происходит 13 кладов. Из них 10 обнаружено в результате кропотливого труда археологов. В состав некоторых кладов входят палочкообразные и шестиугольные серебряные денежные слитки-гривны, но преобладают женские серебряные украшения, поража-

ющие виртуозной техникой исполнения и утонченным вкусом. Они обнаруживают руку серебряных дел мастеров высшей квалификации. Искуснейшие ювелиры обслуживали семьи князей, их бояр и дружинников. К их произведениям относятся знаменитые «бармы», сокровища, найденные в 1966—1967 гг. на месте сгоревшего боярского двора, богатый клад, обнаруженный в 1970 г. Небольшие, сравнительно скромные клады принадлежали состоятельным горожанам — ремесленникам, торговцам, людям, связанным с аристократическими верхами. Частью драгоценных вещей владели, видимо, и рядовые жители города. В печке ничем не примечательного жилища были спрятаны звездчатые колты, трехбусинные височные кольца, ожерелье, каменные крестики в серебряных оправах, цепь из серебряных бляшек. Похожие наборы украшений и два перстня нашли на полу землянки. И совсем уж скромный клад мы обнаружили в подпечной яме сгоревшего дома: каменные крестики в серебряных оправах, бусы из серебра, стекла, халцедона и горного хрусталя, височное кольцо.

Рязанские серебряники безукоризненно владели такими сложными приемами, как скань, зернь, чернь, позолота.

Сканые узоры нередко дополняли зернью — мелкими гладкими шариками из золота или серебра. Применение зерни разнообразно: она окаймляла части предмета, образовывала орнаменты из треугольников и ромбов. На звездчатых или лучевых колтах, особенно многочисленных в рязанских кладах, шарики зерни правильными рядами сплошь покрывают лучи. На поверхности одного колта их около 5 тыс. Каждый шарик заключен в микроскопическое проволочное колечко, еле видимое невооруженным глазом. Гнезда-колечки не позволяли шарикам зерни спаиваться между собой.

Для получения огромного числа одинаковых шариков ювелир наматывал проволоку на цилиндрический стержень и разрезал эту спираль. Равные по размеру, несомкнутые колечки пересыпали угольной пылью и плавили в тигле. На древнерусских украшениях со сканью и зернью, удивляющих чистотой работы, совсем не заметен припой. Утерянный секрет древней техники разгадали недавно. Оказывается, мастера смазывали детали сканого узора и шарики зерни амальгамой из золота, серебра и ртути. Когда предмет сильно нагревали, ртуть испарялась, а части орнамента прочно соединялись с основой.

Ремесленники Рязани в совершенстве владели секретами искусства черни. Черневые орнаменты красовались на

блестящей поверхности вещи или же, наоборот, — на черном фоне эффектно выделялись позолоченные рисунки. В состав черни входили серебро, медь (или олово), свинец и сера в определенных пропорциях. При плавке порошок из этих металлов, тонким слоем нанесенный на предмет, легко и прочно соединялся с поверхностью.

Бархатисто-черный цвет черни особенно красив на золоте. Золочение серебряных украшений «через огонь» производили нанесением амальгамы из соединения золота с ртутью. Когда покрытую амальгамой вещь разогревали — ртуть испарялась и восстановленное золото равномерно покрывало предмет.

Техникой гравировки по металлу, требовавшей точного глаза и твердой руки, создавали контурные рисунки, выполненные резцом. Для объемных, полых украшений — колтов, колодочек от цепочек, конусовидных подвесок, бусин и височных колец — ювелиры использовали технику тиснения с применением цельнолитых матриц. Тонкий лист золота или серебра накладывали на медную матрицу и, ударяя по нему молоточком, получали выпуклые детали украшений, которые спаивали друг с другом. Швы в местах спайки маскировали металлическими валиками. При раскопках найдены матрицы для тиснения полуцилиндрических колодочек, лилиевидных подвесок к ожерелью, частей лучевых колтов. Инструментарий золотых и серебряных дел мастеров представлен молоточками для чеканки, клещами-кусачками, зубилами и резцами по металлу, пинцетами.

Рязанские искусники обладали безукоризненным декоративным чутьем, умело связывая орнамент с формой предмета, достигали почти магической красоты в сочетании золота, полихромных эмалей, сверкающих самоцветов и жемчуга, добивались эффектного контраста матового черного фона с оставленными в серебре или позолоченными фигурами. Благодаря свободной гравировке от руки даже одинаковые рисунки различались в деталях. Изощренность художников-ювелиров, истинных законодателей мод, достигла в XII—XIII вв. предельных высот. Искусство верхов общества служило эталоном прекрасного, задавало тон, но и самые утонченные образцы были близки вкусам и понятиям всех людей того времени.

Старорязанские клады важны для воссоздания праздничного женского костюма — «цве́тного платья» русских былин. Наборы украшений из драгоценных металлов составляли единый ансамбль с одеждой из узорчатых привоз-

ных тканей. И знатные владелицы узорочья, и простые горожанки носили одинаковые по покрою наряды, различавшиеся только стоимостью материала. Длинные, широкие в подоле, с просторными рукавами, женские парадные одежды скрывали фигуру, придавали поступи плавность и величавость. Выходной костюм с полным комплектом драгоценных украшений надевали только в торжественные праздничные дни. Впервые в таком роскошном уборе девушка могла щеголять на свадьбе, он составлял часть приданого. Клады зачастую содержат несколько наборов украшений: по два-три ожерелья, до пяти пар колтов, две пары браслетов.

По назначению ювелирные изделия разделяются на украшения головного убора, шейные и нагрудные, ручные.

Серебряные с чернью колты, обнизанные крупными полыми шариками, и лучевые колты носили на цепочках из колодочек по 10—12 звеньев в каждой. Прикрепленные к матерчатому налобному венчику-очелью или кокошнику с золотым шитьем и металлическими бляшками, колты красиво обрамляли лицо, слегка касаясь щек. К очелью крепили изящные большие подвески с полым коническим верхом и свисающими цепочками. На мелодично звенящие при движении цепочки нанизывали круглые и ромбические бляшки, орнаментированные зернью. Конусовидные подвески — замечательный пример благоговейного отношения средневекового мастера к своему делу: основание конуса, то есть та часть, которая вообще не видна, покрыта поразительным по тонкости узором из мельчайших проволочных колечек, припаянных друг к другу. Много в кладах Рязани серебряных височных колец с тремя гладкими или ажурными бусинами, нанизанными на проволочную дужку. Их носили в сочетании с колтами: крепили под налобной повязкой возле ушей по нескольку штук у каждого виска или использовали как серьги. При отсутствии колтов трехбусинные подвески располагали вертикально — на лентах, обрамлявших лицо, а девушки вплетали их в волосы.

На предлагаемой реконструкции костюма богатой рязанской горожанки представлена рогатая кичка с золототканым очельем — восходящий к древности парадный головной убор замужних женщин. Район его распространения — бассейн среднего и верхнего течения Оки, входивший в XII—XIII вв. в состав Рязанского и Черниговского княжеств. Рогатую кичку до сих пор надевают на свадьбы в деревнях Михайловского, Захаровского, Скопинского

Головной убор знатной горожанки. К шитому золотыми нитями венчику-очелью прикреплены трехбусинные височные кольца. На цепочках из колодочек свешиваются лучевые привески-колты. На шее ожерелье из крупных серебряных бусин, украшенных зернью и сканью. Возможно, к древности восходит рогатая кичка, распространенная в конце XIX — начале XX в. у крестьянок Михайловского уезда Рязанской губернии. Реконструкция В. П. Фролова.

районов Рязанской области. Нередко очелье декорировали бусами и бисером. Упоминание о кичке («чело кичное») впервые встречаем в письменных памятниках XIV в., но возникновение ее относится к более раннему времени.

Рязанские модницы любили сережки разных форм и размеров. Маленькая сережка из трех жемчужин в позолоченной оправе найдена при раскопках боярской усадьбы.

Бронзовый литой перстень с углубленным изображением барса

Особенно гордились ожерельями-монистами из крупных овальных бус-пронизок, к которым подвешивали круглые медальоны, кресты, полые подвески-сионцы в форме церковки. «Великое, златое монисто» не только поражало красотой, но в народных представлениях обладало и целительной силой, даровало благополучие владелице узорочья. Серебряные бусы, спаянные из двух половинок, украшены зернью, сканью и полусферическими выпуклостями.

Широкие пластинчатые браслеты из двух створок в Древней Руси называли «обручами» (то, что надевается на руки, охватывает руку). Двухстворчатые браслеты охватывали у запястий длинные, просторные рукава праздничной женской рубахи. В кладах встречены и браслеты, витые из толстой проволоки. По способу плетения они примыкают к браслетам, характерным для курганов вятичей. Но, в отличие от незатейливых деревенских украшений из меди, они серебряные и на концах украшены стеклянными вставками в оправах.

Перстни с полыми щитками декорированы чернью и гравировкой. Мужской перстень из клада, найденного в 1979 г., мог принадлежать духовному лицу: на щитке вырезан крест на Голгофской скале среди стилизованных пальмовых ветвей. Щиток другого перстня украшен гравированным изображением хищной птицы с поднятыми крыльями. Из раскопок происходит литой бронзовый перстень с фигурой барса на круглом щитке.

Все типы украшений, найденных в кладах, характерны не только для Рязанского, но и для других южнорусских княжеств, особенно Киевского и Черниговского. Культурные контакты Рязани со Средним Приднепровьем никогда не ослабевали: серебряное дело стольного города впитало лучшие традиции искусных ювелиров Киева и Чернигова. Некоторые мелкие детали исполнения вещей и сами наборы зарытых драгоценностей, отмеченные единством стиля, свидетельствуют о местном происхождении большинства украшений. Мастера Рязани, овладев ценой тяжких трудов самым трудоемким из искусств, внесли свой вклад в развитие ювелирного ремесла Руси. Они обогащали орнамент новыми мотивами или по-своему сочетали уже известные. Рязанские щеголихи особенно любили ожерелья из больших бус и позолоченных медальонов с черневыми фигурами, щумящие подвески с конической верхушкой. Узкие головные венчики-очелья из шелка на берестяной основе декорировали трехбусинными кольцами, скрепленными друг с другом.

БОРИС И ГЛЕБ

Полевой сезон 1970 г. начался многообещающе. Как обычно, экспедиционная машина выехала из Москвы ранним погожим утром, но, когда, миновав Спасск, мы переправились на пароме через Оку и, порядком измотанные, достигли своего лагеря, уже сгущались сумерки. Выгрузили оборудование и зашли в дом, чтобы обсудить планы на ближайшие дни. Тут-то и раздался стук в дверь...

На развернутой тряпице тусклой позолотой мерцали медальоны с рисунками процветших крестов, на позеленевшем серебряном обруче различались фигуры барсов, птиц, диковинных растений. Стало ясно: этой весной наш посетитель выпахал на городище часть богатого клада, но о месте находки предпочел умолчать.

Помог счастливый случай. В начале июля над Старой Рязанью прошли обильные ливневые дожди. Я бродил по пашне, поднимая то обломок стеклянного браслета, то ножик или шиферное пряслице, вымытые из земли. Вдруг под ногами что-то блеснуло.

Передо мной лежал серебряный с позолотой медальон от ожерелья. На черневом фоне безвестный гравировщик вырезал поясную фигуру юноши с длинными локонами и выделенными чернью широко раскрытыми глазами. На го-

лове юноши княжеская шапка с полусферической тульей и меховой опушкой. Поверх рубахи надет плащ-корзно. Голова юноши окружена нимбом, перед грудью он держит мученический крест. Знание иконографии, то есть правил, которых придерживался художник при изображении религиозных сюжетов или лиц, позволило легко определить, что на медальоне представлен святой Глеб. С именем этого князя связана одна из самых кровавых трагедий начала XI в. На месте находки мы заложили раскоп, в котором обнаружили замечательный клад, впоследствии описанный и изданный отдельной книгой.

Глеб и его старший брат Борис — лица исторические, сыновья Владимира I, крестителя Руси, предательски убитые в 1015 г. своим сводным братом «Святополком окаянным». Острую политическую борьбу за власть после смерти Владимира отразило анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» — канонический образец княжеского жития. Защищавшее идею старшинства в великокняжеском наследовании, «Сказание» глубоко драматично и эмоционально, окрашено в лирические тона. Стремясь укрепиться на киевском столе, «треклятый» Святополк, этот «второй Каин», замыслил устранить опасных соперников, любимцев того, кто «святым крещением просвети всю землю Русьску». «Блаженный и скорапослушливый» Борис правил в Ростове, «благоверный» Глеб — в Муроме. При возвращении Бориса из похода на печенегов отцовская дружина предложила силой добыть киевский стол молодому князю, но тот отказался поднять руку на старшего брата, заявив о готовности почитать его как отца. «Злое убийство» было предрешено. На реке Альте юго-восточнее Киева Борис принял мученический венец. Накануне в смертной тоске он долго «плакашеся сокрушеным сердцем» в своем шатре, а после заутрени, когда, окончив псалмопения, прилег на постель, наемные убийцы Святополка пронзили «страстотерпца» копьями вместе с его верным слугой. Следующей безвинной жертвой Святополка, «свирепа звери душу имеюще», стал младший — Глеб. Братоубийца заманил его в ловушку: прислал гонца в Муром, велев сказать князю: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Не подозревая обмана, Глеб отправился в Киев с малой дружиной и у Смоленска на речном судне-насаде остановился в виду города. Здесь его и настигли «немилостивые кровопийцы» с обнаженными мечами. Напрасно Глеб, обливаясь слезами, просил пощадить его

юную жизнь. Это страстный вопль охваченной ужасом души: «Помилуйте уности моей, помилуйте, господье мои! Вы ми будете господие мои, аз ваш раб... Не пожнете колоса, не уже созревша, но млеко беззлобия носяща! Не порежьте лозы, не до конца воздрастоша, а плод имуща!» Но жестокосердные «слуги-бесы» не вняли мольбам. Главный из убийц, Горясер, велел немедленно убить Глеба. Вынув нож, повар Глеба по имени Торчин зарезал его, «как безвинного ягненка».

Злодейство сопровождалось небесными знамениями: купцы, пастухи и охотники, проходившие близ тела Глеба, брошенного в пустынном месте, видели то огненный столп, то горящие свечи, слышали ангельское пение. Коварный Святополк, «прилагавший беззаконие к беззаконию», был побежден в решающей битве Ярославом Мудрым, носителем божественного возмездия. Одержимый болезнью («раслабеша кости его»), он бежит и испускает дух в безвестном краю «меж чехами и ляхами». «И есть могыла его и до сего дне, и исходить от нея смрад злыи на показание человеком».

Христианские добродетели невинноубиенных князей, как их рисует летопись, — душевное величие и незлобье, милосердие и послушание — создали основу для канонизации братьев-мучеников. В двуедином образе Бориса и Глеба (в произведениях искусства они всегда сопутствуют друг другу) видели пример нравственных норм христианства, враждебных жестоким языческим нравам. Страстотерпцы предпочли мученическую кончину ради утверждения гуманных заповедей: они кротки сердцем, отвечают на зло добром, не противятся насильникам.

Но образы русских первомучеников получили и особое публицистическое звучание: они самоотверженно послужили делу оберегания Руси от междоусобной брани. Праведники предпочли скорее погибнуть, чем нарушить братское единение князей, положили жизнь ради укрепления устоев молодого государства. При лютых княжеских распрях духовенство не упускало случая напомнить о страдальческой кончине братьев, чтивших родовые понятия старшинства. Борис и Глеб стали первыми официально канонизированными русскими святыми — род княжеский и вся Русская земля приобрели «молитвенников за новые люди христианские и сродники свои, земля благословилась их кровию!» Академик Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «Политическая тенденция культа Бориса и Глеба ясна: укрепить государственное единство Руси на основе строгого выполне-

ния феодальных обязательств младших князей по отношению к старшим и старших по отношению к младшим». Канонизация «богоблаженных» преследовала и иную цель: создание своего церковного олимпа, своих святых покровителей, что упрочивало авторитет Руси в ее борьбе с Византией за церковную и политическую самостоятельность. Установление почитания «святых угодников» свидетельствовало, что и Русь отныне обладает бесспорными общехристианскими заслугами.

Являясь в душе иноками, Борис и Глеб оставались дружинными вождями. Их умами владели не только идеи самопожертвования в борьбе с дьявольскими кознями, но и идеалы воинского героизма в битвах с иноплеменниками. Святые молебники перед богом о благоденствии Русской земли выступают и как воины-защитники, посылающие победу своим «сродникам». Ратниками, готовыми к самоотверженному подвигу, представлены Борис и Глеб на небольшой шиферной иконке, хранившейся в ризнице Солотчинского монастыря. Она выполнена рязанским мастером в лучших традициях искусства мелкой пластики XIII в. Святые изображены пешими воинами в княжеских шапках и плащах-корзнах, в боевых доспехах. В правой руке братья держат перед грудью кресты, в левой — мечи в ножнах. У старшего — Бориса — маленькая бородка и усы, Глеб представлен безусым и безбородым.

В Рязани, как и в Киеве, культ Бориса и Глеба, небесных заступников князей и дружин, пользовался особой популярностью. Кафедральный храм рязанских епископов и усыпальница князей получил название Борисоглебского. Его главной святыней почитали икону с образами этих покровителей Руси. Вернувшись в разоренную Батыем Рязань, князь Ингварь Ингваревич взывает к заступничеству Богоматери, к помощникам в битвах — Борису и Глебу. Известны рязанские печати с их изображениями. Поскольку Глеб правил в Муроме, его чтили как избранного, местночтимого святого, предшественника муромо-рязанских князей и личного их патрона.

Образы святых, подобных Борису и Глебу, в сознании народа наполнялись конкретным жизненным содержанием. Распространение легенд о чудесах мучеников способствовало глубоко эмоциональному, личностному отношению к их изображениям. На рязанских женских украшениях Борис и Глеб с крестами, но без воинских атрибутов, выступают в облике чудесных врачевателей и страстотерпцев, которым ниспослана «от бога благодать целебная в стране сей». По

словам летописца, они помогали обездоленным, «хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение, гонимым избавление». В сочетании с процветшими крестами — символами вечного обновления и бессмертия (монисто из клада, найденного в 1970 г.) — изображения тех, кто «горести и болезни отгонял, страсти злые исцелял», служили действенными амулетами. Своей чистотой и невинностью особенно привлекал обладательниц украшений образ Глеба, младшего брата.

В народе культ Бориса и Глеба подвергся полуязыческой редакции. Введенный в 1072 г. православный праздник в память первых русских святых приходится на 2 мая и никак не связан с датами смерти юных княжичей. По мнению академика Б. А. Рыбакова, этот день намеренно совместили с древним земледельческим празднованием первых всходов. «Борис Хлебник», как его называли крестьяне, вместе с Глебом вытеснили какие-то языческие божества плодородия. На рязанских колтах по сторонам Бориса и Глеба помещены эмалевые цветки — символы вечно возрождающегося юного растительного мира. В прославлении Глеба читаем, что он был «акы цвет цветый в уности своей». Условно показанное «древо» — знак душевной стойкости и высоких устремлений человека, символ жизненной силы в природе и райских кущ.

Искусство Древней Руси унаследовало у Византии сложную символику цветов. На эмалевых щитках колтов из клада 1822 г. обилие темно-голубого (плащи-корзна) и бирюзового (нимбы, цветы лилии) придают фигурам Бориса и Глеба трепетную воздушность. Цвета небосвода напоминали о вечности, о недоступных познанию сверхмирских тайнах. Кроваво-красным, цветом мученичества, окаймлены нимбы. Того же пламенного цвета крестовидный узор на корзнах. Кресты в руках святых белые, что означало божественный свет и нравственную чистоту. Красный цвет княжеских шапок и кафтанов отвечал действительности: самыми нарядными княжескими одеждами считали червленые (темно-красные) и багряные.

Золотые складки облачений и золото фонов на рязанских колтах и медальонах словно отрывали фигуры от «греховной земли», перенося их во внепространственную и вневременную среду. Золото в Древней Руси — знак высокого общественного положения, материального богатства. «Магия золота», оказывая чувственно-гипнотическое воздействие, олицетворяла княжескую роскошь, служила

прославлению властителей. В «Слове о полку Игореве» князь вступает в «злат стремень», «посвечивает златым шеломом», садится на «стол (престол) злат», терем у него «златоверхий». В древнерусских представлениях о прекрасном нетленное золото знаменовало стихию солнечного света как источника жизни, оно одновременно и духовный символ-образ божественной энергии, блеска истины господней, совершенства. Сверкание благородных металлов сродни незапятнанности мучеников, подобных Борису и Глебу. На золоте лежал отблеск рая, где они пребывали «в радости бесконечной, в свете неизреченном». Средневекового мастера волновали не столько реальные краски окружающего мира, сколько увиденные им «духовным оком». Отсюда и условная, подчас фантастическая цветовая гамма русских икон.

В перегородчатых эмалях, в мозаиках, фресковой живописи и иконописи Руси святость персонажей зримо проявлялась в традиционной фронтальности фигур, ориентированных на зрителя, их четкой силуэтности и плоскостности, в застывших позах и ритуальности жестов. Печать самоуглубленности, духовности, чуждой мирским страстям, лежит на строгих ликах. Напряженный экстатический взгляд широко раскрытых глаз воспринимали как мистическое истечение благодетельной и животворящей энергии святого.

Символична и форма круга, характерная для украшений костюма: издавна он служил обозначением вселенной и космоса.

Я намеренно так подробно остановился на одном, но очень показательном сюжете для осмысления «микромира вещи». Предметы роскоши из золота и серебра — свидетельство не только технического умения, развитого чувства красоты, богатства и социального престижа обладателей драгоценностей. Утилитарное применение не противоречило их глубокому смысловому значению. Образы первых русских святых Бориса и Глеба — факт политической истории и факт искусства. «Коллективное подсознание», эмоционально-психический склад людей XI—XII вв. еще оставались во многом языческими. Изображения Бориса и Глеба в прикладном искусстве отразили и официальную, и частную сферы жизни, их образы относятся как к христианской, так и к светской культуре, между которыми в средние века не было резких границ. Изучение вещи как исторического источника позволяет нам воссоздавать верования и психологию того общества, в котором мировоззренческие

идеалы христианства мирно уживались со стародавними дедовскими обычаями.

ПО РУСИ ГУЛЯЛИ СКОМОРОХИ

Произведения мастеров по металлу позволяют нам заглянуть в затерянный мир языческой старины. Тесно связанные с народным творчеством, златокузнецы чувствовали себя свободнее от жестоких канонических предписаний, чем создатели фресок и мозаик. Преображая мир в духе древних преданий, включая в него образы странных существ — сирен, грифонов, кентавров, объединяя неживое и живое по законам мифа и сказки, где люди, звери и растения действуют заодно, мастера вносили в свои произведения мотивы, чуждые аскетическому христианскому мировоззрению.

...В 1966 г. на краю береговой возвышенности в западной части городища мы вели исследование погибшей в огне богатой боярской усадьбы. Для выяснения границ здания, прослеженных по мощному угольному слою, от раскопа заложили пробную траншею. И когда у самого ее конца лопата одного из рабочих звякнула о металл и в ход пошли ножи и кисти, мы поняли, что этот начавшийся так буднично день подарил нам редкую удачу.

Клад был зарыт на глубине всего 25 см. Сложенные компактно вещи завернули в полотняную ткань. Внутри двух широких браслетов-обручей лежали серебряные денежные слитки-гривны. В состав сокровища входили еще два браслета, витых из толстой серебряной проволоки.

Оба серебряных обруча из двух полукруглых створок на шарнирах оказались необычайно интересны. Изображения обрамлены позолоченной рубчатой проволокой, образующей арочки и прямоугольные клейма. Фигуры гравированы мелкозубчатыми линиями и оставлены в серебре, фон покрыт чернью.

На одном из обручей в средней арочке представлен гусляр в платье скомороха: колпаке, вышитой рубахе и щегольских сапожках. Он сидит на узорчатой лавке из цельного куска дерева, ее ножки — естественные сучки. Музыкант играет на крыловидных пятиструнных гуслях — былинных «гуселках яровчатых», излюбленном инструменте древнерусских сказителей. «Гусельныя словеса» — желанное развлечение в домашнем и придворном быту. Со

«звончатыми» гуслями ходили от села к селу «веселые молодцы» скоморохи — «гудцы» и «игрецы», «гусленые гласы испущающие», как о том повествует русская былина:

Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку.

При раскопках в Новгороде в жилых домах XI—XIV вв. обнаружены целые корпуса и детали таких же, как на браслете, гуслей. Самые ранние имеют пять струн: музыковеды считают пятиструнность соответствующей пятитоновому ладу русской народной песни.

Под арочкой справа от гусляра сидит игрец с другим «гудебным сосудом» — прямой дудкой-свирелью в руке, отхлебывающий из чаши хмельное питье. Во время празднеств пиршественная утварь получала обрядовое осмысление, а священные напитки в архаичных поверьях даровали мудрость и поэтическое вдохновение. На рязанском обруче инструментальная музыка скоморохов («гудьба», «бряцание», «сопение») неотделима от «песен бесовских» и «плясовой игры».

По левую сторону от гусляра представлена девушка-плясунья, пьющая из сосуда с пьянящим ритуальным зельем. На танцовщице нарядная рубаха с покрытыми вышивкой воротом и подолом. Очень широкие и длинные, распущенные для пляски рукава свисают почти до земли. Взмахивая ими, как крыльями, в такт мелодии, танцовщицы учащали «говорящие» движения рук в самые экстатические моменты пляски. Как и хоровод, «многовертимое плясание» — танец обрядовый. Плясунья простоволоса, в косу вплетена лента-косник. Наши предки верили, что распущенные непокрытые волосы придавали танцовщицам чародейную силу, — девушки распускали их при ворожбе и гаданиях. На Руси замужняя женщина тщательно закрывала волосы. «Простоволосая баба» могла якобы както вредить окружающим, «светя волосом». Отсутствие головного убора у «вещих женок», «чаровниц», волхвиц — одна из примет нечистой силы — русалок, кикимор. Поскольку длинные рукава и понева танцовщицы украшены волнистыми линиями и орнаментом «гусиные лапки» знаками водной стихии, можно думать, что сценка изображает магическое моление о дожде.

Языческий смысл плясания под «гудение струнное» подчеркнут звериной маской у ног танцовщицы. Машка-

ры — атрибут скоморошьих потех — известны из раскопок в Новгороде. Кожаные маски-скураты в виде человеческого лица имеют прорези для глаз, носа и рта, зубы намечены зигзагообразной линией, нос-клапан пришит. Церковные авторитеты осуждали ношение «харь», «личин косматых и зверовидных», утверждали, что ряженые, теряя образ человеческий, совершают вопиющее святотатство. Маскированных побаивались, наделяя магическим даром: в воображении народа — это чаровники, ведуны. Во всей Европе ряженье восходило к аграрным языческим празднествам. «Маскоблудные действа» разыгрывали в периоды солнцестояний, что указывает на связь с солярным культом, на святочных и масленичных карнавалах с их почитанием умирающих и воскресающих божеств плодородия. Цель перевоплощения человека в иное существо — заклинательными приемами обеспечить крестьянскому дому покровительство высших сил.

На рязанском браслете песнопевец-гусляр, дудочник и плясунья-ворожея, творящие «службу идольску», связаны с соседними изображениями. Привлеченные чудными звуками, птицы над гусляром, символы небесной сферы, олицетворяли вдохновение, дар предсказания. Верили, что эти всевидящие посредники между землей и небом провидят будущее. Пророческий грай птиц словно вторит «рокотанию» «живых струн» прорицателя-гусляра. «Вещие» птицы — надежные оракулы, провозвестницы погоды, они служили календарем крестьянам. Гадания по птичьему полету церковь осуждала как демонские.

На второй створке обруча в средней арочке помещен грифон — крылатый лев с орлиной головой, в боковых — фантастические создания, напоминающие сиринов. У них человеческая голова в остроконечном колпаке, как у скоморохов, птичье туловище с двумя звериными лапами и змеевидный хвост. Как известно, с античного времени сирены, как и русалки русской мифологии, — обольстительные существа с божественным голосом, заманивающие смертных в водную пучину (в христианской символике — на путь греха) очарованием музыки и песен. Сирены с лицами скоморохов на браслете олицетворяют стихию запретных «сатанинских игрищ»: они явно привержены «лести дьявольской», а не «божественным словесам».

Таким образом, на рязанском браслете развернута сцена скоморошьих действ, против которых с XI и вплоть до XII в. выступало русское благочестивое духовенство. «Сборища идольские» сопровождались инструментальной музыкой,

«песнями пустошными», плясками мужчин и «кощунниц бесовских», играми ряженых в «хари», обильным пиршеством и воинскими ристаниями. На Руси еще долго после принятия христианства продолжали чтить прежних языческих богов или поклоняться новым святым в старой дохристианской форме. Несмотря на обличения моралистов, языческая обрядность, вдохновлявшая мастеров, продолжала сохраняться «по оукраинам», в том числе в Рязанской земле. Сосуществование на украшениях христианских мотивов со сценами «кумирских празднований» свидетельствует о том, что, вопреки богословской ортодоксии, народ не видел в своих увеселениях ничего противоречащего истинному благочестию. Заклинательные обряды и суеверия языческой поры уживались с исполнением приписываемых церковью дел и ритуалов. Христианство и язычество в Древней Руси — разные проявления единого восприятия мира человеком, еще не выделившимся из природы.

Декор на обручах говорит о связи бытового уклада богатого боярского двора, а не только низших сословий, с праздничной культурой Руси, уходящей корнями в языческое прошлое. «Безчинныя» скоморохи участвовали в свадьбах и поминках, в зимних и весенне-летних празднествах аграрного календаря, без них не обходились и пиры знатных людей. В те времена здравица — слово доброго пожелания на пиру — сулила тому, кому высказывалась, довольство, счастье, крепость тела и успех в делах. Дружинные певцы-сказители облекали эти благопожелания в непревзойденную художественную форму. «До господарских потех охочи», «на пирование тщивы» — так писал о рязанских князьях автор похвалы их роду. В русских былинах поэты-певцы и скоморохи — желанные гости на праздничных княжеских застольях. Торжественные трапезы включали театрализованные действа с плясками в масках, игру на гуслях и других инструментах, пение эпических «слав» о воинских подвигах и победах. «Солнышко-князь» Владимир радостно приветствует переодетого скоморохом богатыря Добрыню:

Ай же ты, детина приезжая,
Скоморошная, ѓусельная!
Для чего ты долго проживаешься,
Проедаешься, пропиваешься,
Нейдешь к нам на почестен пир.

На втором обруче из того же клада изображены драконы, грифон и лев. Растения, птицы и звери, похожие на барсов или волков, украшают браслет клада, обнаруженного в 1970 г. Судя по сходству декоративного оформления, обручи женской «кузни многоценной» выполнены в одной мастерской. Ювелиры, работавшие по заказам рязанской аристократии и имевшие доступ к книгохранилищам, усваивали мотивы рукописной орнаментики. В клеймах браслета появляется сложный узел плетенки и подражание заглавной букве-инициалу. Стремясь к обогащению орнаментального убранства, серебряники черпали вдохновение из разных источников, в том числе и книжной миниатюры. По витиеватости легкого, гравированного рисунка в стиле рукописной заставки или инициала не имеет равных колт, где на черневом фоне представлен дракон в извивах ленточной плетенки. У чудовища маленькая головка на вытянутой шее, крылья и пара коротких лап.

В XII—XIII вв. в искусстве Руси звериные мотивы получили огромное распространение. Причина их популярности коренилась в мировоззрении средневековья, когда символизм, особенно «зоологический», был душой искусства, а научного естествознания еще не существовало. «Зверинец» древнерусского искусства являл собой неисчерпаемую сокровищницу символов. Множественность смысловых оттенков сопровождалась причудливым разнообразием образов экзотических и фантастических существ. Как мы видели на примере обруча со скоморохами, к раскрытию смысла звериных мотивов следует подходить конкретно, связывая их с соседними сюжетами.

Велика тяга человека тех времен к необычному, чудесному. Средневековая география, не знавшая четких граней между выдумкой и истиной, полна фантастических измышлений о баснословной фауне сказочного Востока. Свою страсть к «звериному» декору, где местных животных вытеснили полуптицы-полудевы, львы, грифоны, кентавры, драконы, слоны и другие как бы вышедшие из глубин Азии диковинные создания, не скрывали и древнерусские скульпторы, украшавшие белокаменными рельефами фасады храмов, и создатели женской «гривной утвари», и искусные ткачи. Многоцветные узоры «звериного» стиля покрывают страницы книг.

Как мог возникнуть на русской почве этот странный «зверинец», как проникли на далекий север мифологичес-

кие существа, восходящие к образотворчеству древних рабовладельческих цивилизаций Месопотамии и Ирана? Современная наука проникла в тайну «миграции» чужеземных декоративных мотивов. Как доказывает сравнительное изучение произведений искусства, мастера воспроизводили узоры драгоценных шелковых тканей, ларцов из слоновой кости, золотой и серебряной утвари, привезенных на Русь из Византии и стран мусульманского Востока. Разумеется, иноземные образцы перерабатывались и переосмыслялись в местной культурной среде. Мастер выступал не пассивным копиистом, но творцом.

Понимание звериных образов не было однозначным у людей церкви и «людей меча». Для первых они служили символами христианских догматов и нравственных качеств, зеркалом человеческих страстей, добродетелей и пороков. В духовной литературе, проповеди, в изобразительном искусстве образы животных использовали с дидактической целью. Лев, царь зверей, — символ Христа и евангелиста Марка, но вместе с драконом он означал и сатану. Подобно бодрствующему Христу, лев спит с открытыми глазами: изваяния чутких этих стражей охраняют окна церкви Покрова на Нерли под Владимиром.

Идеалам воинского сословия отвечали избранные образы свирепых хищников, которые постепенно становились геральдическими эмблемами. Они служили средством гиперболизации сверхчеловеческой силы, ловкости, выносливости бойцов. «Зоологические» сравнения по отношению к сильным мира сего обычны в древнерусской литературе. По словам летописца, князь Роман Галицкий «устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и крокодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур». Сказания о Святославе Игоревиче уподобляют его «пардусу», то есть охотничьему гепарду — самому быстрому хищнику семейства кошачьих. Дрессированные гепарды попадали на Русь через посредство кочевнического мира, где широко применялись для охоты. Сравнение князей и героев с ловчими соколами — излюбленный прием автора «Слова о полку Игореве». Хищная птица с распростертыми крыльями, крупным клювом и когтистыми лапами — образ воинской мощи и быстроты, изображена и на перстне из Рязани. Но в религиозной литературе высота и легкость полета орла сравнивается с возвышенностью устремлений истинного христианина, отрешенного от низменных земных

забот. Изображения львов, барсов, грифонов, драконов, хищных птиц на рязанских украшениях связаны с идеями могущества, сильной власти: «Орел птица царь надо всеми птицами... а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится, а ты, княже, induceречеши, кто не убоится! Яко же бо змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои» («Моление Даниила Заточника», XIII в.). Литературные «зоологические» сравнения и метафоры отвечают «звериному» стилю, излюбленному в искусстве светских владык.

Вместе с тем изучение «звериного» стиля помогает воссоздавать верования и вкусы широких слоев городского населения. Народные мастера переосмысляли сказочные образы зверей и птиц в духе древних языческих поверий, заклинаний, любовных лирических песен. В поэтической фольклорной традиции даже хищники выступают чудесными помощниками человека. Их изображения играли роль амулетов-оберегов, предохранявших владельцев от всевозможных бед. Еще в прошлом веке в Архангельской губернии заморского зверя-льва поминали в народных заговорах. Чтобы предохранить скот от медведя, следовало с львиным когтем, за который выдавали клюв гагары, обойти вокруг стада, произнося заговор. Две птицы на колтах из старорязанского клада 1887 г. — символ благополучия и семейного согласия. Представление о женихе-невесте, молодце-девушке, муже-жене, как о голубе с голубкой, обычно в народной любовной лирике, свадебных песнях:

На дубчике два голубчика
Целуются, милуются...

В древнерусской письменности и фольклоре экзотические существа, могучие и жестокие хищники зачастую не имели специальных названий. Писали вообще о «дивием звере», «лютом звере» или просто «звере», под которыми могли подразумевать и льва, и медведя, и волка. К языческим поверьям восходят драконы на колтах, связанные с культом солнца и водной стихией. Их опутывают замысловатые плетения, как бы лишая чудовищ злой разрушительной силы и заставляя служить людям.

Древнерусский «звериный» стиль отличается стремлением к декоративности, к орнаментальному преображению живых существ. Как и в литературе, особенно в «Слове о полку Игореве», органический мир предстает единым целым: животные и птицы чередуются со стилизованными деревьями, размещаются на ветвях или укрываются

под развесистой кроной, хвосты и крылья переходят в пальметты и пышные растения. Иногда стебли вырастают из пастей животных. Деревья образуют ось композиции из симметричных фигур зверей. Иносказательным языком орнамента здесь выражено чувство неразрывного единства средневекового человека с землей и небом, животными, деревьями и травами. В творчестве древнерусских златокузнецов своеобразно отражено созвучное язычеству мировосприятие, которое отождествляло бога с природой, с универсальной и гармоничной вселенной. Все ее части одухотворены, тесно взаимосвязаны и призваны служить человеку — венцу творения. Это отношение к природе общенародно, что объясняет близость светского искусства домонгольской Руси духу устной народной поэзии, мифа, волшебной сказки. В этом мире возможны любые, самые разительные метаморфозы. Примером служит обруч со скоморохами: на другой его створке они превращены в чудовищ, сохранивших только человеческие головы в колпаках. В архаических верованиях песни сказителя-гусляра-вещуна связывали с практикой волхования, оборотничества. Их приравнивали к действам языческого мага, шаманской обрядности. О таинственной науке перевоплощений любит повествовать народный эпос: богатырь Волх Всеславьевич с детства учился оборачиваться ясным соколом, серым волком и гнедым туром — золотые рога. В белорусском Полесье верили, что пастухи и дудари своими наигрышами могут обращать людей в волков. Белорусские крестьяне рассказывали, что охотники находили под снятой с волка шкурой остатки одежды либо скрипку со смычком — в волка превратился кудесник-скоморох. В существах с личинами «глумотворцев» на рязанском браслете подчеркнуты змеиные черты, а оборотень-змей, принимающий облик человека, обычен в славянском фольклоре.

Напоминающие цветы лилии, пальметты среди вьющихся побегов широко распространены в рязанском узорочье. Древние славяне приписывали белой водяной лилии чудодейственные и целебные свойства, говоря о ней: «Мать сыра земля с живой водой тот цветок породила, оттого равна у него сила на водяницу (нечисть в водах.—*В.Д.)* и на поляницу (нечистую силу в поле и вообще на земле. — *В.Д.)*». Одолень-трава, как славяне называли кувшинку, якобы одолевала любые болезни и несчастья, обладала способностью привораживать, помогала путешественникам: «Где ни пойдет, много добра обрящет». Для лечебных

целей цветки белой лилии срывали, произнося ласковые слова и крепко заткнув уши. Запрещалось срезать их ножом, так как при этом растение «истекает кровью». Считали, что особой волшебной силой обладали цветки не с четырьмя, а пятью зелеными чашелистиками. Кому посчастливилось хоть раз увидеть такой цветок, тот всю жизнь будет пребывать в радости и веселье. В древнерусском орнаменте обычны пятилепестковые лилии-крины.

Подобно лилиям, благопожелательными знаками-оберегами на женских украшениях служили фигуры, образованные витиеватой плетенкой. В магических ритуалах плетение, завязывание и развязывание узлов (древнерусские «наузы»), сопровождаемое заклинаниями, применяли, чтобы «связать» нечистых духов, отвести злые чары колдунов и ведьм, «скрутить» болезни.

ТРИНАДЦАТЫЙ КЛАД

В мифопоэтических верованиях разных народов мира число 13 считается несчастливым. Но именно через 13 лет после окончания археологических раскопок на Старорязанском городище на нем был найден 13-й по счету клад, состоявший из 13 замечательных золотых украшений. Кроме того, в 1992 г. прошло ровно 170 лет после открытия в 1822 г. первого, самого эффектного сокровища из обнаруженных на территории погибшего города. С этой даты Старая Рязань начала привлекать любителей отечественной старины. Теперь по числу кладовых комплексов, запрятанных при нашествии Батыя, Древняя Рязань прочно занимает второе место после Киева.

...А дело было так. В конце июля стояли особенно знойные дни, и, воспользовавшись благоприятной погодой, я решил съездить на несколько дней в издавна любимые места. В Старой Рязани мне приходится бывать едва ли не каждый год, иногда вместе с архитектором и художником Гурием Викторовичем Борисевичем, которому принадлежит заслуга создания наиболее убедительных реконструкций внешнего вида древнего города, системы его фортификации и застройки. В таких поездках я наблюдаю, далеко ли распространились разрушающие городище овраги, не проникли ли и сюда кладоискатели, насколько интенсивно идет современная застройка подола и ближайших деревень, ибо окрестности Старой Рязани, а не только само городище, объявлены историко-археологическим заповед-

ником и все земляные работы требуют постоянного контроля.

На этот раз меня ждала неожиданность. На кромке высокого берега, у того места на раскопе № 7, где был изучен самый богатый из исследованных «двор воеводы», образовались две промоины, которые обычно дают начало глубоким оврагам. Всего в 5 м от трещины в земле в 1966 г. обнаружили знаменитый клад, куда входил и браслет со сценой скоморошьих игрищ. Стало совершенно ясно, что необходимы экстренные охранные раскопки. И еще было какое-то смутное предчувствие: все годы работы экспедиции где-то в глубине подсознания маячил этот недокопанный участок возле разрушенной оборонительной стены, но по необъяснимым причинам я так и не собрался доследовать его.

По счастью, в деревне нашлось несколько добровольцев, готовых помочь в проведении работ, — всего 5—6 человек. Им всем, и особенно сумевшей организовать ребят Елене Пусевой, я выражаю глубокую признательность. 31 июля на краю береговой кручи был заложен маленький раскоп 4х8 м и снят слой дерна. А на следующий день утром 1 августа под лопатой одного из рабочих что-то ярко блеснуло на солнце и раздался возглас: «Золото!». Так открыли второй по значимости после 1822 г. клад, составлявший почти полный набор золотых украшений к головному убору знатной горожанки. Несмотря на строжайшее предупреждение всем участникам раскопок, к вечеру того же дня в окрестных деревнях только и было разговоров о выкопанных на «городке» необычайных сокровищах, а на следующий день в Спасске поползли слухи о двух возах золота, вывезенных с городища. И даже, когда вещи уже надежно хранились в сейфе начальника Спасского отделения милиции, по вечерам в пустовавшей старой гостинице мне было немного не по себе. Вскоре на месте находки с помощью Рязанского музея уже работала небольшая экспедиция.

Вещи клада, лежавшие очень компактно и, вероятно, первоначально завернутые в полностью истлевшую ткань, были зарыты на глубине 40 см от современной поверхности. Общий вес сокровища 240 г 800 мг, золото 96-й пробы. В его состав входили десять трехбусинных полуколец двух типов. У восьми из них бусы ажурные, выполненные в технике скани и зерни. Каждая прорезана восемью круглыми отверстиями, окруженными колечками скани. На углы ромбовидных промежутков между кружками напаяны

крупные шарики зерни в микроскопических проволочных колечках. Бусины насажены на полукольцевидную проволочную дужку, концы которой расклепаны в трубочку. Сквозь трубочки проходят золотые обоймы: через них продевалась медная проволока, соединявшая украшения. Для закрепления бусин и придания дополнительного декоративного эффекта дужка обвита сканой проволокой.

У двух полуколец полые бусины, спаянные из двух полусфер, не прорезаны сквозными отверстиями. Но каждый шарик также разделен двойной сканью на восемь кружков со вписанными в них треугольниками, выложенными мельчайшей зернью.

Реконструкции парадного головного убора помогают два обстоятельства. Во-первых, два ажурных полукольца найдены скрепленными медной проволокой. Во-вторых, одно из полуколец прикручено к фигурной пластине. Чтобы полукольцо вплотную соединялось с пластиной, в ней вырезаны три полукружия для бусин. Среди украшений обнаружена и вторая аналогичная пластинка, но здесь полукольцо отломано.

Обе пластины, единственные в своем роде, являются шедеврами древнерусского ювелирного дела. Они вырезаны из тонкого золотого листа и по краям обрамлены сканью. Лицевая сторона их, словно кружевом, покрыта изощренным сканым узором. Тугие завитки двойной скани, образующие полтора-два оборота, напаяны отдельно, но вплотную друг к другу, так что создается иллюзия сплошного спиралевидного орнамента. Конец каждого жгутика не припаян, а в центре помещено золотое зерно. Это сообщает рельефность декору, создавая богатую игру светотени. Подобная техника высокой двухъярусной скани характерна для вещей из клада 1822 г. В центре пластин в сегментовидных оправах в технике перегородчатой эмали представлен изумрудно-зеленый двулистник на красно-коричневом фоне. Между эмалевым узором и его сканой рамкой — сквозные отверстия для крепления украшения к матерчатой основе. На концах пластин орнамент дополняют маленькие овальные вставки в золотых оправах. Они стеклянные, синего цвета и как бы светились изнутри благодаря подложенной под стекло серебряной фольге. В одном случае в оправу вставлен кабошон альмандина.

Особый интерес сокровища состоит в том, что, поскольку уцелел почти полный комплект украшений, можно реконструировать первоначальное расположение наиболее впечатляющих деталей парадного, возможно свадебного,

головного убора, что удается крайне редко. Десять соединенных медными проволоками полуколец и две концевые пластинки у висков над ушами, прикрепленные к матерчатому валику (к кусочкам медной проволоки местами прилипли мелкие обрывки ткани), составляли очелье под мягким головным убором с высокой тульей. В старорусском языке девичий головной убор называли «венцом», а его общеславянское название — «чело», «чёлка». Скорее всего, золотое очелье относилось к сложному кичкообразному убору («кичка», «кика») или кокошнику, в котором твердая основа и нарядный верх соединены в одно целое. Это предположение тем более вероятно, что одной из отличительных черт кокошника считают наличие у него гребня, а именно такой убор венчает женскую головку, изображенную на колте из нашего клада.

Этот колт (к сожалению, парный ему отсутствует) — самое изящное украшение тринадцатого клада. Близкие по форме экземпляры известны среди южнорусских находок, но рязанский самый совершенный по изысканности формы и декоративного оформления. В росписях Боянской церкви около Софии 1259 г. в изображении Десиславы, супруги севастократора Калояна (севастократор — один из высших титулов византийской табели о рангах), показана шапочка с твердым обручем понизу (на месте нашего очелья), а колты висят на лентах без металлических цепочек. Так же могла их носить обладательница драгоценностей из Рязани.

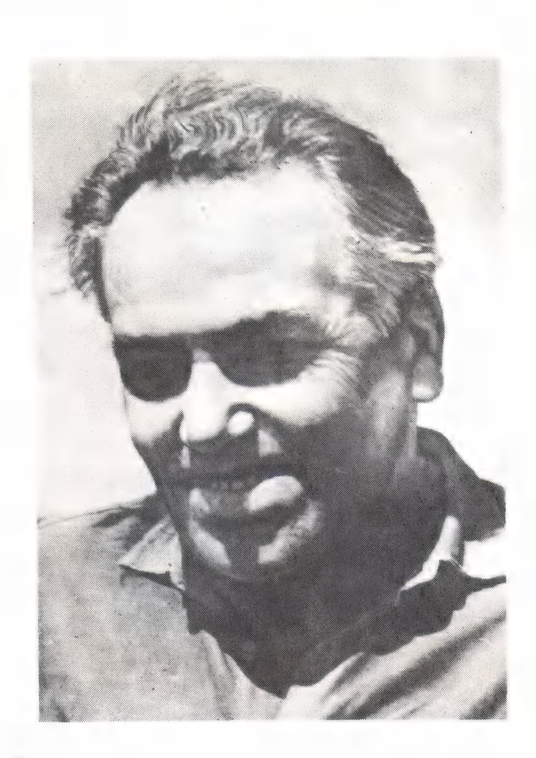
Круглый колт диаметром 7 см полый внутри состоит из двух слегка выпуклых золотых пластин с 21 лучом по краю (в основе — магическое число 7). Оба щитка припаяны к поставленной на ребро узкой промежуточной пластинке. Этот ободок вверху имеет щель, позволявшую вкладывать внутрь колта благовония, например кусочек хлопка, пропитанный душистым маслом. Застежка-дужка в верхней части луновидного завершения не сохранилась. С обеих сторон колт обрамлен сканью, а каждый луч завершен припаянным тисненым полушариком. На его лицевой стороне в центре круглой выпуклой пластинки перегородчатой эмалью изображена изящная женская головка на зеленом фоне. Изображение знатной дамы греческим типом лица с большими глазами, сходящимися к тонкому носу бровями и крохотным ртом, а также волнистой прической напоминает «портреты» на двух киевских золотых колтах из клада 1876 г. в усадьбе Лескова. Показаны узорные кокошники с треугольным верхом, а на рязан-

Василий Алексеевич Городцов — известный русский археолог.

Лагерь археологической экспедиции возле Преображенской церкви. За Окой — пойменные луга с озерами, старица — «Спасское озеро» и город Спасск-Рязанский.

Александр Львович Монгайт

Александра Яковлевна Курганова (тетя Шура). Вся ее нелегкая трудовая жизнь была связана со Старой Рязанью. Ее рассказы о прошлом деревни помогали нам в выборе мест разведок и раскопок.

Начало работ на раскопе. Снимается верхний пласт («штык») толщиной 20 см. Участок разбит колышками на квадраты 2х2 м для точного нанесения на план вещевых находок и пятен от углубленных в материк сооружений.

Кибитки — «вежи» половцев. Миниатюра из Радзивилловской летописи.

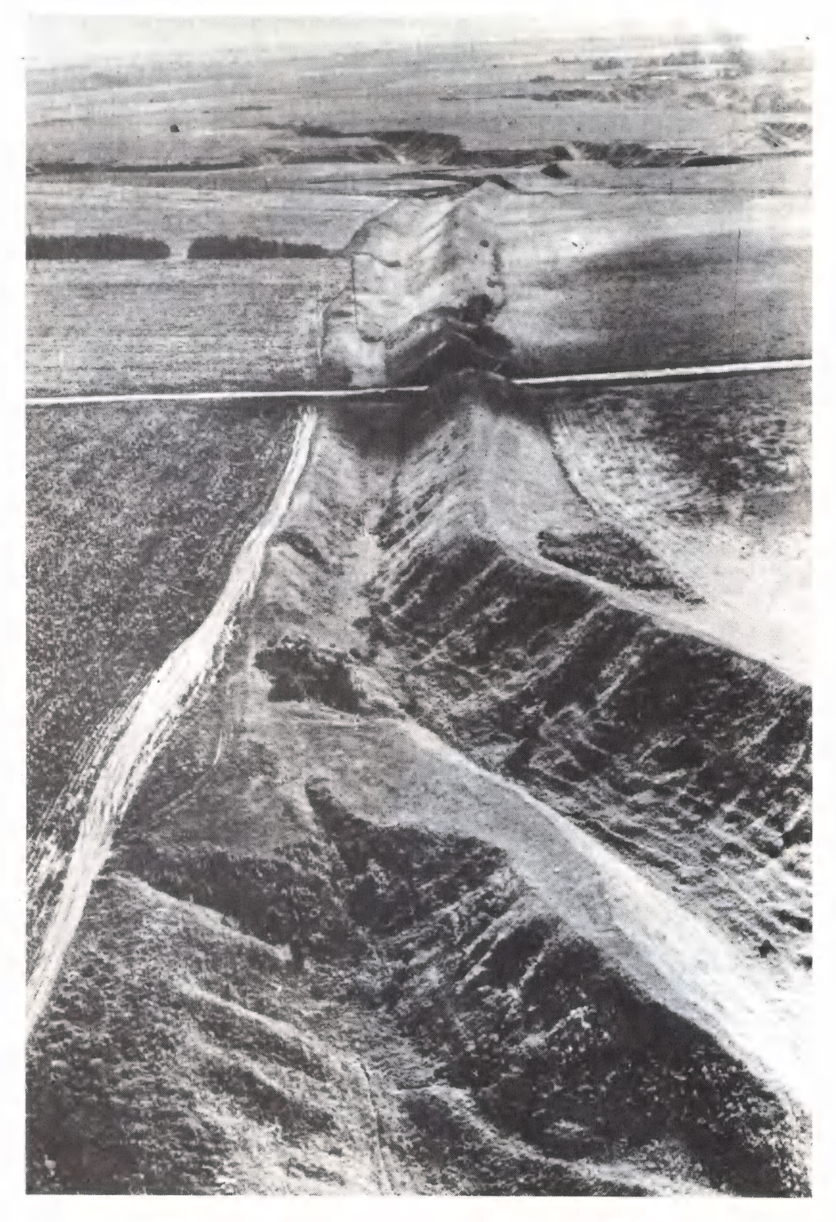

Здесь, на мысу при впадении в Оку речки Серебрянки в середине XI в. была основана Рязань.

На первом плане слева — старейшая часть города «Кром». Дорога проложена по старой трассе. В древности она вела от пристани к «Серебряным воротам» — главному въезду в город с севера. Под городищем современная деревня Старая Рязань, где с XI в. находился подол — неукрепленная часть поселения, тяготеющая к Оке.

Скульптурный портрет женщины, жившей в Рязани в XI в. Реконструкция Г. В. Лебединской.

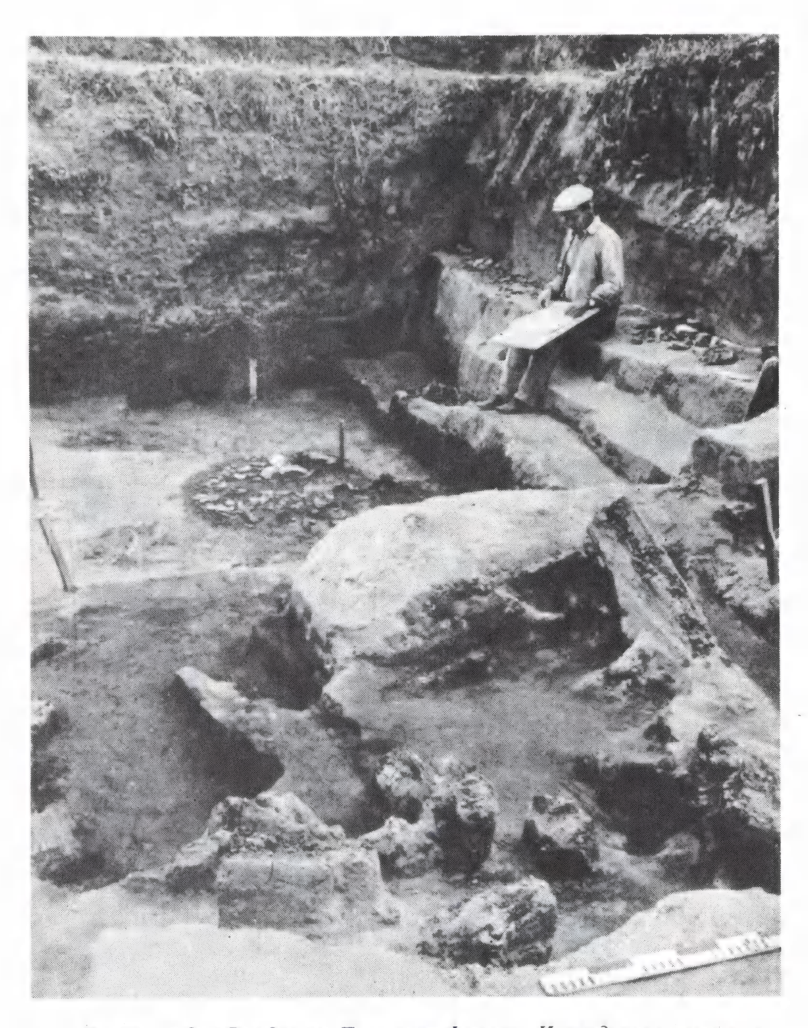
Грандиозные валы Рязани протянулись на 3,5 км.

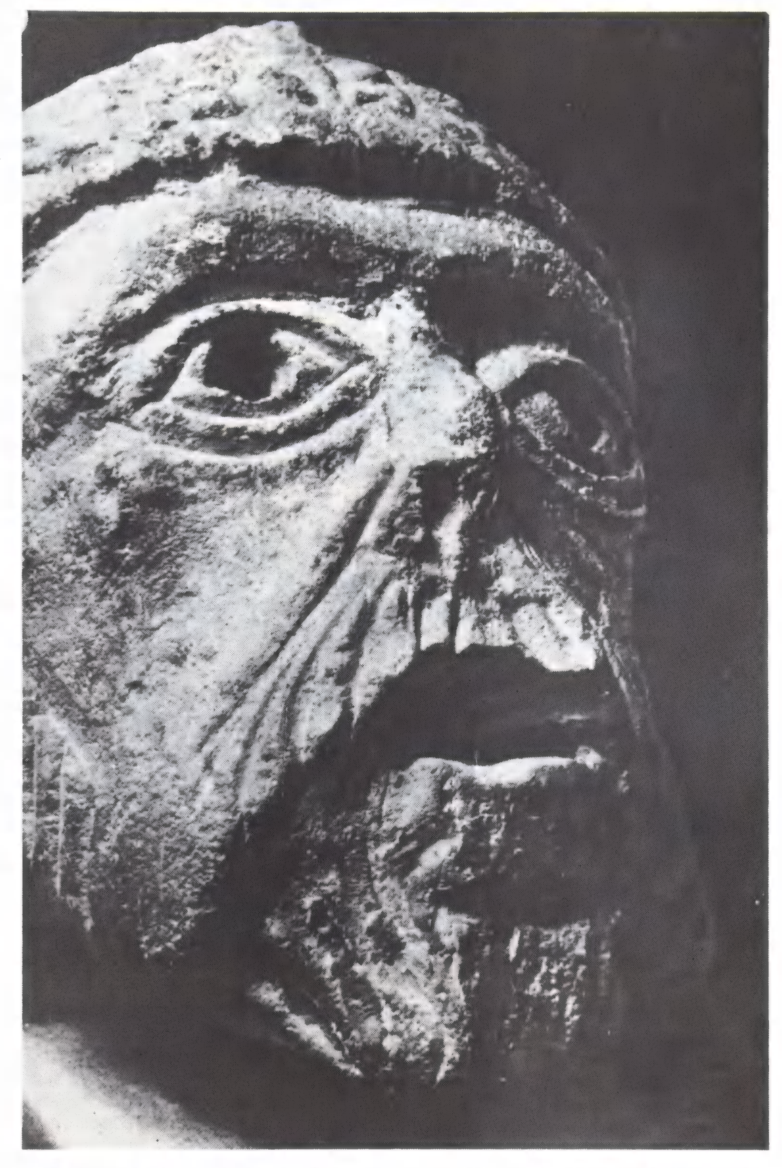
Так выглядят расчищенные остатки прямоугольного наземного дома. Нижний венец сруба обозначен канавками от сгнивших бревен. Ямки, оставшиеся от вкопанных столбов, помогают восстанавливать конструкцию постройки.

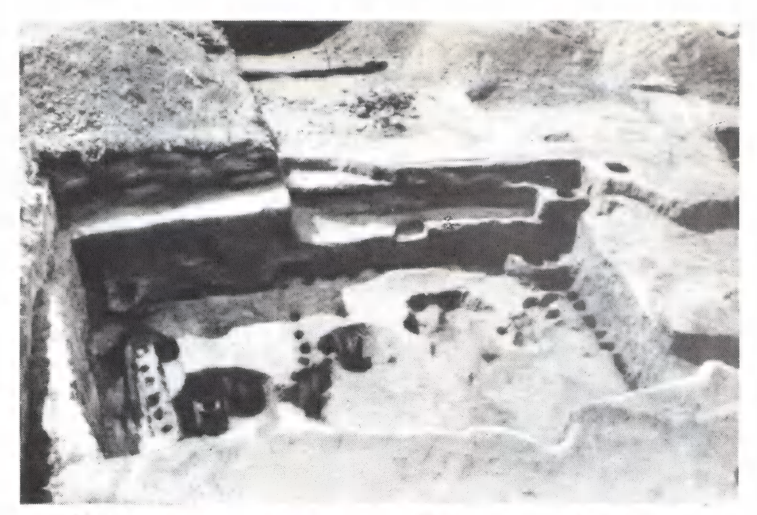
Костяная поделка с изображением древне-русского воина.

Раскоп ведет Владимир Петрович Фролов. Исследуется заполнение нижней части большого двухэтажного дома — боярского теремного строения. В теплой половине первого этажа расчищен развал глинобитной печи, стоявшей на деревянном опечке. К этому помещению примыкала холодная клеть-кладовая. На полу видны обломки амфор — больших глиняных сосудов для вина или оливкового масла.

Белокаменная голова старца, изваянная в романском стиле (Борисоглебский собор).

Мастерская по выплавке железа. Плетневые стены, от которых сохранились следы столбиков, были обмазаны глиной. Мастерская разделена на два помещения. В одном из них находился сильно разрушенный горн, перед ним хорошо видна яма. В заполнении найдено много железного шлака.

Среди участников экспедиции. В выходные дни мы устраивали экскурсии по окрестностям Старой Рязани.

Ожерелье из знаменитого клада золотых украшений, найденного в Старой Рязани в 1822 г. Золотые медальоны украшены сканью, зернью, жемчугом, самоцветами.

Шестилучевой колт, носившийся на цепочке из тисненых серебряных колодочек. Такие украшения прикрепляли к парадному головному убору зажиточных горожанок (клад 1974 г.).

Серебряная подвеска к головному убору с коническим верхом и свисающими цепочками (клад 1967 г.).

Серебряный с чернью колт с фигурой фантастического чудовища в орнаментальном плетении. Рисунок исполнен в стиле книжных миниатюр (клад 1970 г.).

Золотая оправа с крестовидной прорезью. Общий вид и деталь (увеличена). Украшена золотыми цветками и самоцветами. Случайная находка на городище.

Серебряный браслет-обруч с изображением барсов (клад 1970 г.). Гравировка, чернь, позолота.

Гусляр, изображенный на браслете-обруче (клад 1966 г.).

Танцовщица. Деталь того же браслета.

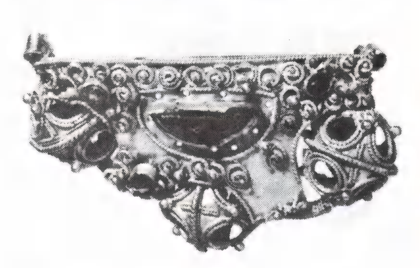
Серебряный медальон от ожерелья с изображением св. Глеба. Гравировка, чернь, позолота (клад 1970 г.).

Серебряный перстень с изображением птицы (клад 1979 г.).

Дракон. Изображение на браслете из клада, найденного в 1966 г.

Концевая пластинка от очелья. Перегородчатая эмаль, скань, зернь, вставки из стекла и альмандина.

Трехбусинное полукольцо от очелья. Деталь. Зернь, скань.

*Колт из клада 1992 г.
Золото, перегородчатая
эмаль, жемчуг.*

*Оборотная сторона
колта покрыта тон-
чайшим сканым
узором.*

Раскопанные экспедицией братские могилы защитников Рязани. Захватчики не щадили ни женщин, ни детей.

ском экземпляре по сторонам лица представлены круглые колты. Несмотря на то, что эмали подверглись окислению, основные цвета различимы: лицо и шея телесно-розовые, глазные яблоки белые, а зрачки черные, брови черные, так же как и волосы. По обеим сторонам женское лицо обрамлено эмалевым узором из растительных завитков. Центральный щиток окружен концентрическими кольцами скани, тремя низками жемчуга и ободком из 21 тисненого полушарика.

Оборотная сторона колта сплошь покрыта сканым «арабесковым» орнаментом из завитков, производящих впечатление волшебного переплетения цветов и трав.

...Прошло четыре месяца. За это время в Москве вещи полностью отреставрировали в лаборатории Государственного Исторического музея: очистили украшения от медных окислов, вновь нанизали на серебряную проволоку рассыпавшийся жемчуг, закрепили крошившуюся эмаль. Одновременно проводился скрупулезный научный анализ замечательной находки. Наконец, в декабре, солнечным морозным днем за своим сокровищем прислали машину из Рязани. В обществе сотрудников местного музея и двух милиционеров с автоматами дорога показалась недолгой.

А 10 декабря в «Зале знатных земляков» в музее перед многочисленными гостями состоялись торжественные «смотрины». Старинный сводчатый зал освещали свечи в фигурных бронзовых подсвечниках, негромко звучала старинная музыка, сопровождая взволнованный рассказ о славной и трагической истории Рязанской земли. Сама история как будто оживала на большом экране: панорама древней Рязани эпохи ее расцвета и страшная битва в объятом пламенем городе, маковки церквей с золотящимися под солнцем крестами и кони, пасущиеся на фоне бескрайних лугов, пурпурная на закате Ока и, наконец, добытые археологами сокровища. Затем занавес медленно раздвинулся: под стеклянной, освещенной юпитерами витриной, на собранном складками черном бархате сияли золотые украшения — богатства погибшей женщины давно минувших времен.

Наряду с живыми бытовыми подробностями рязанские клады помогают воссоздавать верования, вкусы и направления творческих исканий создателей «художества кузнеческа», их мироощущение и нормы мышления. Изучение прикладного искусства Древней Руси связывает нас с

целостной системой ее культуры, с ее художественными идеалами.

Трудно перечислить все многообразие драгоценных вещей, которые с XII в. выходили из рук рязанских мастеров золотого и серебряного дела. Для избранных — князей, бояр, дружинников, высшего духовенства — изготовляли драгоценные сосуды и украшения, оправы на оружие и предметы конского убора, оклады икон с жемчугом и самоцветами, переплеты книг. От богатейшей рязанской «казны» сохранилось немногое: все было уничтожено и разграблено полчищами Батыя. О «хытрости» умельцев Рязани, об ассортименте их изделий мы можем судить по женским украшениям из кладов. Большая часть «злата» и «сребра», в том числе княжеские инсигнии — знаки высшей власти, предметы роскоши, употреблявшиеся в светском и церковном обиходе, досталась победителям.

...Мысленно представим многотрудные ремесленные будни, когда в горнах горел огонь, плавили, ковали и чеканили серебро, вытягивали блестящие проволочные нити, покрывали вещи яркими эмалями, черневыми узорами и позолотой.

Произведения ювелиров Рязани — весомое свидетельство подъема русского искусства, когда в неспокойную эпоху княжеских междоусобиц и набегов кочевников создаются такие общечеловеческие культурные ценности, как немеркнущее «Слово о полку Игореве», когда крепнут связи Руси с феодальными государствами Востока и Запада.

ГЛАВА 6

ДАРЫ ЧУЖЕДАЛЬНИХ ЗЕМЕЛЬ

А в том же Рязани да славном городе
В том же народу да много множество:
А конны-ти едут темным лесом,
Пешеходом идут народ станицами,
Черным караблем бежат дак по синю
морю.

Архангельская былина

«Похвале роду рязанских князей» автор отметил их гостеприимство к чужестранцам, особенно выходцам из православной Византии: «к приезжим приветливы... К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали».

Как и все крупные древнерусские города, занимавшие выгодное географическое положение, Рязань не ограничивалась экономическими связями с ближайшей сельской округой, продажей деревенским жителям изделий своих ремесленников и недорогих предметов внешней торговли, например шелковой тесьмы для отделки одежды.

Рязанцы не были пассивными домоседами, боявшимися враждебной и непонятной дали, отгороженной городскими стенами. Самые отважные и энергичные из них открывали для себя неблизкие страны, куда текли великие русские реки, «движущиеся дороги» Восточной Европы — Волга, Дон, Днепр. По сухопутным и речным путям двигались охраняемые воинами караваны профессиональных купцов-«гостей», ищущие «небесных благ» паломники, дипломатические посольства с богатыми дарами, строительные ар-

тели и мастера на все руки, приглашенные владетельными лицами. Политические интересы не позволяли засиживаться на одном месте и князьям с дружинами. Типична для Древней Руси и подвижность представителей духовенства, книжных людей, переводчиков — проводников знаний, привозивших с собой драгоценные рукописи.

Воображение современного историка покоряют протяженность и длительность путешествий тех времен при довольно примитивных средствах транспорта, сила духа и мужество безвестных землепроходцев, всегда готовых к нелегким и опасным испытаниям. Приходилось отбивать нападения лихих половецких всадников или отряда соседнего князя, приказавшего ограбить купцов с товарами соперника. Но, как свидетельствуют письменные источники и археология, дороговизна и медлительность перевозок, непредсказуемые опасности дальних дорог не останавливали предприимчивых и обладавших военной выучкой купцов. Многие гибли на чужбине, но самые удачливые возвращались домой, обогащенные опытом и сказочными сокровищами. Им было что порассказать о захватывающих приключениях в неведомых землях, которые средневековая фантазия населяла сверхъестественными существами.

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

При всесторонней изученности письменных источников археология открывает огромные возможности для расширения наших знаний о торговле древнерусских городов, об их культурных связях с русскими княжествами и отдаленными государствами Востока и Запада.

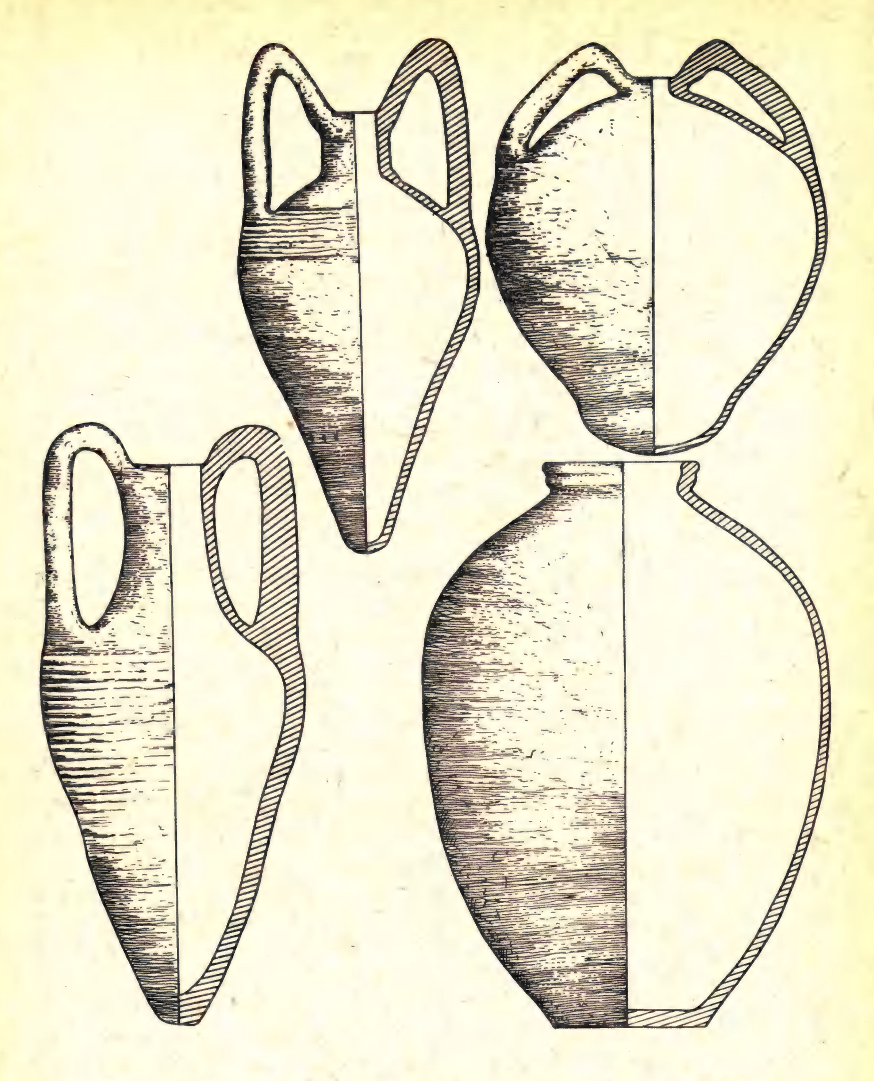
Изучение привозных вещей, найденных при раскопках Рязани, позволяет установить их родину. Они происходят из городских центров Закавказья, Ближнего Востока, Ирана и Средней Азии, Византии, Западной Европы и юго-восточной Прибалтики. Труднодоступность чудесных краев, откуда доставляли диковинные «заморские» товары и произведения искусства, придавала им в глазах новых владельцев особую ценность и привлекательность.

В эпоху Крестовых походов, когда Восток — прежде лишь царство обольстительных грез — стал исторической реальностью, мода на иноземные раритеты не могла миновать и городов Руси. Из придворных кругов, усваивавших вкус к восточной роскоши, привозные товары начали проникать и в широкие слои городского населения.

В Рязань, расположенную на транзитных путях по Оке, соединившую ее восточных, южных и западных соседей, стекались изделия «со всего света»: в Рязани, Владимире, Суздале скрещивались разнородные культурные влияния. Вокруг крупных городов, вдоль рек, речек и озер располагались поселения городского и сельского типа, где происходил торговый обмен. На во́локах — участках схождения верховьев рек — движение из одной речной системы в другую обеспечивали переволакиванием или переноской судов. Ввиду огромных расстояний и связанного с ними риска преобладала не прямая дальняя торговля Рязани с иноземцами, а поэтапная, посредническая. Разумеется, в Рязанское или Владимиро-Суздальское княжества мусульманские или византийские купцы также попадали, но далеко не всегда. По словам летописца, во Владимир в княжение Андрея Боголюбского «гость приходил из Царягорода и от иных стран из Русской земли («Русской землей» в XII в. называли только Среднее Приднепровье, — *В. Д.)*, и аче Латинин, а до всего хрестьянства, и до всее погани». И все же доставку редкостных товаров в отдаленные земли Руси брали на себя посредники. Караваны совершали путешествия на ограниченных отрезках пути от одного местного рынка к другому. Торговые операции осуществляли в промежуточных городских пунктах на стыках путей, где встречались славянские, булгарские, арабские, греческие, еврейские или немецкие («латиняне») купцы. Для Рязани, экономически и культурно тяготевшей к южной Руси, огромную посредническую роль играл Киев, знакомивший ее с достижениями византийской и мусульманской цивилизации.

Обнаруженные при раскопках привозные товары составляют две категории. К первой относятся товары массового ввоза, самые показательные для изучения экономических связей. Это серебро, цветные металлы, янтарь, пряслица из розового шифера, стеклянные браслеты, бусы из стекла и полудрагоценных камней. К сожалению, археологически не прослеживаются такие товары, как виноградное вино и оливковое масло, о ввозе которых косвенно свидетельствуют находки крымских амфор, чужеземные экзотические пряности, приправы и благовония: перец, горчица, мускус, масло (елей). Их доставляли издалека и поэтому продавали дорого. Соль могла поступать из района Галича Мерьского или Крыма.

Во вторую группу иноземных вещей входили предметы роскоши, предназначенные для княжьего двора, его окру-

Красноглиняные амфоры (корчаги), найденные в Рязани

жения и высшего духовенства: произведения из золота, серебра и самоцветов, драгоценные шелковые ткани — паволоки, стеклянная и поливная посуда из мастерских Византии и мусульманского Востока, которая людям, привыкшим к простым горшкам и мискам, должна была казаться

верхом роскоши, приметой благоденствия в доме. «Злато и сребро», «паволоки и сосуды различные» привозили и на продажу, и в качестве посольских даров, и памятных реликвий из «святых мест», и, наконец, просто как личное имущество, например, украшения костюма.

Расцвет Рязани в XII—XIII вв. совпадает с «безмонетным» периодом в экономике Руси, когда находки монет на городище почти отсутствуют. Основной формой металлического обращения стали большие «неразменные» слитки серебра. Но их применяли только для очень крупных платежей. Серебро везли из Германии на Русь в виде слитков-марок и серебряных изделий. В горнах местных литейщиков их переплавляли в слитки собственной русской формы и весовых стандартов. Переливка, распределение металла между ливцами требовали специального надзора со стороны доверенных лиц князя. В кладах Рязани и Рязанской земли преобладают палочкообразные бруски — новгородские денежные гривны весом около 200 г, ходившие в северных землях Руси. Поскольку важнейшей статьей экспорта из Рязани в Новгородскую землю, особенно в неурожайные голодные годы, был хлеб, за который расплачивались серебром, то город и принял не южную, а северную систему денежных единиц. В Рязани серебро употребляли и как средство обращения в оптовой торговле, и как материал для ювелирных изделий.

Чем рассчитывались рязанцы при мелких повседневных платежах? Архаическая меновая торговля по принципу товар за товар сочеталась с какими-то заменителями металлических денег. Наиболее правдоподобна гипотеза, что вместо монеты в обращении использовали шкурки пушных зверей, главным образом белок — «векш», «вевериц». Прямое свидетельство об этом оставил андалузский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, проплывший в XII в. по «Русской реке» — скорее всего Оке: «Рассчитываются они (славяне.—*В. Д.*) между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти и которые нельзя ни на что никогда использовать... Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету серебряный дирхем, связывают (шкурки.— *В. Д.*) в связку и называют ее джукн... Работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя». Показание очевидца, немолодого (около 70 лет) и очень наблюдательного му-

сульманского миссионера, по пути обращавшего пристальное внимание на продаваемые товары, цены и деньги, особенно авторитетно. «Кусочки черного свинца» — это так называемые дрогичинские пломбы (по названию города Дрогичина-Надбужского, где собрана самая многочисленная их коллекция). Маленькие круглые кусочки свинца со следами шнура и изображениями или знаками находили на Старорязанском городище, в оврагах и на берегу Оки в размывах культурного слоя. Подобными пломбами, обнаруженными в торговых центрах у окраин Руси, опечатывали тюки товаров, в том числе связки «меховых денег». Сообщения иноземцев о хождении на Руси «меховых денег» подтверждаются и новгородской берестяной грамотой XIV в., в которой говорится о шитье денег-кун, то есть шкурок куниц как денежных единиц.

Мастера Рязани испытывали острую нужду в цветных металлах — меди, олове, свинце. Они поступали из Новгорода, куда их доставляли купцы острова Готланд и северонемецких портовых городов. Медь и олово получали и через Волжскую Булгарию: олово добывали в районе верхней Камы, залежи медных руд проходили вдоль западных склонов Урала.

Из предметов рязанского экспорта первое место занимали меха, мед и воск, почти не отраженные в археологических материалах. Значение Рязанской земли в международной торговле определялось ее богатством мехами: в кругах знати от Испании до Китая спрос на драгоценную пушнину был необычайно высок. Собольи, куньи, горностаевые, бобровые и беличьи меха шли на отделку головных уборов, кафтанов, шуб. Особенно ценили шкурки соболей, чернобурых лисиц, горностаев, бобров. Одеяния, отороченные мехами, служили знаком богатства и достоинства, а владение «великими мехами» — это прерогатива могучих правителей. Шкуры промысловых зверей охотники снимали на месте, поэтому находки костей пушных животных при раскопках не отражают всего размаха охоты. При археологических исследованиях Рязани и Переяславля-Рязанского обнаружены кости бобров, куниц, белок. Население Рязани платило дань князьям мехами и шкурами животных.

Для взвешивания тяжелых грузов — привозных и местных товаров — купцам служили большие весы-безмены. Подобные железные весы римского типа с неравноплечими рычагами, найденные в Рязани, были рассчитаны на взвешивание клади до 7—8 пудов.

К ХВАЛЫНСКОМУ МОРЮ

«Из того же леса (Оковского,—*В. Д.)* течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима (то есть до стран семитских народов.—*В. Д.)*». Так в «Повести временных лет», общерусском летописном своде, составленном во втором десятилетии XII в., описан Великий волжский путь, связавший Рязанскую землю с волшебными странами Азии. Оковский лес находился на водоразделе Днепра и Волги — в районе Валдайской возвышенности. Под болгарами летописец имеет в виду волжских булгар. Хвалисы — русское название Хорезма, древнего государства Средней Азии с центром в низовьях Амударьи. Хвалисское (или Хвалынское) — Каспийское море.

С IX в., еще до возникновения Рязани, Ока, как часть волжской артерии, играла важную роль в товарообмене Азии с Восточной и Северной Европой. Это неопровержимо доказывает топография кладов арабских серебряных монет — дирхемов, концентрацию которых наблюдаем в среднем течении Оки.

Монеты Арабского халифата называют «куфическими» — от названия шрифта «куфи», созданного в иракских городах Куфе и Басре. На тонких кружках монет диаметром 2—2,5 см, в связи с запрещением мусульманской религии представлять живые существа, нет никаких изображений. Зато особенно важны покрывающие обе стороны надписи. Кроме благочестивых изречений из Корана в них содержатся указания года выпуска (по хиджре — мусульманскому летосчислению), места чеканки и имена халифов и эмиров — правителей областей, где чеканили монеты. Дирхемы, обращавшиеся на Руси в IX—X вв., выпускали на огромной территории — в городах Средней Азии, Ирана, Закавказья, Месопотамии и Малой Азии, на африканских берегах Средиземного моря и даже в арабской Испании.

Куфическое серебро, поступавшее на Русь в миллионах монет в обмен на драгоценную пушнину, активно вливалось в местное денежное обращение, но вместе с тем играло и пассивную роль сокровища. Не случайно огромное количество монет осело в кладах, зарытых вдоль речных путей и в крупнейших центрах международной торговли: при господстве натурального хозяйства масштаб распространения денег был ограничен.

В 1875 г. близ Старой Рязани обнаружили клад дирхемов, чеканенных при багдадском халифе Харуне ар-Рашиде (годы правления 786—809). При нем в экономике халифата все более видную роль начинают играть города с развитой системой ремесел, торговли, денежных отношений, усовершенствованной дорожной службой. Не случайно в знаменитом собрании арабских сказок «Тысяча и одна ночь» этот «повелитель правоверных», обладатель несметных богатств, выступает как добрый и справедливый защитник героев, вознаграждающий добродетель. С начала IX в. в поисках рынков сбыта и источников сырья купцы стран ислама устремляются в «неведомые земли» Севера, богатые пушниной.

Гигантский клад куфических монет весом свыше двух пудов нашли в Муроме. В глиняном сосуде оказалось 11 тысяч целых монет, а в медном кувшине — до 14 фунтов монетных обрезков. Судя по семи кладам с дирхемами, важным торговым пунктом на центральном участке окской артерии служило расположенное на песчаной дюне чудское селище в Борках (в пределах современной Рязани), удобное для стоянки судов и выгрузки товаров. В этом неукрепленном торгово-ремесленном поселении на берегу Трубежа, где собирались международные торжища, обитало пришлое текучее население, связанное с интересами дальней торговли.

Булгарские дирхемы в составе окских кладов доказывают, что в торговле по Оке активное участие принимали купцы Волжской Булгарии — огромного рынка по продаже мехов. От арабоязычных географов мы узнаем о прибытии в Булгар караванов мусульманских купеческих судов, о продолжительности плавания между ним и Итилем, столицей Хазарского каганата в устье Волги. Проникновение ислама в Булгарское царство и установление прямых контактов с Багдадом способствовали расцвету волжско-каспийской навигации.

Другим путем проникновения куфических монет в Поочье служил Дон и правые притоки Оки — Проня и Осетр. И хотя, по словам арабского географа Ибн-Русте, путь сквозь «страну славян» нелегок и ведет «по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса», находились смелые и любознательные путешественники, открывавшие для своих соотечественников страны Восточной и Центральной Европы. Один из них, Абу Хамид ал-Гарнати, значительную часть жизни проведший в Багдаде и Дамаске, оставил сочинение — «Ясное изложение

некоторых чудес Магриба». В нем мусульманский ученый, правовед и проповедник, описал свое странствие по русским землям в 1150—1153 гг. Из Булгара он плыл на корабле по «реке славян» — Оке, побывав в Рязанском княжестве: «Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева». Далее маршрут ал-Гарнати проходил через земли мордвы, вероятно, по правым притокам Оки (Цна) и левым притокам Дона, скорее всего Воронежу. «Я оставался у них с караваном длительное время, страна их безопасна. Харадж (налоги.—*В. Д.)* они платят булгарам. И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны». Затем путешественник прибыл в какой-то большой славянский город, который отождествляют с Киевом или Белой Вежей. Из него он направился на запад — в Венгрию.

Нанесение на карту кладов дирхемов показывает, что путь из Булгара в Киев проходил по Оке, Сейму и Десне. Из Оки по Клязьме и Нерли попадали на Волгу в район Ярославля, откуда достигали волховско-ладожского водного пути.

Расцвет восточной торговли монетным серебром и предметами роскоши предшествовал возникновению большинства русских городов, в том числе и приокских. В IX—X вв., когда продукты труда производили для собственных потребностей, а не продажи на рынке, господствовала дальняя торговля — «гостьба», сосредоточенная в административных пунктах в местах пересечения транзитных путей, на главных речных магистралях.

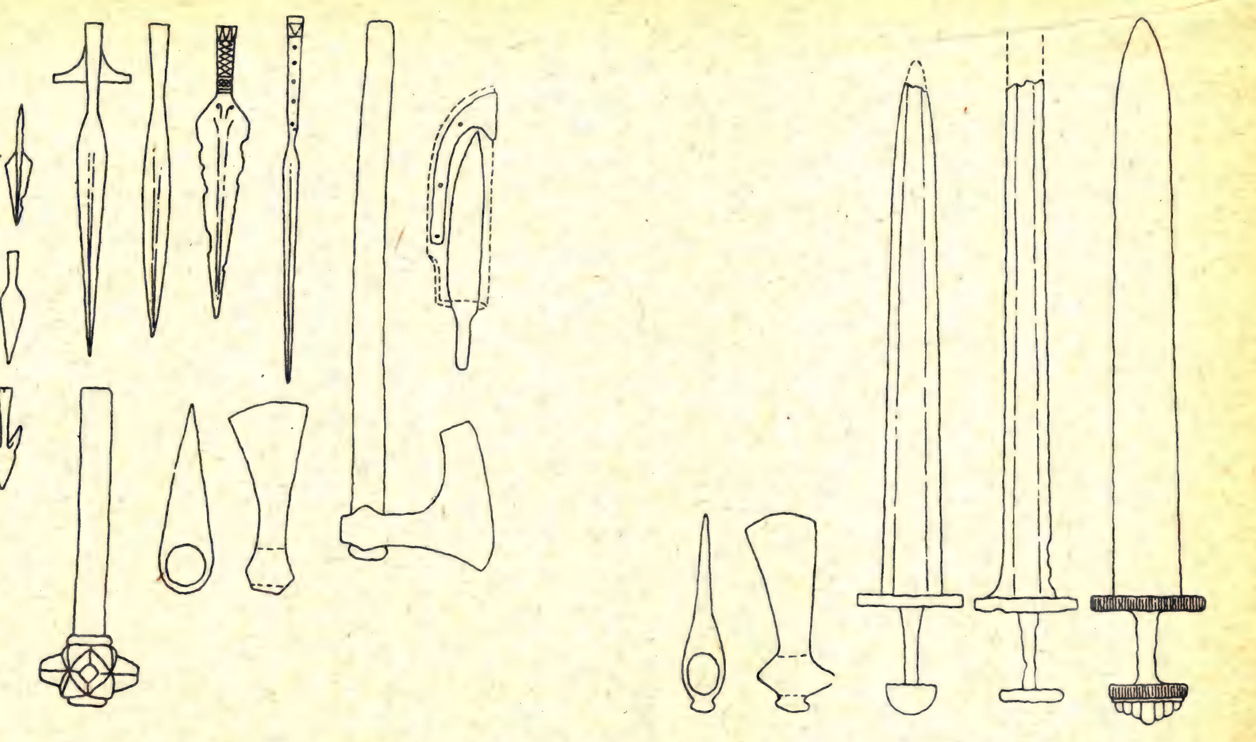
Историков давно интригуют вопросы: кто зарывал в землю сотни кладов куфических монет, находимых от Дании и Швеции до Прикамья, от Приладожья до Подонья и Среднего Приднепровья, что означал обычай прятать сокровища? В раннеклассовом обществе по рекам и морям плавали не только караваны мирных торговцев, хотя и вооруженных. Воды Оки бороздили и флотилии боевых кораблей, длинных и узких, с круто поднимавшейся к штевням кормой, с большим количеством пар гребцов. Такие скоростные ладьи с их высокой маневренностью снаряжали знатные люди, вокруг которых объединялись молодые дружинники. Легендарный Восток манил неоценимыми сокровищами. В надежде на обильную добычу после удачного похода восточные славяне и скандинавы, которых на Руси называли варягами, организовывали

военные экспедиции к Каспийскому и Черному морям. По представлениям тех времен, вождь обязан был быть щедрым: раздел захваченных богатств между воинами — важнейшее средство их сплочения. Сокровища вождей знаменовали их счастье и ратную доблесть, повышали авторитет в глазах дружинников.

Для ранней восточноевропейской торговли характерна фигура купца, который легко превращался в воина или алчного грабителя. Судя по курганным погребениям Руси и Скандинавии, его атрибутами служили не только миниатюрные весы с гирьками для взвешивания серебра, но и меч, боевой топор и копье. Весы со складным коромыслом и двумя бронзовыми подвесными чашками напоминают наши аптечные. Коромысла и чашки от весов найдены в жилищах Северного городища и в районе Нового Ольгова городка. При раскопках встречены бочонковидные железные гирьки, покрытые бронзовой оболочкой. На их плоские стороны нанесены кружки, обозначающие число весовых единиц в гирьке. Поскольку монеты далеко не всегда играли коммерческую роль денег, серебро принимали на вес: дирхемы разрубали на части, переплавляли в слитки и украшения.

Сравнительно крупные клады принадлежали вождям и их дружинникам, зажиточным купцам. Их прятали в минуту опасности или просто закапывали, считая землю самым надежным хранилищем. Верили, что, пока клад лежал нетронутым в земле, удача не покидала его владельца. Золото и серебро наделяли сакрально-магическими свойствами: они могли понадобиться и на том свете. При кочевой жизни, полной приключений и опасностей, вернуть свои сокровища удавалось далеко не всем...

И после прекращения в конце X в. притока куфических монет волжский товарообмен продолжался. Через Булгар в Рязань ввозили обнаруженные нами в погребениях среднеазиатские и иранские шелковые ткани. Прядение и ткачество в домашних условиях не исключало спроса на восточный текстиль. Охочие до самоцветов славяне в огромных количествах ввозили бусы из полудрагоценных камней — сердолика, горного хрусталя, аметиста. По сведениям Бируни, великого среднеазиатского ученого-энциклопедиста, копи красного сердолика, солнечного «камня счастья», разрабатывали в Индии и Йемене. Из Кашмира и Бадахшана — области на севере Афганистана — происходил чистый, прозрачный горный хрусталь. Как искусные резчики по этому твердому камню, славились

Оружие славянских воинов X-XI вв.: мечи, топоры, боевой нож, наконечники копий и стрел, булава

мастера Египта и города Басры в Ираке. Месторождения фиолетового аметиста находились в южном Таджикистане и Аравии — в трех днях пути от «города пророка» — Медины. В обработке твердых минералов, разновидностей кварца, азиатские резчики достигли совершенства. Из Хорезма по волжскому пути драгоценные бусы вывозили на север, где они распространялись по всей Руси. Женщины Рязани носили их вместе со стеклянными. Из Средней Азии происходят, например, рыбовидные бусы из синего стекла. Серебряные оправы для них, украшенные зернью, исполняли местные ювелиры. Пристрастие к сердоликовым и хрустальным бусам объясняется не только «неземной» прелестью самоцветов, но и их магическими свойствами в глазах средневекового человека. Бусы служили и украшением костюма и чудесным оберегом. По древним поверьям, сердолик, в котором, по словам академика А. Е. Ферсмана, «все оттенки красного цвета сливаются в полную чудес сказку», оберегал людей от болезней, даровал счастье и покой. Верили, что сердолик повышает настроение, обостряет ум, отводит злых духов, утихомиривает гнев, служил он и любовным талисманом. Сверхъестественную силу приписывали аметисту: он приносил успех, гарантировал верность близких, защищал от колдовства.

Порадовала нас находка миниатюрной каплевидной сережки из бирюзы. Крупные разработки этого яркого, небесно-голубого камня вели возле Нишапура в Иране, откуда вывозили «во все окраины мира». На арабском — «фирузадж» — бирюза означает «камень, приносящий победу, удачу в делах». Верили, что замечательный талисман укреплял сердце и предохранял от ударов молнии.

Редкостна прямоугольная вставка-печатка от перстня из темно-зеленого стекла. На лицевой стороне печатки — резное углубленное изображение всадника с соколом на фоне шестилучевых звезд. У лошади показаны челка и грива, хвост ниспадает до земли. Обозначен и поводок от уздечки. Сама же фигура охотника и ловчая птица представлены предельно схематично. Конный охотник с соколом на руке — распространенный мотив мусульманского прикладного искусства Ирана и Средней Азии. Вероятно, всадник на перстне-талисмане — какой-то мифологический герой, небесное божество. Поле его охоты — космические звездные пространства.

К числу хрупких, дорогостоящих предметов роскоши относится иранская и среднеазиатская поливная посуда. Экспедицией обнаружены фрагменты чаш, тарелок, кув-

шинов и бутылей — расписной керамики Ирана из фарфоровидной массы, которую в Средней Азии называли «кашин». Преобладают сосуды с надглазурной росписью люстром — пигментом, придающим изделию при восстановительном муфельном обжиге металлический или перламутровый отблеск. Люстровая утварь радовала глаз золотистыми растительными узорами-арабесками в сочетании с арабскими надписями. В числе рязанских находок и обломки полихромных иранских фаянсов типа «минаи», что означало стеклянный. Прозрачные эмалевые краски нано-

Стеклянная вставка от перстня с изображением охотника с соколом. Гемма происходит из Ирана или Средней Азии

сили на поверхность сосуда быстрыми мазками кисти, а затем подвергали его легкому обжигу. Изучение восточной посуды из Рязани выявило ее общность с находками в древнем городе Рее, находившемся к югу от Каспия, в Азербайджане, Хорасане на северо-востоке Ирана и Хорезме.

Со второй половины XII в. торговля по волжской артерии активизируется. Фрагменты восточной поливы примерно от трех десятков сосудов говорят о значительном ввозе, хотя трудно сказать, насколько регулярно поставляли столь хрупкие и дорогие вещи. Связи с Рязанью проходили по маршруту: Саксин (крупный торговый центр в дельте Волги) — Волжская Булгария с главными городами Булгар и Биляр. По договору 1229 г. с владимирским князем Юрием Всеволодовичем булгарские гости — экспортеры хлеба могли торговать «невозбранно» в русских городах по Волге и Оке. О посещениях Рязани этих посредников в связи с Востоком говорят и булгарские красноглиняные кувшины, украшенные лощеными полосами, найденные археологами на окраине Великого города — Булгара.

«ХИТРОСТИ ЦАРЬГРАДА, МУДРОСТИ ИЕРУСАЛИМА»

Знаменитый путь «из варяг в греки» — из Северной Европы в Византию связывал Древнюю Русь с Константинополем-Царьградом (ныне Стамбул), столицей могущественной империи, олицетворявшей богатства Средиземноморья и Ближнего Востока. Сокровища «Греческой земли», роскошь церемоний императорского двора поражали иноземцев. По словам воевавшего на Дунае бесстрашного князя-язычника Святослава, от греков по всему свету расходились золото, паволоки, вина, различные плоды.

Культурное оживление Руси после принятия христианства упрочило связи Киева — матери городов русских со столицей государства ромеев, как называли себя византийцы. В крепнущий град на Днепре приезжало греческое духовенство с поручениями от константинопольского патриарха, дипломатические миссии с редкими дарами, купеческие караваны. С помощью византийских мастеров: зодчих, живописцев, резчиков по камню и ювелиров — в Киеве и Чернигове широко развернулось культовое и дворцовое строительство. Русь вошла в тесное соприкосновение с передовой византийской культурой, преемницей культуры античного мира и ближневосточных цивилизаций. Византия познакомила русских художников с техникой мозаики, фрески, иконописи.

Тесно связанные со Средним Приднепровьем, Рязань и Владимир на Клязьме продолжали развивать русско-византийские контакты, и уже фрески Дмитриевского собора во Владимире XII в. обнаруживают участие греческих живописцев. Византийская икона Владимирской Богоматери стала одной из самых почитаемых святынь Руси, а рельефы из слоновой кости на византийских ларцах для хранения драгоценностей послужили моделями для создателей скульптуры владимиро-суздальских храмов. Так появляются на фасадах зданий скопированные со шкатулок фигуры львов и орлов, терзающих травоядных, павлинов, грифонов, драконов с собачьими мордами и даже слона.

Археологические исследования в Рязани заметно пополняют наши знания о ее средиземноморских связях. При раскопках А. В. Селивановым Спасского собора обнаружен клад византийских медных монет, чеканенных при императоре Иоанне II Комнине (1118—1143). Второй клад вбли-

зи того же храма включал монеты и его отца Алексея I. На городище найдена греческая свинцовая печать XII в. со сценой Успения Богоматери.

Среди шедших в Рязань предметов византийского художественного ремесла преобладали вещи из благородных и цветных металлов, кости и камня, а также ткани, стекло. О ввозившихся из Константинополя перегородчатых эмалях напоминают центральный медальон «барм» из клада 1822 г. с изображением Богоматери и овальный образок с композицией «Распятие», вставленный в золотую оправу русской работы, украшенную сканью и жемчугом.

Правящие круги Рязани удовлетворяли жажду роскоши за счет привозных нарядов и яств. Недаром правители старались обласкать купцов, представителей умного и отважного делового мира, обладавших широтой познаний, живым умом, активностью и упорством в достижении цели. Константинополь являлся крупнейшим центром текстильного производства, где множество людей, трудившихся у станков, изготавливали дорогие шелковые ткани с многоцветными узорами. Эти, словно сотканные руками фей, тончайшие шелка с фигурами слонов, грифонов, львов по сторонам «древа жизни» предназначались для церемониальных облачений царя, придворных и высшего духовенства, для декоративного убранства дворцов и храмов. Выделку этих шедевров ткацкого искусства считали государственной монополией, и торговля ими исключалась. На Русь и в Западную Европу они попадали в числе посольских подношений иноземным государям. Воспоминания о «цветном платье», сшитом из «хрущатой камки» — узорчатого шелка, сохранила русская былина:

Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узор хитер:
Хитрости были Царя-града
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре — не погнется.

Судя по остаткам тканей, открытых в рядовых погребениях рязанских кладбищ, полосками шелка обшивали ворот льняного или шерстяного платья, обшлага рукавов. Из шелка выкраивали пристежные воротники, шелковой тесьмой украшали и женскую налобную повязку-очелье. Изучение техники переплетения нитей, используемой пряжи и орнаментации тканей позволило выявить центры, от-

куда они поступали на рынок Рязани. Золототканые декоративные ленты с орнаментом «в елочку», в виде плетенки или прилегающих друг к другу квадратиков, фрагменты одноцветного красного шелка относятся к массовому византийскому ввозу. Кроме Константинополя и Фессалоник (современные Салоники), главных центров шелкоткачества, пурпурные ткани могли происходить из Фив, Коринфа и Спарты.

Неожиданный результат дало исследование кусочков ленты с ромбовидным узором: по строению пряжи и внешнему виду они резко отличались от византийской тесьмы. По особенностям использования золотого утка (то есть поперечных нитей ткани, расположенных перпендикулярно к продольным нитям основы) ленту можно отнести к изготовленным в Испании. К испанскому шелковому текстилю принадлежит и полихромная ткань из гробницы Андрея Боголюбского, вскрытой во владимирском Успенском соборе. Морды львов и туловища птиц, сгруппированных парами по сторонам древа жизни, вытканы золотным утком. Красочные материи Малаги, Севильи, Мурсии расходились по всей Европе.

Примечательна привозная стеклянная посуда, найденная в Рязани, которая представляет школы стеклоделия Восточного Средиземноморья. Хрупкими разноцветными сосудами похвалялись на званых пирах богатых горожан, наполняя их «питьями медвяными» и «заморскими винами». В «Слове о богаче и Лазаре» XII в., где подробно описан пир состоятельного человека, упомянута «стькляница с вином носяще». В домонгольской Руси наименование «стькляница» означало все стеклянные сосуды. По обломкам, найденным в Рязани, восстановлены их формы: бокалы с расширяющимся устьем, декорированные белой эмалью, стаканы с резным или гравированным узором, конические кубки пурпурного цвета, расписанные золотом, синие чаши с золотыми орнаментами, фиолетовые кубки на поддоне со следами белой росписи.

Если из рук византийских стеклоделов выходила посуда насыщенно-синего, фиолетового и пурпурного цветов, украшенная резьбой, золотыми и эмалевыми росписями, то для ближневосточных мастерских характернее прозрачная бесцветная посуда с близким по технике декором. Кроме геометрических и растительных узоров, встречаем надписи арабским почерком «насх», фигурки птиц и зверей.

В Рязань завозили и художественное стекло, изготовленное в мастерских Коринфа и Кипра, Египта и сирийских городов Ракка, Алеппо, Дамаска. По сравнению с другими городами Руси доля привозных стеклянных сосудов в Рязани особенно велика. Легкую пиршественную утварь из тонкого прозрачного или цветного, покрытого тончайшими рисунками стекла почитали в те времена драгоценной, гордились ею.

Рязанских женщин особенно привлекали стеклянные бочонкообразные бусы с прокладкой из тончайшей золотой или серебряной фольги, во множестве находимые в погребениях. Химический анализ показал, что большинство таких бус принадлежит к натриево-кальциевым кремнеземным стеклам. Считают, что их производили на Ближнем Востоке — в Сирии и Египте (Александрия).

Нанесение на карту находок византийских монет, шелковых тканей, стеклянной посуды, бус с металлической прокладкой помогает реконструировать пути сообщения, по которым эти товары попадали в Рязань. Их ввозили через Киев вверх по Десне на Угру и дальше — на верхнюю и среднюю Оку. Другой маршрут проходил вверх по Днепру или Сожу и от Смоленска к верховьям Днепра и Волги с использованием малых рек и волоков.

В былинах запечатлены образы бесстрашных «калик перехожих» (от латинского «калига» — обувь римского воина, сандалия) — паломников к святыням Царьграда, где чудеса и мистические видения воспринимались нормой жизни, а также к славянским монастырям на «Святой горе» — Афоне, центрам распространения византийских религиозных идей и учений в Восточной Европе. После завоевания Иерусалима крестоносцами в 1099 г., когда там появилась русская монашеская община, пилигримы из Руси устремились и в Палестину, «ко граду Иерусалиму, святой святыни помолитися, господню гробу приложитися, во Ердань реке искупатися». По сообщению игумена Даниила, этого «Нестора русских паломников», на службу в храме Воскресения в Иерусалиме собралась «вся дружина, русьстии сынове», в том числе новгородцы и киевляне. Можно не сомневаться, что среди любознательных паломников были и непоседливые, привыкшие к постоянным опасностям рязанцы, присоединявшиеся к купеческим караванам или военным экспедициям. Судя по русским былинам, эти странники — отнюдь не слепцы, не сирые и убогие старцы:

А й самы надевали как платья калицкия,
Как тут оны кладывали да подсумки,
А й подсумки да каличьи,
На свои плеча ведь да богатырския,
А й как брали оны по клюки по дорожныей,
А й как тут оны да отправились,
А й как ведь пошли как удалы добры молодцы
А й ко граду ведь да Еросо́лиму.

Паломничество как традиционное средство искупления грехов, типичное для всей средневековой Европы, заслуженно приравнивалось к богатырскому подвигу. Путешествия в Царьград или хождения в Святую землю ради спасения души по тем временам считали явлениями необычными, почти сказочными, ведь паломники преодолевали огромные расстояния. Так, в начале XII в. игумен Даниил, автор знаменитого «Хождения», мысливший себя представителем всей Русской земли, совершил путешествие в Палестину по четырем морям: Черному, Мраморному, Эгейскому и Кипрскому. Хотя плавания тех времен были по преимуществу каботажными, над мореходами висела постоянная угроза попасть в сокрушительный шторм, сбиться с курса, наткнуться на мели и рифы, подвергнуться нападению пиратов. К тому же на тяжелом горном пути из Яффы к Иерусалиму странников подстерегали мусульмане-сарацины, избивавшие христиан. Чтобы решиться на длившееся годами паломничество, чтобы «походити и испытати вся святая си места», благочестивый человек должен был обладать великим мужеством.

Через посредство неутомимых путников, рисковавших жизнью духовной пользы ради, на Русь попадали особо ценимые церковью христианские реликвии: мощи святых, иконы, храмовая утварь. Широко распространялись паломнические сувениры — крестики, образки. Вот почему нас не должны удивлять находки на территории Древней Руси медных, с гравированными фигурами, крестов сирийского происхождения.

Из Константинополя, где в пригороде на берегу залива Золотой Рог процветала обширная колония русских купцов, караваны судов плыли на север вдоль болгарского побережья, с остановками для отдыха и транзитной торговли в портах Месемврия (ныне Несебыр), Варна, Констанция, в устье Дуная. Отсюда путь лежал к низовьям Днепра, где находился город Олешье — важнейший стратегический и торговый пункт, охраняемый отрядами киевских князей. В Южном Приднепровье археологами

открыты поселения, жители которых оказывали помощь торговым караванам на трудных участках пути, особенно в районе порогов.

Огромное значение в истории русско-византийских связей имел Херсон (Корсунь), руины которого находятся на окраине современного Севастополя. Как главный экономический и политический форпост Византии в Северном Причерноморье, он играл ведущую роль. Из Херсона и других городов средневековой Таврики в русские земли вывозили виноградное вино (былинные «вина и питьица заморские»). На Руси, где в качестве хмельных напитков употребляли мед и пиво, дорогостоящее виноградное вино считали редким чужеземным питьем и хранили только в богатых домах. Херсониты вывозили его в амфорах из прекрасно обожженной красной глины, обломки которых относятся к массовым находкам в Рязани. Несколько раздавленных амфор обнаружено на полу в хозяйственной половине дома зажиточного владельца. Интересна процарапанная древнерусская надпись на одной из корчаг: «Новое вино добрило послал князю Богунка», то есть некий Богунка (уменьшительное от Богуслав, Богухвал) послал князю новое доброе вино. Все рязанские амфоры изготовлены в Таврике. Одни из них — вытянутых пропорций до 90 см высотой — имеют высокие ручки, другие — грушевидные, круглодонные, с расширенным туловом.

Крымского происхождения и многие кресты из поделочных камней, обычные в рязанских кладах. Их вырезали из оникса, состоящего из слоев разных цветов, из темно-зеленого змеевика, серого мрамора и часто из яшмы. Ни один камень не мог сравниться с ней по богатству палитры. Благодаря бесконечным сочетаниям разнообразных оттенков и легкости полировки, яшма стала излюбленным поделочным камнем. В средневековой Европе верили в кровоостанавливающее воздействие яшмы, ее считали средством от эпилепсии и лихорадки. В одном из кладов встречен кипарисовый крестик. Принесенные из заморских земель, кресты из «драгых камней» рязанские ювелиры заключали в серебряные оправы, украшенные зерневыми и скаными узорами. Маленькие крестики служили тельниками, кресты покрупнее носили поверх одежды на цепочке или в центре ожерелья.

Как показывает огромное количество вещей киевского происхождения, обнаруженных при раскопках в Рязани, в XII—XIII вв. Киев служил главным посредником в связях Рязанской земли с Византией и русской колонией в

Херсоне: взаимообмен людьми и товарами между Средним Приднепровьем и городами на Оке не прекращался. На киевском торгу, расположенном на Подоле, рязанские гости приобретали изделия массового спроса и предметы роскоши. В свою очередь, киевляне и черниговцы охотно посещали Рязанщину, богатую мехами и продуктами лесных промыслов.

Из Киева в Рязань попадали складные двустворчатые кресты-энколпионы с рельефными изображениями святых. Эти портативные мощехранительницы, носившиеся поверх одежды, служили образцами местным литейщикам. Киевского происхождения и медные крестики с желтой выемчатой эмалью. Продукция киевских стеклоделов представлена тонкостенными кубками на поддоне из желтоватого прозрачного стекла и огромным количеством браслетов. Изредка в Рязань завозили белоглиняные горшки и кувшины с ярко-зеленой или желтой поливой, известные по находкам в Киеве, Вышгороде, Чернигове, Любече.

Широкий рынок сбыта находили в Рязани пряслица из розово-красного и темно-лилового шифера, залежи которого известны только на Волыни в окрестностях города Овруча. В пряслицах нуждались не только крестьяне, но и горожане, изготовлявшие одежду в домашних условиях. Надеваемое на нижний конец деревянного веретена, пряслице придавало ему быстрое вращательное движение, необходимое при скручивании нитей из кудели. Диаметром около 2,5 см, пряслица имеют бочковидную, битрапецоидную или дисковидную форму. Из овручских и киевских мастерских их доставляли в разные районы Руси и за ее пределы. Привезенные издалека шиферные пряслица ценились их обладательницами. На некоторых нацарапаны надписи — имена владелиц пряслиц или дарителей-мужчин. В Рязани найдены экземпляры с мужским именем: «Молодило» и «княжее» — обозначение принадлежности предмета. Чтобы веретена не перепутались на женских посиделках, пряслица метили тамгообразными знаками, крестиками, буквами, вырезали на них схематичные фигурки животных и птиц.

Падение Константинополя, захваченного крестоносцами в 1204 г., привело к тому, что купцы из Малой Азии, Сирии и Палестины стали ездить в Крым и Восточную Европу через Трапезунт и Синоп.

ВОКРУГ ЕВРОПЫ

«В год 6733 (1225.—*В. Д.)*... При рязанском великом князе Юрии Ингоревиче принесен был чудотворный образ великого чудотворца Николы Корсунского Заразского из преславного города Херсонеса в пределы рязанские, в область благоверного князя Федора Юрьевича Рязанского». Этот любопытнейший рассказ о переносе иконы Николы, покровителя моряков, рыбаков и купцов, из Корсуня в Рязанское княжество содержится в «Повести о Николе Заразском», составленной в XIII в. Икона стояла посреди города, близ церкви апостола Якова, где, по преданию, крестился Владимир I Святославич. Русскому «служителю» святого — священнику Астафию явился во сне сам Никола с требованием взять его чудотворный образ и вместе с супругой и сыном следовать в Рязанскую землю: «Там хочу пребывать, и чудеса творить, и место то прославить». Астафия ужасает далекий и опасный путь: «Не знаю той земли, на востоке ли, или на западе, или на юге, или на севере». Но в очередном видении «великий чудотворец», «утыкая в ребра» сомневающегося, велит немедленно идти, но не обычным путем: вверх по Днепру, через земли «поганых половцев» и на восток — к Рязани, а, чтобы обезопасить святыню (дело происходило вскоре после вторжения в причерноморские степи монголо-татар и поражения русских ратей в битве на Калке), Никола направляет своего посланца окольным маршрутом вокруг Европы: «Иди в устье Днепра в Понтийском море, и сядь в корабль, и доплыви до моря Варяжского (Балтийского. — *В. Д.)* в Немецкой области. И оттуда пойдешь сухим путем до Великого Новгорода и далее в Рязанскую область не только беспрепятственно, но и с почетом». Точно выполнив завет святого, Астафий с иконой и своим семейством прибыл в город Кесь (ныне Цесис, Латвия), или, по другим вариантам повести, в Ригу. Отсюда сухопутным путем он добрался до Новгорода и, наконец, после длительного путешествия достиг Рязанской земли. Рязанский князь Федор Юрьевич, увидевший издалека «неизреченный свет», «принял чудотворный образ, и принес во область свою» Несколько веков он хранился в церкви города Заразска, переименованного в XIII в. в Зарайск.

Сказание о путешествии иконы, якобы способной исцелять и творить чудеса, близко распространенным в Европе рассказам о переносе реликвий — мощей святых на огромные расстояния: с Востока в Рим, из Рима — во Фран-

цию, Германию и другие страны. Перенос реликвий сопровождался знамениями, исцелениями болящих. Их торжественно встречали государи, духовенство и несметные толпы народа. Занимательные описания этих, полных приключений событий содержат бесценные сведения о средневековых одиссеях, о путях сообщения того времени. Корсунянин Астафий совершил опаснейшее морское путешествие по маршруту через Средиземное море и Гибралтарский пролив до владений Ливонского ордена на побережье Рижского залива. «Повесть о Николе Заразском» позволяет воссоздать пути, связывавшие Рязань со странами Западной Европы и юго-восточной Прибалтикой.

Из Риги, крупного центра русской торговли с Западом, путь шел по Западной Двине на Полоцк и Витебск. По левому притоку Двины Каспле и волоку выходили к Смоленску. Корабли и товары через «волок сухой возят на конех» — сообщают писцовые книги. Выше Смоленска Днепр подходит к верховьям Угры, куда попадали по его притоку Осьме и волоку в районе Дорогобужа. По Угре и Оке через Коломну, Переяславль-Рязанский достигали Рязани и Мурома. Так Рязань активно включалась в систему трансконтинентальных связей Западной и Северной Европы с отдаленными странами Азии. О значении западнодвинского пути свидетельствует находка в Рязанской губернии клада серебряных денежных слитков продолговатой формы, получивших в научной литературе название «литовских». На одном из них надпись — «Павел Рижанин».

Многие украшения костюма, найденные при раскопках в Рязани, происходят из юго-восточной Прибалтики и, вероятно, принадлежали выходцам из этого региона. К их числу относятся бронзовые подковообразные фибулы-застежки с утолщенными концами, браслеты, украшенные стилизованными звериными головками, бронзовый поясной крючок S-видной формы с изображением конских голов. Он служил для подвешивания к ремню каких-то предметов. Подковообразные фибулы — излюбленное нагрудное украшение как мужчин, так и женщин у латышских и литовских племен. К числу редких находок относится ажурный серебряный крест с гравированным орнаментом в виде пальметок. Аналогичные крестики известны в древностях Латвии.

Огромное распространение в Древней Руси получили украшения из янтаря, былинного «камня-алатыря», в каждом из 350 оттенков которого как бы таится золотистый

солнечный свет. Сверхземная красота самоцвета, связанная с ним таинственная сила магнетизма придавали ему в глазах средневекового человека волшебные свойства. Вырезанные из него украшения служили талисманами, предохранявшими их обладателей от болезней, дурного глаза и злого наговора. Верили, что «солнечный камень» дарует счастье и благополучие. При раскопках В. А. Городцовым в Рязани открыты остатки мастерской по изготовлению янтарных бус. Кроме готовых изделий найдены куски янтаря, некоторые обработанные. Рязанские резчики делали из этого лучистого самоцвета нательные крестики, перстни, подвески-амулеты в виде полумесяца.

Главный район добычи янтаря, который в необработанном виде купцы доставляли в самые отдаленные страны Евразии, — южное и юго-восточное побережье Балтийского моря. Куски этой ископаемой смолы, вымываемые с морского дна и выбрасываемые на песчаные побережья, особенно после жестоких штормов, собирали в огромных количествах, что со времен неолита обеспечивало широкую торговлю балтийским самоцветом. Ученые подсчитали, что во время «янтарных бурь» волны выносили на берег ежегодно до 38 тонн янтаря. Крупнейшее в мире Приморское месторождение (северо-западнее современного Калининграда) и залежи в районе Курземского побережья от низовий Немана до Рижского залива, где обитали западнобалтские племена пруссов, скалвов, куршей, служили неиссякаемым источником получения янтаря. На Оку и далее — вниз по Волге в Среднюю Азию он попадал западнодвинской магистралью, а в Псков и Новгород — по реке Гауе и на северо-восток сухопутной трассой (маршрут Астафия Корсунянина).

Рост экономических связей Руси с Западом с XI в. ознаменован усиленным поступлением европейских серебряных монет — денариев. Но на Старорязанском городище их находки редки: только в одном женском захоронении к ожерелью была подвешена монета англосаксонского короля Канута (время обращения 1017—1023 гг.). На лицевой стороне денария — профильный портрет правителя, на оборотной — крест в четырехлистнике с круговыми надписями-легендами. Англосаксонские денарии поступали в Восточную Европу через Данию в составе «датских денег» — дани, которую выплачивали данам-викингам за обещание не совершать на Англию грабительских походов. Западноевропейские монеты на территории Руси концентрируются в пределах Новгородской земли, купцы которой монополи-

Распространение произведений романского прикладного искусства в Восточную Европу: а — произведения западноевропейского искусства XII-XIII вв. в Восточной Европе; б — то же (до десяти экземпляров); в — основные районы их изготовления (1 — Лимож, 2 — Нижняя Лотарингия, 3 — Вестфалия, 4 — Нижняя Саксония, 5 — область верхнего Дуная, 6 — Венгрия); г — главные пути сообщения

зировали вывоз драгоценной пушнины на Запад. Маршрут из Новгорода к Рязани шел к верховьям Волги по Мсте и Тверце, и отсюда правыми притоками Волги через Волок Ламский — на Москву-реку и Оку.

К привозным художественным изделиям, происходящим из области Мааса — нижнего Рейна, относятся две выкованные из листовой бронзы чаши. На них выгравированы аллегорические изображения погрудных женских фигур — олицетворений христианских добродетелей, противостоящих порокам. Фигуры поясняются латинскими надписями: «Вера», «Надежда», «Любовь», «Терпение», «Смирение», «Чистота». Фон заполнен стилизованным раститель-

Фрагмент бронзовой чаши с аллегорическими фигурами и латинскими надписями. Происходит из области Нижнего Рейна

ным орнаментом вокруг надписей: «Ненависть», «Прегрешение», «Лукавство». Подобные чаши проникали в Швецию, польское Поморье, в земли ливов и эстов морскими дорогами Балтики. Не случайно из всех народов Европы русские летописцы чаще всего упоминают «немцев» — купцов из северогерманских городов, рыцарей Тевтонского ордена, мастеров-строителей.

Через привозные вещи рязанцы входили в соприкосновение с иными культурами дальних земель.

Теперь перенесемся на многолюдное, оживленное и пестрое рязанское торжище с его толчеей, шумом, выкриками продавцов и покупателей. В этот день в городе еженедельный рынок, приуроченный к церковному празднику. Еще в храмах не окончилась ранняя служба-утреня,

Торг в славянском поселении. Рисунок из книги: Ваня З. Мир древних славян...

а через крепостные ворота к торговой площади-торговищу уже стекаются крестьяне из окрестных деревень. Они везут на продажу съестные припасы: зерновой хлеб и крупу в деревянных кадях, бочонки с медом и воском, репу — прямо на возах. На полкàх — телегах с плоским настилом разложена всякая снедь: дичь, свежее мясо и рыба, с которой еще стекает вода, молочные продукты, фрукты, овощи. Начинается бойкая торговля лесом, тесом, сеном, шерстью и льном, выделанными кожами. Повседневная жизнь ближайшей к Рязани сельской округи не замкнута в себе: она невозможна без прямого обмена земных даров на изделия городских ремесленников, торговавших в розницу. Хозяева крохотных семейных мастерских — одновременно и купцы, вступавшие в непосредственный контакт с покупателями. Наскоро сколоченные лотки заполняются вещами, вышедшими из рук замочников, ножевников, гвоздарей, оружейников, токарей, бондарей, гребенников, кожевников, сапожников, ткачей, стеклоделов и гончаров. Деревенские жители приобретают у кузнецов необходимые в крестьянском хозяйстве железные лемеха, косы, серпы, топоры и тесла, гвозди, скобяной товар, рыболовные крючки и наконечники стрел. Сельские литейщики не могут обойтись и без цветных металлов — слитков меди, олова, свинца.

А вот появляются долгожданные странствующие торговцы вразнос — любимцы рязанских модниц, не жалевшие ни труда, ни речей, чтобы привлечь покупателей. Радует глаз мелочный товар, извлекаемый из коробов и переметных сум у седел: низки бус из прозрачных восточных самоцветов, позванивающие стеклянные браслеты, шелковые золототканые ленты, пряслица розового шифера. Суровое ремесло этих запыленных, забрызганных грязью странников, добиравшихся до самых отдаленных глухих мест, приносило хорошие доходы.

К рубленым причалам пристают торговые суда, груженные корчагами с вином и оливковым маслом, кадушками с солью. Это пожаловали состоятельные чужеземные купцы-гостебники из Херсона или Константинополя, гостеприимно встреченные самим князем. Богачи привезли ему и «княжим мужам» бесценные сокровища: шелка из Царьграда, украшенные фигурами невиданных зверей, расписанную золотом стеклянную посуду, сияющие всеми красками радуги эмалевые украшения. В обмен они получат дорогие меха, а вечером эти бывалые, отважные, готовые на любую авантюру, но вместе с тем практичные люди

будут приглашены на пир во дворец, где, мешая вымысел с действительностью, поведают о своих похождениях на суше и на море.

Все шумнее и многолюднее становится на торгу. Красочное зрелище представляет собой стечение празднично настроенных людей из ближних и дальних мест, обилие и разнообразие товаров. Среди торговых людей — новгородцы и киевляне, жители Чернигова и Смоленска. Булгарские поставщики хлеба направляются отсюда в Суздальскую землю, выходец из Галича Мерьского выгодно обменяет соль. В толпе мелькают экзотические фигуры иноземцев, привлекающие любопытство зевак. Вот благообразный старик в чалме и пестром халате. Это хорезмиец, торговец мехами из Ургенча, проделал нелегкий путь через безжизненное каменистое плато Устюрт, посетил Саксин и Булгар. По прибытии на родину он расскажет много удивительного о землях славян и их соседей, о «Стране мрака», протянувшейся до Ледовитого океана, куда проникают на лыжах и собачьих упряжках. Сведения, сообщенные неутомимым странником, позднее войдут в сочинения арабоязычных географов. Княжеские дружинники торгуются с немецким купцом из Риги, который привез в Рязань партию мечей с клеймами мастерских на Рейне. Половецкие всадники в кафтанах, вооруженные луками и саблями, пригнали на продажу коней, быков и овец.

Только на исходе дня торг затихает. Горожане, закончив дела, спешат на вечернюю службу. От берега отчаливают тяжело нагруженные ладьи. Только из княжеских палат, где допоздна продолжается веселье, доносятся пение и звуки «гудебных бесовских сосудов» — свирелей, волынок, гудков.

ГЛАВА 7
ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

Тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось.

Слово о полку Игореве

В год 6731 (1223) «пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят — таурмены...». Так воспринял русский летописец весть о появлении на рубежах Руси «неизвестного и безбожного народа», в нашествии которого усматривали божье наказание за грехи людей. Для современников вторжение «пьющих людскую кровь» татаро-монголов явилось событием неожиданным, приравниваемым к страшному стихийному бедствию. Ходили слухи: вышедшие из чуждого и враждебного мира завоеватели — тот самый дикий «народ незнаемый», что, согласно древней легенде, был заклепан в далеких горах Александром Македонским.

«ОРДА РЕВУЩАЯ»

Татаро-монгольское нашествие приняло поистине глобальные масштабы. По мере продвижения монгольских войск через испепеленную и обескровленную Русь к границам католического мира ужас все нарастал. Жуткие вести о степных врагах с Востока, нападавших «со стремительностью молнии» и грозивших гибелью всему христианству, о свирепости «сынов Измаиловых», «людей бесчеловечных

Пеший монгольский воин (из Китайской энциклопедии XVII в.)

и диким животным подобных», проникли через Германию во Францию и Англию. По словам английского хрониста Матвея Парижского, татары «словно чума, обрушились на человечество», «словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли». «А головы у них слишком большие и совсем не соразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам народов». Казалась отталкивающей и сама внешность пришельцев: выступающие скулы, приплюснутый нос, узкие раскосые глаза, небольшой рост, редкие волосы на бороде.

Роковое нашествие «Плутонова воинства», «изрыгнутого тьмой Тартара», сеяло панику.

Царства опрокинуты, вытоптаны грады,
Под кривыми саблями падают отряды,
Старому и малому не найти пощады,
В божиих обителях гибнут божьи чада...

Летит орда ревущая,
И гнущая, и мнущая,
Как туча, град несущая,
Как буря, в берег бьющая,
Летит с горы в долину,
Разливом чрез плотину...

Чтобы спастись от ярости кровожадного племени «проклятых циклопов», «коих манит запах тлена», есть только одно средство — вознести дух:

К господу спасителю,
Милости гласителю,
Света источителю,
Всех грехов целителю!

Стих о татарском нашествии
(Зальцбургская рукопись XIII в.)

Как о величайшем несчастье, постигшем оседлый цивилизованный мир, писал о грандиозных монгольских завоеваниях арабский историк Ибн-ал-Асир: «Татары ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши».

Грабительские войны татаро-монголов привели к истреблению сотен тысяч людей, к запустению областей и городов, уничтожению неисчислимых материальных ценностей и культурных сокровищ. Развитие покоренных стран Азии и Европы затормозилось и отодвинулось на много лет.

Захватив Кавказ и Закавказье, «безбожные иноплеменники» приблизились к границам Руси. 31 мая 1223 г. в первой крупной битве с никогда не виданным противником на реке Калке у Азовского моря русско-половецкие рати, не имевшие единого командования, потерпели жестокое поражение: одних киевлян погибло тысячи, в злой сече пали почти все князья. Среди «семидесяти великих и храбрых богатырей», оставшихся на поле брани, сложил голову и Рязанич Добрыня Золотой Пояс. «И был плач и вопль во всех городах и селах». Калкское побоище явилось первым зловещим предупреждением русским князьям о надвигающейся опасности, о новой степной угрозе, предвестием порабощения монголами Русской земли. Но до начала всенародной трагедии должно было пройти еще четырнадцать лет.

НА ПРОСТОРАХ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Какие события в глубинах Центральной Азии предшествовали необычайным военным успехам монгольских завоевателей и образованию ими гигантской империи?

Такие источники, как «Тайная история монголов», написанная в 1240 г. персом Рашид ад-Дином, известия западных путешественников — францисканского монаха Плано Карпини, родом из Перуджи, посланного папой к Великому хану в 1245 г., и венецианца Марко Поло, — рисуют быт и нравы «поколений, живущих в войлочных кибитках».

На огромных пространствах центральноазиатских степей от озера Кулун-Нор на востоке до отрогов Алтайских гор на западе кочевали племена, говорившие на разных наречиях монгольского языка. В восточной части Монголии выделялось большое племя татар — имя, ставшее нарицательным для всех монгольских и тюркских племен, объединившихся в военную державу. Так называли своих поработителей и наши предки.

Испокон веков кочевое скотоводство и охота — главные занятия кочевников. По нескольку раз в году в поисках пастбищ степняки переходили с места на место, перегоняя табуны коней, стада коров, овец, коз. Китайский путешественник Чань-чунь, посетив монгольские степи, сложил стихи: «На земле не растет дерева, а только дикая трава... хлеба здесь не растут; питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы». В целом мире нет такого количества вьючного скота, отмечал Карпини.

Род, как основа монгольского общества, к началу XIII в. постепенно разлагался, патриархальные отношения уходили в прошлое. В борьбе с имущественно более слабыми группами выделяются степные аристократы, военные вожди, носившие титулы бахадур (богатырь), сецен (мудрый), мерген (меткий стрелок), наконец, нойон (князь, господин) и тайши (царевич, член царского рода). Предводители получают власть над массой кочевников уже не как родовые старейшины, а как наиболее сильные представители знати. Возглавляя набеги на соседей для захвата пастбищ, богатств и рабов, властвуя над харачу — «черным людом», они стремились к возведению на престол мощного хана, способного организовать далекие агрессивные походы.

Таким объединителем монгольских племен в жестокой борьбе с другими претендентами стал великий полководец

Тэмуджин, человек могучей воли и выдающихся организаторских способностей, гибкий политик, проницательный военачальник. Представители племен, избрав Тэмуджина ханом, удостоили его титула Чингисхана — «повелителя сильных».

Это произошло в 1206 г. на курултае — собрании высшей монгольской знати на реке Онон в Забайкалье. Под девятибунчужным белым знаменем юридически закрепилось то, что было добыто оружием. «Так как Чингисхан, — писал Рашид ад-Дин, — был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и времени, все племена и роды монгольские из родных и чужих стали его рабами и слугами». Возвышению Чингисхана способствовала отборная личная гвардия полководца, дружинники-нукеры, которые в случае гибели господина обязаны были умереть на поле битвы. Люди «крепкого телосложения» из десятитысячного гвардейского корпуса крепко опекали «златую жизнь» хана.

Вскоре Чингисхан начал раздавать улусы, или владения, сыновьям и ближайшим родичам, членам Чингисова дома. Все подвластное население было разделено на тумены (десять тысяч, «тьмы»), тысячи, сотни и десятки. Начальниками туменов (по-русски — темники), тысячниками и сотниками назначались племенные князья. Такое административное деление отвечало древней военной организации монголов, войско которых состояло из десятков, сотен, тысяч и десятков тысяч. Все мужское население, способное носить оружие, входило в эту систему, все были воинами: вели походную жизнь, устраивали облавные охоты в мирное время, а в военное занимались грабежами. В державе, превращенной в военный лагерь, быстро мобилизовать огромное войско не составляло труда: Чингису подчинялось до 120 тысяч человек — по тем временам внушительная сила.

Назревали планы завоевательных походов против других стран. Социальные конфликты внутри Монголии, недостаток пастбищ, жажда обогащения за счет побежденных направили военную экспансию в сторону цветущих цивилизованных государств.

Недооценка сил врага привела к самым гибельным результатам: Чингисхан командовал не рыхлыми скопищами кочевников, а великолепно организованной мобильной армией, спаянной железной дисциплиной — за малейшее нарушение и простого воина, и высшего начальника ожидала смертная казнь. Бегство с поля боя считали величай-

шим позором, неповиновение приказу — тяжелейшим преступлением. По стратегическому и тактическому искусству, особенно при фланговом охвате неприятеля, по внезапности и подвижности, по самим масштабам — кампании, проведенные Чингисханом и его преемниками, не имели равных в истории. Жестокий террор, борьба на уничтожение сопротивлявшихся снискали Чингису мрачную славу одного из самых кровавых завоевателей.

КОННЫЕ ЛУЧНИКИ

Главная ударная сила монголов — легкая, маневренная конница — решала победоносный исход сражений. С удесятеренной скоростью она преодолевала огромные пространства, вела бой и на пересеченной местности, постоянно меняя тактику. Вихревые атаки сочетались со схватками «посредством бегства»: на полном скаку, повернувшись назад, конники поражали преследователей дождем смертоносных стрел. С документальной точностью рисует западноевропейский поэт нашествие «многотабунной орды», где конь и всадник словно обладают единым сердцем и волей:

Орда многотабунная конями знаменита,
В них ратная и мирная опора и защита.
Они в сраженье, ратуя, недругов сражают,
На них в сраженье взятые пожитки нагружают.

С кремневыми копытами,
Подковами подбитыми,
Кореньями питаются,
Со стойлами не знаются!

Лук натянет, рот оскалит,
Дальним выстрелом ужалит,
Трижды важного умалит,
Трижды стойкого повалит!

От стрелы его проклятой
Не спасут ни щит, ни латы;
Дик, неистов люд косматый,
Как бежать от супостата?

Стих о татарском нашествии (XIII в.)

Конь — это крылья бахадура, его достоинства — в быстроте и красоте бега, умении преодолевать любые дороги.

Монгол с конем. Персидский рисунок с китайского оригинала XIII в.

Стремительные скакуны совершали трехдневный путь за день, оставляя за собой перевалы, кручи, горные реки. Неутомимые всадники долгое время не сходили с седла. С раннего детства сроднившись с конем и верховой ездой, профессиональный воин считал позором ходить пешком. В мире кочевников отсутствие коня — наивысшая степень бедности. В сложную выучку боевых коней входило многое: конь останавливался возле упавшего всадника или продолжал его волочить, когда тот имитировал ранение или смерть; ложился возле раненого, чтобы тот мог вновь сесть в седло; выносил хозяина из боя; был приучен к неожиданным маневрам и «военным хитростям». «Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны» (Марко Поло).

Малорослые монгольские лошади обходились в многодневных переходах минимальным количеством корма, что обеспечивало быстроту передвижения, они питались любой травой, в течение нескольких суток довольствовались двумя-тремя горстями зерна. Редкая выносливость преданных животных избавляла от необходимости заго-

товки громоздких кормовых запасов. Каждый воин имел не менее двух запасных коней.

Столь же неприхотливы были всадники, привыкшие к лишениям: «Голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели» (Карпини).

Отправляясь на войну, брали с собой лишь небольшую палатку, глиняный горшок для варки мяса, два кожаных меха с кобыльим молоком. При внезапных набегах могли скакать дней десять, не разводя огня и питаясь только кровью своих коней, надрезая им кожу. Овечий сыр, сушеное мясо, просо с водой — обычная пища монгольского воина во время похода.

В дальних походах получили распространение кибитки для хана и его ближайших сподвижников — перевозимые быками повозки с неразборными войлочными юртами.

Лук — грозное оружие монгольского конника. Самые сильные натягивали тугой лук «до уха», что позволяло метать стрелы до 700 м, при натягивании «до глаза» дальность полета достигала 400 м. На гранитной стеле из Эрмитажа, датируемой 1224 г., в пяти строчках старомонгольского текста увековечен феноменальный рекорд некоего Есунхия: он попал стрелой в цель на расстоянии 536 м. Для изготовления сложного лука применяли бересту, рыбий клей, бамбук, оленьи рога, натуральные шелковые нити, сухожилия крупных животных. Особый лак предохранял оружие от сырости и усыхания. Стрелы, длиной около метра, с перьевыми стабилизаторами, вырезали из древесины сосны. Археологам хорошо известны «свистящие» монгольские стрелы, крупные наконечники которых специально продырявлены в лопастях. Звук, издаваемый ими при полете, нагонял страх на врага. Каждый воин имел два или три лука; один из них — для поражения отдаленных целей. В одном колчане носили стрелы с закаленными стальными наконечниками, пробивавшие доспехи, в другом — облегченные, для стрельбы на дальние дистанции.

Вооружение легкой конницы включало кривые сабли и копья с крюками для стаскивания противника с седла. На войне и охоте воины искусно владели арканами. Их тело защищал панцирь из буйволовой кожи. Но прежде всего монголы были отличными стрелками: уже в два-три года мальчики начинали ездить верхом, учиться уп-

Монгольская юрта на повозке. Реконструкция по Г. Г. Юлю

равлять лошадьми и упражняться в стрельбе из маленьких луков.

В состав регулярной армии входила и тяжелая конница, состоявшая из зажиточных воинов, так как добротное вооружение ценили высоко. Привилегированное всадничество отличалось от большинства соплеменников: тяжело снаряженные воины сражались мечами, палицами, перед боем надевали пластинчатые железные доспехи, шлемы на кожаной подкладке. Кожаные доспехи защищали и лошадей.

ГРОЗА С ВОСТОКА

Людям XIII в. монгольское нашествие казалось мировой катастрофой — мирные земледельческие поселения и цветущие города сметались с лица земли. Уже в 1207 г. монголы захватили древнехакасское государство на верхнем Енисее. В 1211 г. захватчики, пройдя через Великую китайскую стену, наводнили Северный Китай (государство Цзинь). Завоеватели усвоили многие достижения высокой китайской культуры. Монгольские власти вывезли из Китая осадные машины и людей, умевших ими пользоваться, что позволило впоследствии успешно штурмовать казавшиеся неприступными города.

Движение полчищ Чингисхана стало поступательным: «зло простерлось на всех; оно шло по всем весям, как туча, которую гонит ветер». Разгром государства хорезмшахов в 1219 г., которое простиралось от Аральского моря до Персидского залива, стал начальным этапом завоевания стран Западной Азии и Восточной Европы, привел к захвату Багдада и падению Аббасидского халифата. Во время покорения Средней Азии в полной мере проявилась система массового организованного террора для создания атмосферы страха в завоеванных или готовящихся к отпору странах. Если сдавшийся город упорно сопротивлялся, уцелевших жителей выгоняли в поле и, пока длился грабеж, они оставались под надзором монгольских стражников. Закончив дележ добычи — боевых коней, скота, оружия, золота, серебра и шелковых тканей, принимались за горожан: боеспособных мужчин убивали, их семьи обращали в рабство, девушек и молодых женщин распределяли между знатью и воинами. Искусных ремесленников угоняли в Монголию. Если город удавалось взять только приступом или позднее в нем вспыхивало восстание, то учиняли всеобщую резню, городские кварталы сжигали. В Мерве пленные писцы 13 дней подсчитывали число убитых жителей. Беглец из Бухары на вопрос о судьбе его города ответил кратко: «Пришли, разрыли (дворы и подвалы сожженных зданий в поисках ценностей.—*В. Д.)*, сожгли, перебили, увели в неволю и ушли». Беспримерное мужество проявили защитники столицы Хорезма — многолюдного Ургенча. «Жители города, — рассказывает персидский историк Джувейни, — укрепились в улицах и кварталах; на каждой улице они начинали бои, и около каждого прохода устраивали заграждения. Войско монгольское сосудами с нефтью сжигало их дома и кварталы и стрелами и ядрами сшивало людей друг с другом». После захвата Ургенча молодых женщин, детей и более 100 тысяч ремесленников увели в рабство, а остальных горожан перебили топорами, кирками, саблями и булавами: на долю каждого воина-палача пришлось по 24 человека. Вслед за тем монголы открыли плотины: воды Амударьи затопили город, так что из его обитателей не спасся никто.

Молодых мужчин завоеватели брали в «толпу» для тяжелых осадных работ и обозной службы. Во время штурма крепостей «людей толпы» принуждали идти впереди войска, превращая их в мишени для своих же соотечественников. Руками пленных устанавливали осадные машины, рыли окопы, засыпали рвы и каналы вокруг город-

ских стен и вели под них подкопы. По численности эти вспомогательные отряды часто превышали монгольское войско: в осаде Ходжента участвовали 20 тыс. монголов и 50 тыс. пленников. Когда Чингисхан после взятия Бухары двинулся к Самарканду, он вел с собой несметную осадную «толпу» из бухарских пленных, всякого, кто изнемогал в пути, убивали.

Уже история завоевания государства хорезмшахов со слабой центральной властью показала гибельность внутренних распрей местной знати, не сумевшей создать коалицию против чингисидов. Самыми стойкими борцами против «неверных» выступили ополчения горожан.

Летом 1220 г. Чингисхан организовал разведочный рейд 30-тысячного корпуса под командованием полководцев Чжэбэ-нойона и Субэдэй-бахадура — воспитанных в степных войнах опытных военачальников. Монголы опустошили Северный Иран и Азербайджан, нанесли поражение грузинской армии, обошли горными ущельями укрепленный Дербентский проход, разгромили на Северном Кавказе половцев и аланов (осетин), дошли до Крыма, где взяли Судак. Вскоре произошла злосчастная битва на Калке, когда каждый князь сражался сам по себе и мог покинуть поле боя по своей прихоти. Междоусобные распри привели к разгрому русских дружин в «злой и лютой сече», но осталось ощущение, что татары как бы навсегда растворились в степи, и летописцы того времени не проявили особых признаков обеспокоенности: «Татари же возвратившася от реки Днепря; и не сведаем, откуду суть пришли и кде ся деша опять».

УСОБИЦЫ

Чудовищной централизованной военно-административной машине монголов противостояли хотя и культурно развитые, но политически раздробленные страны, раздираемые внутренними противоречиями. Империя, объединившая огромные силы кочевников Центральной Азии — не только монгольские, но и тюркские, маньчжурские, тунгусские и тангутские племена, столкнулась с феодальными государствами, расколотыми на множество владений. Их правители, враждовавшие друг с другом, не сумели организовать отпор захватчикам.

На Руси политический строй, признавший суверенность отдельных княжеств, был узаконен на Любечском съезде

1097 г.: «каждо да держать отчину свою». На 30-е гг. XII в. приходится окончательное раздробление древнерусского государства, обособление земель, создание городов-государств, еще недавно признававших власть киевского князя. Умножилось число княжеских линий и князей, каждый из которых в ущерб общему делу отстаивал узкоместные волостные интересы. Русь потрясал шквал междоусобных войн — «дьявол положи смятение великое», — как писали летописцы. Они сопровождались не меньшими опустошениями, чем набеги половцев. В хитросплетениях «великой вражды» с соперниками князья не гнушались вступать со степняками в военные союзы. Принимавшие участие в княжеских распрях с целью захвата добычи — скота, драгоценностей, пленников, — половцы были слишком коварным и ненадежным союзником. Владевшие уделами, почти независимые, князья не могли создать единую систему защиты даже в пределах одного княжества. Оборона земли-княжения строилась на самостоятельных укрепленных центрах.

В истории Рязани, основанной на южном порубежье Руси, не бывало периодов длительного мира. Рязанские князья и «рыцарство» психологически не отличались от своих современников. Как вождь и организатор народного ополчения, князь первым бросался в «полкы ратных» или к стенам осажденного города, увлекая мужеством дружину и воинов. Гибель князя на поле брани считали вполне естественной. Воинская доблесть — одна из высших нравственных ценностей того времени, стремление «изломить копье свое» — в самой гуще боя не всегда приводила к удачному исходу битвы. Стремясь к личному участию в сражении, безоглядно действуя на свой страх и риск, князь зачастую не считался с общими действиями, не координировал их. Полагаясь на собственные силы и боевой опыт, русский князь более заботился о своей личной чести-славе в глазах окружающих. Напротив, управление войсками у монголов осуществлялось на расстоянии: полководец наблюдал за сражением с возвышенного места, над которым развевалось его знамя.

Далеко не всегда рязанские князья, воинственная и беспокойная ветвь Рюриковичей, решали споры на основе закона: произвол, нарушение крестоцелований при «добывании больших столов» было делом обычным. Не рассчитывая на благоприятное судебное решение, легко прибегали к мечу по праву сильного. Рязанские князья, потомки Ярослава Святославича, князя черниговского, а позднее муромо-

рязанского, подобно правителям южной Руси, предпочитали прибегать к «суду божьему», то есть «кулачному праву». Им чужда осторожная, расчетливая политика владимирских самовластцев, их постоянных соперников. Неукротимая отвага, молодечество отличали и горожан Рязани.

К XIII в. Рязанское княжество как целостный политический организм перестало существовать: обособился Муром, попытки старших князей вмешиваться в дела своего же удела Пронска приводили к военным столкновениям. С XII в. усилилась половецкая угроза: кочевники проникли в глубь рязанской территории, нападая на окраинные города: «множество половець приходиша на Рязань и много зла сотвориша и отъидоша восвояси». Зажатые между сильным Владимиро-Суздальским княжеством и степью, рязанские князья то наводили половцев на русские земли, находя у вероломных союзников убежище и поддержку, то сами участвовали в общерусских походах на «детей бесовых». В этой двойственной политике, зависившей от конкретных ситуаций, рязанцы не составляли исключения среди русских князей эпохи междоусобиц, когда, по словам автора «Слова о полку Игореве», говорил брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

Летом 1217 г. в Ильин день на берегу Оки разыгралась кровавая драма. Глеб Владимирович рязанский, «подученный сатаной на убийство», и его брат Константин пригласили на совет ближайших родственников. Вместе с родным братом Глеба Изяславом приехали пять их двоюродных братьев; не смог прибыть только Ингварь Ингваревич, ибо «не приспело время его». «Честный пир» устроили в прибрежном селе, по преданию — в Исадах, где раскинули большой шатер. В разгар веселья, когда гости захмелели, Глеб и Константин извлекли мечи и вместе с половцами, спрятанными под пологом шатра, иссекли братьев, вместе с их боярами и дворянами «без числа». Злодейское избиение попавших в западню князей «окаянным» Глебом всего за двадцать лет до Батыева нашествия потрясло современников. Попытка объединения Рязанской земли и ликвидации уделов обернулась ужасным братоубийственным преступлением. В эгоизме верхов справедливо видели причину всенародных бедствий. «И поглощена бысть премудрость могущих строити ратные дела, и крепких сердца в слабость женскую преложишася, и сего ради не

един от князей русских друг другу поиде на помощь», — сетовал летописец.

Раздираемое изнутри, вынужденное отражать набеги половцев, воевать с булгарами и сталкиваться с мордовскими племенами, Рязанское княжество явно уступало в борьбе с грозным северным соседом — Владимиро-Суздальской Русью. Проводившие самовластную политику, суровый и своенравный Андрей Боголюбский и его брат Всеволод-III Большое Гнездо, первый в истории официально принявший титул великого князя, который, по словам певца «Слова о полку Игореве», «мог Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать», стремились подчинить Рязанскую землю, занимавшую стратегически важный плацдарм на границе со степью и игравшую важную роль в восточной торговле. Всеволод, искусный политик, правил с завидным тактом и терпением, умело сталкивая князей между собой. Но, несмотря на неравенство сил, рязанцы оказали упорное сопротивление.

В междоусобной борьбе обе стороны не стеснялись в средствах: выжечь, разорить, пограбить, попленить, избить, в общем, нанести максимальный урон сопернику. Практиковали и заточение противника в «поруб», погреб. Так, Ростислав Ярославич, изгнанный из Рязани сыном Юрия Долгорукого Андреем, объединившись с половцами, внезапно ночью напал на обидчика, так что «Ондрей же одва утече в одном сапоге, а дружину его овех изби, а другиа засув во яму, а иные истопоша в реце». При Ростиславе, характер которого отличали настойчивость и какая-то суровая энергия, борьба с Юрием стала особенно ожесточенной. На Ростислава «зряху вси» рязанские удельные князья, признавшие его старшим.

В 1174 г., когда во время боярского заговора погиб Андрей Боголюбский, рязанцы пытались покончить с вассальной зависимостью от владимирских властителей, посадив на их престол своих ставленников. Однако деятельный и мужественный, но не благоразумный Глеб Ростиславич рязанский и его люди повели себя в Суздальской земле, как в завоеванной стране: ограбили Успенский собор во Владимире, захватив золото, серебро, драгоценные книги и, что особенно возмутило владимирцев, такие местночтимые святыни, как знаменитую икону Богоматери и любимое оружие князя Андрея — меч святого Бориса. В войне с занявшим владимирский стол Всеволодом III Глеб сжег Москву и подмосковные села, разграбил церкви и монастыри около Владимира, отдавая население в рабство своим

союзникам — половцам. В битве на реке Колакше с помощью черниговских и новгородских полков Всеволод разгромил рязанцев и их половецких наемников. Сам Глеб попал в плен вместе со своими «думцами» и кончил дни в темнице во Владимире.

В борьбе со строптивыми и непокорными «младшими братьями» и «детьми», какими считали рязанских князей владимирские самовластцы — их «старшие братья» и «отцы», Всеволод прибег к крайней мере: взятию города «на щит» — жестокой расправе с «безвинными христианами». В 1186 г. он повел в Рязанскую землю «и всю землю ту пусту створиша, пограбиша и пожгоша». Через двадцать лет после очередного заговора неуемных рязанцев и восстания горожан против сына Всеволода, посаженного в Рязани, наступила развязка. Подойдя к стенам города, разгневанный Всеволод приказал жителям выйти из него с имуществом, которое могли унести с собой, и предал Рязань огню. С пожаром 1208 г. можно связать обнаруженные нами сгоревшие постройки нижнего строительного горизонта. Как показал разрез вала у Исадских ворот, в пламени погибли и укрепления, вскоре возобновленные. Рязанских бояр и епископа Арсения увели во Владимир, а обитателей разоренных городов разослали в разные места Суздальской земли. Подчинение Рязани образно выражено в «Слове о полку Игореве» в обращении к Всеволоду: «Ты ведь можешь посуху живыми шереширами (название какого-то оружия. — *В. Д.*) стрелять, удалыми сынами Глебовыми» — то есть потомками Глеба Ростиславича,

Между рязанскими и сильными владимиро-суздальскими князьями в XII в. установились отношения вассалитета. Владимирские правители защищали Рязань от врагов, но при этом требовали участия рязанских ратей в походах на половцев и волжских булгар, использовали их в борьбе с Киевом, Черниговом, Новгородом. Лишь незадолго до татарского нашествия усобица между сыновьями Всеволода III позволила Рязани на короткое время обрести самостоятельность.

Церковь, считавшая братоубийственную войну грехом, во время княжеских распрей стремилась выступать в роли миротворца. С выражением покорности и просьбой не разорять города встретил Всеволода на берегу Прони рязанский епископ Арсений: «Господине княже... не проливай крови христианьскиа, не опустоши сих мест... не пожги церквей и честных монастырей... не воздвигни на себя гнева божиа». «Устрашися словес сих», владимирский князь внял мольбе и повернул к Коломне. В другой раз с дипломатиче-

ской миссией к Всеволоду прибыл сам митрополит Матвей из Киева. Его ходатайство способствовало освобождению из плена рязанских князей и княгинь.

Но ослепленные взаимной ненавистью, поглощенные политическими интригами, князья лишь изредка внимали «слову божьему» и голосу собственной совести. Ослабленная усобицами, истощавшими народные силы, Рязанская земля приняла новый страшный удар.

ПОД СТЕНАМИ ГРАДА

В 1235 г. на курултае в столице Монгольской империи Каракоруме приняли решение о новом, грандиозном по размаху, походе на Волжскую Булгарию и Русь. Во главе армии, которая насчитывала в своих рядах около 70 тыс. конных воинов, стал внук Чингисхана Бату (по-русски — Батый), энергичный и честолюбивый полководец. Его правой рукой был Субэдэй-бахадур, один из самых одаренных и опытных военачальников Чингисхана, победитель в битве на Калке. Вместе с принцами крови — членами правящего дома в поход на Русь отправились и старшие сыновья всех монголов, включая владельцев уделов и ханских зятьев.

В конце 1236 г. мощная военная сила через прикаспийские степи вторглась в Булгарию и подвергла ее страшному разгрому. Агрессоры подступили к Булгару. «От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные»,— писал Джувейни. С горестью повествовал и русский летописец о гибели «славного Великого города Болгарского», чему предшествовало некое «знамение в солнци». «Безбожнии татари» сожгли его, избив жителей «от старца и до унаго и до сущаго младенца» и захватив «товара множество». Пройдя мордовские земли, захватчики оказались на пороге Рязанской земли.

Летописные известия и археологические открытия в Старой Рязани позволяют воссоздать дальнейшие события. Особенно важен цикл рязанских повестей о татаро-монгольском нашествии, слагавшийся в течение почти двух столетий. Среди них на первом месте — «Повесть о разорении Рязани Батыем», одно из самых ярких произведений древнерусской литературы. Первоначальная редакция этой воинской повести с ее задушевным лиризмом и идеализа-

цией рыцарских подвигов князей и дружины, вероятно, принадлежала перу живого свидетеля трагической гибели города. Глубокая скорбь очевидца, еще не смягченная временем, чувство неотвратимости бедствий пронизывают повествование. Многие детали разыгравшейся драмы могли быть памятны только ему, запечатлены по свежим следам событий: еще не забылись ужасы татарского погрома, не зарубцевались душевные раны.

...1237 год. «Окаянные татарове» под Черным лесом в пойме реки Воронежа или в междуречье Воронежа и Дона, более чем в 200 км от столицы, собирали силы перед вторжением, ожидая, когда замерзнут реки и болота. По пути, прикрытому лесами от рязанских сторожевых постов, войско Батыя могло «безвестно» подойти к рекам Лесной Воронеж и Польный Воронеж, откуда из широкого прохода в массиве лесов монгольская конница вырвалась на просторы Рязанского княжества. Началу войны предшествовала глубокая стратегическая разведка для получения детальной информации о противнике. Функции лазутчиков-соглядатаев выполняли и послы: Батый направил в Рязань женщину-чародейку и двух татар, требуя у рязанских князей десятины во всем: «каждого десятого из князей, десятого из людей и коней: десятого из белых коней, десятого из вороных, десятого из бурых, десятого из пегих, и десятой части от всего». Последовал гордый ответ Юрия Ингваревича — старшего рязанского князя, умного, мужественного, уважаемого младшими родичами: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет». Недальновидный владимирский князь Юрий Всеволодович отказал рязанцам в помощи, надеясь разбить врага собственными силами. В гневном тоне библейских пророчеств летописец осудил этот шаг: «Так и у нас господь отнял сначала силы, а за наши грехи послал на нас грозу, и страх, и трепет, и недомыслие». Не прислали полки и черниговские князья, ссылаясь на то, что рязанцы не приняли участия в битве на Калке. В поле навстречу Батыю к южным пределам рязанским вышло не общерусское войско, а отчаянные дружины местных князей.

В злой и ужасной сече «много сильных полков батыевых пало». По образному выражению автора «Повести о разорении Рязани Батыем», «один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами».«Удальцы и резвецы рязанские» полегли в неравном бою: «Все равно умерли и единую чашу смертную испили». Согласно Никоновской летописи, «бежаша князи во грады своя» — битва открыла

завоевателям путь в глубь Рязанского княжества. Поэтическая гиперболизация затрудняет воссоздание хода сражения у верховий Воронежа. Вероятно, здесь произошло то же, что позднее в битве на реке Сити, притоке Мологи, где потерпели поражение владимиро-суздальские войска. Применив обходной маневр, многочисленные, как саранча, монголы окружили княжеский стан. Построение конного монгольского войска — центр и два крыла — благоприятствовало быстрому окружению противника, не обладавшему столь совершенной конницей. Кочевники применяли и ложное бегство рассыпным строем для заманивания неприятеля. Обернувшись к увлекшимся преследователям, они смыкали фланги, и те оказывались в окружении; в этот момент и ударяли засадные полки. Сражение завязывала легкая конница. Осыпая врага издали дождем каленых стрел, раня и убивая людей и лошадей, то наступая, то притворно отступая, она расстраивала ряды противника, изматывала его, не вступая в ближний бой. «Бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьих коней, и людей». Когда нападавшие обескровлены, «поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага» (Марко Поло).

Разгромив рязанские дружины, Батый повел войска через Половецкое поле, разрушил Пронск, южные ворота Рязанского княжества, и, опустошая все на пути, 16 декабря обложил Рязань.

В воображении встает тот отдаленный от нас веками сумрачный зимний день, когда предчувствие неотвратимой гибели охватило население обреченного города, когда нашествие несметных полчищ «сыроядцев», будто вышедших из адских бездн, восприняли как преддверие Страшного суда. Над разоренными окрестными селами, застилая небо, поднимались клубы дыма, горели постройки на подоле у реки. На покрытом пеплом снегу, испещренном кровавыми пятнами и истоптанном тысячами копыт, застыли трупы погибших.

Ржали кони, ревели верблюды, скрипели телеги. На промерзших лугах ставили шатры, на веревках тащили осадные орудия, готовили связки хвороста для заваливания рвов и приставные лестницы для подъема на валы. Еще никогда со стен Рязани не видели такого множества чужих всадников, охваченных «великою яростию»: рязанцы не знали, что у их города сошлись войска семи ханов, потомков Чингиса. По ночам окрестности озарялись несметными ко-

страми. Воспоминания об ужасах татарских осад пронесли сквозь века и русские былины:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинова
А и месец, солнцо померкнуло,
Не видить луча света белова;
А от духу татарскова
Не можно крещеным нам живым быть.

Юрий Ингваревич с остатками войска успел затвориться в городе, под защитой его стен нашли убежище жители подола и ближайших деревень. В рязанской эпопее истинными «воителями за землю Русскую» выступили горожане и крестьяне, готовившиеся к активной обороне. Отсутствие находок мечей и шлемов — дорогого оружия профессиональных дружинников — свидетельствует о том, что главными защитниками выступили «вои» — народное ополчение. В культурном слое и возле жилищ обнаружены спекшаяся от огня кольчуга, копья и крупные рогатины, метательные дротики-сулицы, простые хозяйственные и боевые топоры, перекрестье рукояти сабли, булавы, кистени и огромное количество железных наконечников стрел, в том числе арбалетных. Это оружие было в ходу у рядового населения —«простой чади»: владение им считали неотъемлемым правом каждого свободного. Защитники города выступили не только «оружно», но и «конно». Предметы всаднического снаряжения — удила, стремена, шпоры, навершия плетей, найденные при раскопках, удостоверяют роль конников в обороне. Скорее то были простые бойцы, ибо дружина — отборное ядро княжих телохранителей — сильно поредела после сражения на Воронеже. Всегда готовые к схватке со степняками, вооруженные массы горожан и земледельцев во главе со своими военачальниками — сотниками и тысяцкими быстро мобилизовали силы для активной обороны. В ней приняло участие все боеспособное население.

ШТУРМ

Ко времени нашествия на Русь завоеватели накопили огромный опыт осады городов: «Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом

они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются» (Плано Карпини). Сведения францисканского монаха совпадают с сообщениями русских летописцев: «Поганые же татары... осадили Рязань и огородили ее острогом», то есть город был «отынен», окружен сплошным частоколом — прорваться сквозь это кольцо никто не мог. Городские стены разделили на участки между разными штурмующими отрядами. «Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли».

В ход вступила мощная осадная техника. Непосредственно за тыном, который прикрывал воинов от стрел осажденных, установили метательные орудия (русское собирательное название—«пороки»). Их поставили примерно в 75 м от крепости, что соответствовало прицельной дальности китайских камнеметов, а также самострелов и луков. С высоты стен рязанцы с изумлением наблюдали, как совсем близко сотни людей собирали невиданные гигантские машины: это были рычажно-пращевые камнеметы. Они достигали 8 м высоты, весили 5 тонн и метали камни до 60 кг. «Меташа бо каменемь полтора перестрела, а камень акоже можаху 4 мужи силни подняти»,— пишет летописец. Такие тяжелые орудия приводили в действие до 250 воинов, тянувших за веревки и изгибавших рычаг на опорной станине — гибкий, упругий шест с кожаным «гнездом» для ядра на конце. Освобождаясь, длинное плечо рычага с силой разгибалось: огромные камни сбивали «заборола»—верхние конструкции стен, лишая защитников прикрытия. «Паче же всех порочная сила, иже и забрала отшибаху и углы сокрушаху».

Менее мощные камнеметы, с расчетом от 8 до 50 человек, посылали ядра — обработанные шарообразные камни, весом в 1 кг и более, простые куски камня, льда, взрывчатые «огневые снаряды», начиненные пороховыми веществами. В состав зажигательных смесей входили нефть и смола. Монгольские камнеметчики использовали машины и более совершенной конструкции: мускульную силу людей в них заменил груз-противовес. Разрушившие постройки камни шарообразной формы, весом от 25 до 30 кг, обнаружили при раскопках Райковецкого городища в Волынской земле — крепости, разоренной татарами.

Осаждая Рязань, камнеметные батареи расставили по периметру укреплений, сосредоточив их в наиболее уязвимых местах в несколько рядов — особенно вблизи ворот, где намечали проделать бреши. В ходе боя ударные позиции пороков меняли. При осадах русских городов монголы вводили в действие до трех десятков камнеметных орудий.

Большой урон наносили самострелы-баллисты, метавшие камни «в подъем человеку» и огневые снаряды. Станковые самострелы, луки которых напрягали при помощи ворота, иногда достигали гигантских размеров: у половецкого хана Кончака один самострельный лук натягивали 50 «мужей».

Пять ночей и дней продолжалась беспрерывная бомбардировка города. Тяжелые камни крушили ворота и башни, сметали заборола стен. Едва успевали тушить загоравшиеся на разных участках укрепления, в городе пылали дома, рязанцы несли тяжелые потери.

Сквозь шум ожесточенного боя слышалось приглушенное торжественное пение: все, кто не мог сражаться, затворились в храмах, где денно и нощно шло богослужение. Объятые смертной тоской, люди приготовились к «ангельской кончине».

Прежде чем навсегда покинуть свои жилища, поспешно прятали или закапывали в смерзшуюся землю наиболее ценные вещи — времени оставалось в обрез. Но вернуться за спрятанным добром не удалось никому. Так случилось, что «узорочье рязанское», которое не стало добычей врагов, постепенно переходит в руки археологов. Завернутые в обрывки тканей или сложенные в ларцы, женские украшения скрывали в печах или подпечных ямах, под половицами и лестницами землянок. Рассыпавшиеся драгоценности уже некогда было собирать. Владельцы сокровищ запоминали только им известные ориентиры — угол постройки или перекресток дорог.

Монголы готовились к решительному приступу. Штурмовые отряды сосредоточивались для атаки там, где уже зияли бреши в укреплениях.

И вот настало роковое утро 21 декабря: «А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами...» Рвы заваливали связками хвороста. К воротам подвезли ударные орудия — тараны. Тысячи монгольских воинов карабкались на валы, остервенело лезли вверх по штурмовым лестницам. Вступило в силу оружие ближнего

боя — сабли и копья. Татары, которым удалось подняться на стены, рубились с защитниками, остальные разрушали укрепления. Рязанцы отчаянно сопротивлялись: на осаждающих сбрасывали тяжелые камни, бревна, лили кипяток-вар, поражали смертоносными стрелами, опрокидывали лестницы вместе с воинами. Но силы были слишком неравны: поверженных врагов сменяли новые волны атакующих. На стенах, у Пронских и Исадских ворот, проломленных таранами, уже кипел жестокий рукопашный бой. Когда ломалось оружие, пускали в ход ножи, дреколье, все, что попадалось под руку. И когда через бреши в воротах в город, с гиканьем и свистом, вихрем ворвались свирепые всадники на низкорослых лошадях, которые «секли людей, как траву», рязанцы с беспримерным мужеством продолжали защищать каждую улицу, каждый дом. Погибали изнемогшие от ран воители — «храбры», пал князь Юрий Ингваревич. Подожженный татарами, город горел. С треском рушились клети оборонительных стен. Густой дым стлался над заснеженной долиной Оки. «Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел». С разорением города «безбожным царем Батыем» связан верхний слой пожара, прослеженный при раскопках.

Последними убежищами и очагами сопротивления стали церкви, превращенные в опорные пункты обороны. Мы знаем: так было впоследствии и при взятии Владимира на Клязьме, где на хорах церкви святой Богородицы искали спасения и сам епископ, и княгини с детьми и внучатами, и множество бояр и простых людей. Татары выбили двери церкви, обложили ее дровами и подожгли. «И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки господа». Так было в Киеве: когда войска Батыя ворвались в город, успели построить укрепления вокруг церкви Богородицы (Десятинной). В кровопролитной сече враги взяли их приступом, и со своим добром люди спасались даже на комарах — сводах храма. Не выдержав ударов пороков, здание обрушилось. Под развалинами церкви археологи раскопали тайник с человеческими скелетами, здесь же лежали меч, топор, шлем, золотые и серебряные украшения. Судя по находкам на дне ямы заступов и ведер для вытаскивания земли, проникшие в тайник киевляне пытались прорубить в лессе выход из-под церкви к склону горы, но погибли под обвалившимися стенами. Во время уличных боев на сводах храмов сооружали «град», то есть брустверы, прик-

рывавшие осажденных. В последние цитадели превратились и рязанские церкви: в самую религиозную из эпох люди искали помощи в «доме божьем». Но несчастных не спасли стены храмов: «И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали... А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили». Если кирпичные церкви и не были разрушены до основания, то сильно пострадали: «великая церковь внутри изгорела и почернела». Степные варвары рубили иконы, срывая с них драгоценные оклады, бросали в огонь книги, отдирая драгоценные переплеты.

Цветущий город превратился в дымящиеся развалины.

«И НЕ ОСТАЛОСЬ В ГОРОДЕ НИ ОДНОГО ЖИВОГО»

Как траурный, заупокойный хорал-рыдание, звучат слова безвестного автора «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые». Археологические раскопки открыли трагическую картину тотального зверского уничтожения населения города.

Вспахивая огороды или копая погреба, крестьяне Старой Рязани издавна натыкались на человеческие кости и черепа. Создавалось впечатление, что на городище и за его пределами раскинулся обширный «город мертвых». При исследованиях на Северном городище обнаружены погребения со следами насильственной смерти: в позвонок одного из погибших вонзилась стрела, на костях — отметины от ударов холодным оружием. Среди 90 скелетов — мужские, женские, детские. Украшения из женских погребений — решетчатый перстень, семилопастное височное кольцо, бусина из горного хрусталя, кусочки шелковой ткани, на которой золотным шитьем изображены птицы по сторонам древа жизни,— не оставляют сомнения в датировке могил.

Систематические раскопки братских могил жертв монгольского нашествия наша экспедиция провела в 1977—

1979 гг. на подоле вблизи Оки и около бывшего усадебного дома Стерлиговых у южной околицы деревни Фатьяновка.

Изучение антропологических материалов показало: из 143 вскрытых погребений большинство принадлежит мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет и женщинам от 30 до 55 лет. Много детских захоронений, от грудных младенцев до 6—10 лет. Это рязанцы, которых завоеватели истребили поголовно, многих уже после взятия города. Юношей, девушек и молодых женщин, оставшихся в живых, вероятно, разделили между воинами. Найден скелет беременной женщины, убитый мужчина прижимал к груди маленького ребенка. У части скелетов проломлены черепа, на костях следы сабельных ударов, отрублены кисти рук. Много отдельных черепов. В костях застряли наконечники стрел.

Жителей городов, оказавших упорное сопротивление, ожидала жестокая расправа. За исключением ремесленников и обращенных в рабство, остальных пленных зарубали топором или обоюдоострой секирой. Массовые казни происходили методично и хладнокровно: осужденных разделяли между сотниками, те же — поручали каждому рабу умертвить не менее десяти человек. По рассказам летописцев, после падения Рязани — мужчин, женщин и детей, монахов, монахинь и священников уничтожали огнем и мечом, распинали, поражали стрелами. Пленникам рубили головы: при раскопках А. В. Селивановым Спасского собора обнаружены скопления из 27 и 70 черепов, некоторые со следами ударов острым оружием.

Еще более страшные картины открылись глазам археологов в разоренных татарами Киеве, Райковецком городке, в городах-крепостях Колодяжин и Изяславль во Владимиро-Волынском княжестве. Сотни скелетов защитников с оружием и в доспехах лежали там, где их настигла смерть. Останки стариков, женщин и детей обнаружены под обвалами сгоревших построек и внутривальных жилых клетей, на площадях, на дне оборонительных рвов, в патернах — подземных тайных ходах из крепости. В Киеве две девочки-подростка спрятались, прижавшись друг к другу, в глинобитной печке, где их и застала гибель. В Райках искавшая спасения женщина до последних минут жизни обнимала своего ребенка. Захватчики уничтожили и всех домашних животных — лошадей, коров, овец.

Кровавые преступления татаро-монгольских полчищ, подтвержденные раскопками, полностью подтверждают

слова Карла Маркса: «...будучи малочисленными по сравнению с огромными размерами завоеванных ими земель, они хотели ореолом ужасов увеличить свою численность и массовыми убийствами разрядить население, которое могло восстать у них в тылу» («Секретная дипломатия XVIII века»). Кощунственно выглядят попытки некоторых зарубежных и отечественных историков доказать, что тогдашние монголы, не оставлявшие после себя ничего живого, действовали в духе своего времени, а в глобальные захватнические войны для установления мирового господства они якобы оказались втянуты чуть ли не помимо своей воли.

В братских могилах Рязани погибших похоронили без гробов, в общих котлованах до 1 м глубиной, причем смерзшуюся землю разогревали кострами. Их положили по христианскому обряду — головой на запад, с руками, сложенными на груди. Скелеты лежат рядами, вплотную друг к другу, местами в два-три яруса. При них найдены бронзовые пуговки от воротников, стеклянные бусы, двусторонний костяной гребень, золототканые шелковые ленты, которыми обшивали ворот, обшлага рукавов льняных и шерстяных одежд, украшали женские головные уборы-очелья. В отличие от некоторых раскопанных археологами городов, разрушенных монголами, где хоронить убитых было некому, ибо никто не вернулся на место трагедии, братские могилы в Рязани рисуют иную картину. Ее объяснение находим на страницах «Повести о разорении Рязани Батыем». Рязанский князь Ингварь Ингваревич прибыл из Чернигова в разоренный город: он увидел только множество трупов, над которыми кружилось воронье, почерневшие от дыма церкви. Разграбив «все узорочье из казны черниговской и рязанской» и окрестные села, татары уже ушли по льду Оки к Коломне. Князь «жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру». Среди трупов убитых Ингварь Ингваревич нашел тело великой княгини Агриппины Ростиславовны, узнал снох своих. Призвав уцелевших священников, он похоронил всех убитых «с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных», очистил город и освятил. «Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный». На этом испытания Ингваря не кончились: на заснеженном поле битвы под Воронежем ему предстала зловещая картина. Князья, воеводы и дружинники—«удальцы и резве-

цы рязанские» лежали «на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало». Погибших сродников князя, многих бояр и воевод принесли в Рязань, где и похоронили с честью.

Погребения монгольских воинов, сложивших головы под стенами города, пока не обнаружены. Не исключено, что тела их отвезли в Монголию, подобно погибшим впоследствии во время боев в Венгрии.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Евпатий Коловрат... Это имя рязанского богатыря, наделенного чертами эпического героя, славной смертью своей поправшего саму смерть, стало символом беззаветного героизма в борьбе за родную землю. Красота его подвига до сих пор продолжает вдохновлять поэтов и романистов.

Когда находившийся в дальнем Чернигове рязанский воевода Евпатий Коловрат услышал о нашествии «зловерного царя Батыя», он «с малою дружиною» поспешил вернуться в родной край. Он «увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего... И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляяся в сердце своем». Он собрал дружину в тысячу семьсот человек, настиг Батыя в Суздальской земле и внезапно напал с тыла на его стан. Яростный натиск храбрецов привел татар в смятение — они стали «точно пьяные или безумные», решив, что русские восстали из мертвых. «Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно». Герой рассек до седла Батыева шурина — исполина Хостоврула, который похвалился, что пленит Евпатия. Побоище разгорелось с новой силой:

Враги хрипят, в крови скользя,
И, тьму поганую разя,
Мечи кружились и взлетали.
Едва застынет красный лед,
Звериной злобою объята,
За тьмою новой тьма встает,
Теснит дружину Коловрата.

С. Марков. Слово об Евпатии Коловрате

Татары несли большие потери, полки их смешались, пали знаменитые Батыевы богатыри. И тогда на удальцов навели множество пороков:

Битва. Илл. В. А. Фаворского

И пошатнулся Коловрат,
Когда упал с героем рядом
Округлый глиняный снаряд,
Дышавший пламенем и смрадом.

Огонь поднялся до плеча,
Коснулся панциря и платья;
Напрасно к честности меча
Взывало мужество Евпатья!

(Там же)

В народном поэтическом предании о Коловрате, которое вошло в состав «Повести о разорении Рязани Батыем», он

предстает как былинный герой сверхчеловеческой силы, подобный удалому Илье Муромцу. Когда тело Евпатия принесли к Батыю, он велел собраться мурзам, князьям и санчакбеям. И сказали они хану: «Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами». Глядя на тело Евпатия, Батый промолвил: «Если бы такой вот служил у меня,— держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия остаткам его дружины и отпустил смельчаков, не причинив им никакого вреда.

С героической обороны Рязани, первого крупного русского города, вставшего на пути Батыевых полчищ, началась многолетняя эпопея борьбы народа с грозными завоевателями. «Гради мнози, им же несть числа» стирались с лица земли, опустошались огромные территории, неисчислимы человеческие жертвы. «Пополох зол» охватил население городов и весей. Но продвижение татаро-монгольских войск меньше всего напоминало триумфальное шествие: на городских стенах рядом с ратниками сражались старики, женщины, подростки. Слишком многие крепости становились «злыми» для врага. В одном только маленьком Козельске, который осаждали целых семь недель, полегло 4 тыс. татар и среди них три темника. Киев удалось захватить только после 10-недельных непрерывных боев.

Вихрь, зародившийся в глубинах Азии и сметающий все на своем пути, достиг Польши, Чехии, Моравии, Венгрии. Но на побережье Адриатического моря в Далмации нашествие захлебнулось: монгольские военачальники поспешно повернули рати обратно на Волгу, где возникло новое государство — Золотая Орда, со столицей в Сарае. «России определено было великое предназначение,— писал А. С. Пушкин.— Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего востока».

Еще впереди будет страшное иноземное иго, когда, по словам летописца, «и хлеб во уста не идешеть от страха», но впереди — и подъем национальной активности, век создания новой Руси — Руси Московской, пора «обновления» земли, пора предельной концентрации духовных и физических сил народа, завершившаяся выходом на Куликово поле. И тогда пали оковы страха: русские увидели вековечного супостата битым и бегущим с поля боя.

Но вернемся ненадолго в разоренную Рязань. Вопреки летописному сообщению, что Ингварь Ингваревич «обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал», археология свидетельствует: после катастрофы интенсивная жизнь в городе не возобновлялась. Экспедиция не обнаружила культурного слоя послемонгольского времени, и лишь в южной части городища раскопано несколько усадеб XVII в. Открытые со стороны «татарского поля» земли, где некогда стояла Рязань, постоянно подвергались грабительским набегам монголов, служили коридором для их походов на север. В XIV в. столицу княжества перенесли в Переяславль (современную Рязань), прикрытый лесами и меньше страдавший от нападений.

Заключение

Пусть проходят годы и века,
Ты мне долго-долго будешь сниться,
Я сюда вернусь наверняка
Прочитать последние страницы.
Боль былых, давно забытых ран
Так видна в священном этом месте...
До свиданья, Старая Рязань!
Ты во мне останешься, как песня!

Из песни студентов-археологов

Каждый год ранней весной, когда в Москве исчезают последние островки грязного снега, короче становятся ночи и звонче капель, мне начинают сниться одни и те же сны... Потемневший от времени старый дом на самом берегу широкой реки. По реке проходят баржи с красными и зелеными огоньками на мачтах, и тогда в доме слышно, как на берег набегают волны. Стены моего жилья из плоско отесанных бревен, вдоль них огромные сундуки, на полке в красном углу темная икона с образом Богородицы. Подслеповатое оконце выходит во дворик, заросший подорожником и ромашкой...

Тихо открывается дверь с прибитой над ней подковой, и так же тихо появляется на пороге тетя Шура. Что-то светится на ее ладони, наверное, разноцветные кусочки стеклянных браслетов. Догадываюсь: она принесла новые находки со своего огорода, которым радуется, как ребенок...

А ведь ее уже давно нет в живых — от этой мысли я просыпаюсь и долго лежу в темноте, прислушиваясь к давно отзвучавшим голосам. Почему меня так тянет в эти места с их скромной, но чем-то глубоко волнующей красотой? Наверное, потому, что именно во глубине России, а не в современных больших городах с их повседневной суетой, где люди, поглощенные сиюминутными делами, редко вспоминают о своих корнях, постепенно приходит осознание величайшего таинства бытия, связующее поколения незримыми узами.

Для меня Старая Рязань — нечто гораздо большее, чем маленькая, почти вымершая на глазах деревня. Это изначальная Россия, наша малая родина, пропитанная потом и кровью поколений былых времен, подготовивших тот мир, благами которого мы ныне пользуемся. Своими трудами и подвигами они выводили народ к новым высотам культуры, передавая нам высокие заветы нравственности, красоты и пользы. Отсутствие чувства благодарности, неоплаченного долга перед предками, «отцами», атрофия исторической памяти, «чувства истории»— сознания того, что и прошлое продолжает существовать в сегодняшнем дне, в нас самих — печальные свидетельства духовной и интеллектуальной ущербности. И приходят на память строки Владимира Высоцкого, умевшего проникать в самую суть вещей:

Чистоту, простоту мы у древних берем,
саги, сказки из прошлого тащим,
потому что добро остается добром—
в прошлом, будущем и настоящем!

Баллада о времени

«Встречей людей в веках» назвал историю видный французский ученый Марк Блок. И добавил: «Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской». Как отдельный человек неполноценен без детских воспоминаний, так и целый народ, не сознающий свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, утративший добрую веру в то, что ничто не погибает окончательно и не проходит бесследно, подобен устрашающему манкурту...

За всеми этими мыслями я не заметил, как забрезжил рассвет, и снова задремал. И продолжался тот же сон-воспоминание. Разноцветный палаточный городок вокруг светлой церковки с шатром-звонницей, древние валы, заросшие мальвами и желтым донником, дикий степной «крик» телеги в ночи... Мерные взмахи лопат, какие-то каменные кладки (неужели наконец нашли княжеский дворец?), и вдруг из-под земли появляются золотые россыпи диковинных драгоценностей...

Археология — наука во многом интуитивная, беспокойная и всегда незавершенная. При решении любого вопроса возникает десяток новых. Истины в последней инстанции не существует: каждую проблему можно рас-

ширить и углубить. И этот путь поисков, с его успехами и неудачами, представляет увлекательное зрелище, тогда как от готового и устоявшегося — веет холодом и скукой. Изучение памятников прошлого не может замереть, позволяя все более полно осваивать мир культурных ценностей Древней Руси, возвращаться к своим истокам. Будущее не вырастает в пустоте. «Идти вперед может только память, а не забвение»— так писал Михаил Михайлович Бахтин, один из самых проницательных историков культуры.

За полтора века раскопок в Старой Рязани исследовано не более 3 проц. площади городища. Еще только начаты работы на подоле и окружающих селищах. По мере накопления новых материалов, фактов, отдельных штрихов прошлая жизнь исчезнувшего города со столь трагической судьбой будет воссоздаваться все более убедительно и полно. Благодаря усилиям археологов, воскрешающих прошлое, перед нами предстают мельчайшие подробности обыденного и духовного бытия наших далеких предков, казалось бы растворившихся в небытии. Это и произведения искусства — работа рук, ума, души ушедших поколений. Многообразие рукотворного вещевого мира, открывающегося глазам археологов, позволит нарисовать картину жизни столицы княжества Рязанского во всей ее полнокровности, наглядности.

Но многое еще не изучено, загадочно. Развитие науки требует решения все более сложных проблем — всестороннего воссоздания «живой» истории.

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Петрович
ДАРКЕВИЧ

Путешествие в Древнюю Рязань

Записки археолога

Редактор *С. Д. Цуканова*
Корректор *О. И. Дробышевская*

Сдано в набор 19.01.93 г. Подписано к печати 15.12.93 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 14,1.
Тираж 20 тыс. экз. Заказ № 146

Издательство «Новое время»
390000, Рязань, ул. Ленина, 35.

Лицензия ЛР № 061421 от 10.07.92 г.
Отпечатано в ТОО «Рязоблтипография»
390023, г. Рязань, ул. Новая, 69/12.

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	1 сн.	прокладывающие	прокладывающим
17	21 сн.	насыщенная	насыщенный
45	7 сн.	город	голод
49	10—11 сн.	предположительтво	предположительно
61	10 сн.	ленинградский	петербургский
73	3 св.	К середине	В середине
78	10 сн.	«дозировали»	«дозирали»
114	9 св.	«ружьем своим, а Перуном	«оружьем своим, и Перуном
134	3 сн.	пропущена строка	стремлением ввысь. Обилие света, льющегося из окон ба-
143	19 сн.	«кузньчько»	«кузньчько»
145	2 сн.	металлургии	металлурги
159	16 св.	циркулярный	циркульный
183	3 сн.	до XII в.	до XVII в.
215	5 сн.	в XIII в.	в XVII в.
237	11 св.	повел	повел войска

Кроме того, на стр. 205 перевернут рисунок

В.П.ДАРКЕВИЧ ❖ ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РЯЗАНЬ